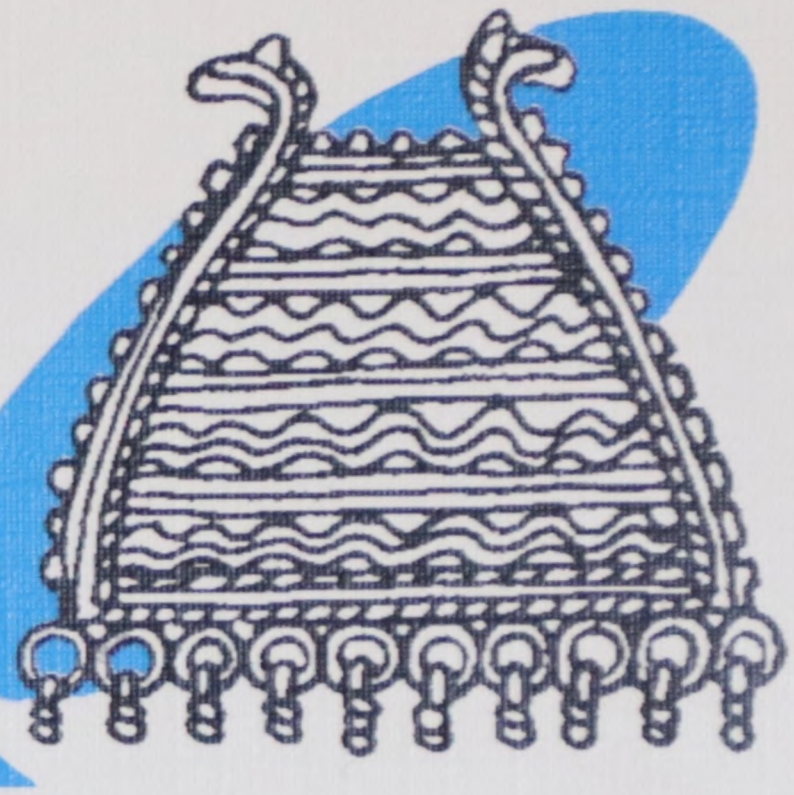
ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ

1.2008

ФИННО-УГРОВЕДЕНИЕ, 2008, № 1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 г.
Выходит 2 раза в год

Редакционная коллегия:

К.Н. Сануков (*главный редактор*)
С.С. Сибатрова (*зам. главного редактора*)
Т.Л. Молотова (*отв. секретарь*)
И.Г. Иванов
Л.Е. Кириллова
Н.И. Кульбаева
С. Лаллукка
Н.Ф. Мокшин
И.И. Муллонен
Т.Б. Никитина
А.Н. Ракин
Л.С. Христолюбова

Мнения, высказываемые в материалах журнала,
не обязательно совпадают с точкой зрения редакции

© МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева, г. Йошкар-Ола

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Молотова Т. Илдико Лехтинен – исследовательница культуры финно-угорских народов 3
Мишшяхметова Т. Путевые заметки об экспедициях с И.Лехтинен к восточным марийцам 11
Сепеев Г. Памятные встречи с юбиляром 16
Руотсала Х. Модернизация и гендерное пространство марийского села 22
Курс О. Следы лесных финнов в Центральной Скандинавии 31
Садиков Р., Мякеля К. Рукопись Ю.Вихманна о религиозных верованиях и обрядах закамских удмуртов как ценный исторический источник 42
Большова Н., Курочкина Е. Этноопределяющие образы в марийской обрядовой вышивке (по этнографическим коллекциям Национального музея РМЭ).. 57
Казакова Н. Изучение традиционного горномарийского костюма на уроках декоративно-прикладного искусства 64

СООБЩЕНИЯ

Христолюбова Л. Семейное хозяйство селян в условиях трансформаций на рубеже веков (на примере Удмуртии) 67
Бобков А. Этничность в контексте политической социализации молодежи на региональном уровне: к постановке проблемы 81
Кузнецова М. Система пространственных падежей в марийском языке 87
Казанцев Д. К вопросу о происхождении суффиксов *-влак* и *-влӓ* в марийском языке 97

ПЕРСОНАЛИИ

Сапуков К. В.М. Васильев (к 125-летию со дня рождения) 110
Помози П. Габору Берецки – 80 лет 113
Мустаев Е. А.Н. Куклину – 60 лет 118
Ипакова М. Профессору Алхо Алхониеми – 75 лет 126

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Сухих В. Рец.: Турубанов А.Н. Топливный комплекс Республики Коми в XX веке. Сыктывкар, 2007. 191 с. 133
Кульбаева Н. Рец.: Ядарова И.А. Развитие жанра очерка в марийской литературе (1900–1930-е годы). Йошкар-Ола, 2008. 142 с. 137

ХРОНИКА

Орлова О. Информационное сообщение 140
Курочкина Е. Музейная научно-практическая конференция «Евсеевские чтения» 144
Садовин И. Финно-угорский календарь 2007 года 146
Сведения об авторах 158

СТАТЬИ

Тамара Молотова
Йошкар-Ола

ИЛДИКО ЛЕХТИНЕН – ИССЛЕДОВАТЕЛЬНИЦА КУЛЬТУРЫ ФИННО-УГОРСКИХ НАРОДОВ

Илдико Лехтинен – финский этнолог, доктор философских наук, доцент этнологии, заместитель директора Музея культур Финляндии, председатель Общества М.А. Кастрена, известный как в Европе, так и в России финно-угровед. Родилась Илдико 6 марта 1948 года в Будапеште в семье служащих. В 1966 году окончила женскую гимназию и в 1967 году поступила на филологический факультет Будапештского университета. Отец работал архитектором, мама была медицинским работником, в дружной семье она росла со старшим братом. Совсем юной студенткой Будапештского университета она познакомилась со своим будущим мужем Ю. Лехтиненом, приехавшим в Венгрию в составе группы студентов Хельсинкской консерватории. В 1968 году по семейным обстоятельствам она переехала в Финляндию и поступила на филологический факультет Хельсинкского университета на отделение финно-угорской этнографии и финно-угроведения. В 1973 году она закончила обучение в университете, защитив магистерскую работу на тему «Пастушеская система на пастбищах Кискунфеледьхаза». В 1971 году, будучи еще студенткой, Илдико Лехтинен приступила к работе в Национальном музее Финляндии, а после

окончания университета в 1975 году продолжала там работать в качестве научного сотрудника. К 70-м годам прошлого столетия Национальным музеем Финляндии и Финно-угорским обществом был накоплен значительный материал в виде богатых коллекций, рукописей, фотографий, рисунков по истории и культуре финно-угорских народов. Артефакты по этнической культуре финно-угров России в фондах Национального музея относились главным образом к периоду второй половины XIX века – 30-м годам XX столетия. Финно-угорские коллекции музея находились в ведении И. Лехтинен. Исследовательница начинает изучать это наследие, и ее внимание привлекает мещерская коллекция, собранная известным финским этнографом А. Хейкелем и языковедом Ю. Лахерма. Уже в начале своей деятельности она пишет обзорные работы по финно-угорским этносам. Ее авторству принадлежит вступительная статья для книги-альбома Иштвана Раца о народном искусстве финно-угорских народов, где нашли отражение богатые коллекции, хранящиеся в фондах Национального музея Финляндии (1).

Финно-угорской теме была посвящена и другая работа И. Лехтинен «Женские украшения Центральной России и Западной Сибири», опубликованная в виде монографии в 1979 году. В этой работе рассмотрена эволюция и типология различных видов украшений удмуртов, марийцев, чувашей, мордвы, мещеры, хантов и манси с привлечением музейных материалов и опубликованных работ. Книга богато иллюстрирована фотографиями, рисунками (2). Финно-угры России были представлены и в фотоальбоме «Большая медведица» (Iso karhu), здесь же были опубликованы старинные фотографии из фототеки Национального музея. Составителями этого интересного издания являются И. Лехтинен и Ю. Кукконен. В этом издании были представлены только народы, расселенные в России, так как авторы решили показать малоизвестные богатые фотоматериалы о финно-уграх этого региона, хранящиеся в фондах музея (3).

Необходимо отметить, что уже в начале исследовательской деятельности диапазон ее научных интересов обширен. В ее работах культура любого финно-угорского этноса рассматривается в сравнении с другими родственными народами. В 1984 году И. Лехтинен и Пирко Сихво опубликовали солидную книгу о финском народном костюме, в которой проанализирован обширный материал о формах и элементах одежды, украшений, обуви различных территориальных групп этноса (4). Данное издание в дополненном варианте было переиздано Национальным музеем Финляндии в 2005 году.

Как отмечает сама исследовательница, в начале научной деятельности у нее было два направления работы: изучить украшения финно-угорских народов; издать рукописные работы талантливого марийского краеведа Т.Е. Евсеева, которые хранятся в архивных фондах Финно-угорского общества. Идея публикации научного наследия марийского собирателя-этнографа принадлежала этнографу Нило Валонену, который считал необходимым сделать его работы о различных аспектах традиционной культуры марийцев достоянием широкой научной общественности. При исследовании работ Т.Е. Евсеева, у Илдико Лехтинен появляется интерес к

культуре марийского народа, в частности, ее заинтересовали украшения и народная одежда. Когда она изучала марийский язык на курсах финского профессора-языковеда Алхо Алхониеми, интерес к культуре народа еще более возрос и возникло желание написать лиценсиатскую работу о марийских украшениях. В 1981 году она завершила вторую магистерскую работу «Терминология украшений в хантыйском языке» и после этого смогла вплотную заняться марийской тематикой. В том же году она впервые вместе с А. Алхониеми посетила Марийскую республику. В последние годы И. Лехтинен стала приезжать в республику в этнографические экспедиции, которые организовывала Финская Академия наук. Эти экспедиции состоялись в 1984, 1987, 1991, 1994–98, 2001–2004 годах не только в Республике Марий Эл, но и в других районах проживания марийцев. Три экспедиции с 1995–98 годов проводились среди восточных марийцев.

После первых этнографических экспедиций к марийцам Илдико Лехтинен опубликовала ряд статей о полевых наблюдениях и культуре этноса (5). Ее научные публикации были посвящены украшениям и народному костюму горных мари, так как первым объектом ее исследования была именно эта этническая группа (6). В этих статьях раскрываются особенности как традиционного, так и современного костюма горных мари, типологическое разнообразие украшений, их составные элементы. Автор рассмотрела функциональное назначение украшений в общем комплексе костюма, а также показала роль их в ритуалах и обрядах, их эстетическое значение. Илдико Лехтинен изучила эволюцию украшений, удачно используя как экспонаты Национального музея Финляндии, так и собственные полевые этнографические материалы, собранные среди горных мари.

И.Лехтинен сделала достоянием мировой научной общественности рукописные работы марийского краеведа Т.Евсеева (Т.Евсевьева). В 1985 году осуществляется идея публикации этнографических материалов Т.Е. Евсеева. И. Лехтинен была составителем этого интересного издания. Две его рукописные работы о традиционном ткачестве и народном костюме марийцев были опубликованы на немецком языке в отдельной книге (7). Вводная глава книги посвящается марийскому краеведу-собирателю, истории возникновения творческих связей с финскими учеными и Финно-угорским обществом. И. Лехтинен подробно охарактеризовала научно-собирательскую деятельность Т.Е. Евсеева и дала краткую характеристику его коллекций, собранных во время экспедиций. Она уделила внимание и рукописям Т.Е. Евсеева о традиционной культуре народа. В этой же главе приводятся письма Т.Е. Евсеева. В конце I раздела опубликован список его рукописных трудов, хранящихся в архиве Финно-угорского общества, которые отражают широту интересов собирателя. Традиционное ткачество и костюм – один из основных элементов народной культуры марийцев, поэтому Т.Е. Евсеев в своей собирательской деятельности уделял внимание этим важным аспектам культуры. Рукопись о ткачестве в Царевококшайском уезде, опубликованная в данном издании, относится к 1908–1909 годам. В этой работе Т.Е. Евсеев описал все технологические процессы переработки конопли в волокно, характеризуя способы, орудия и этапы, применявшиеся

на различных стадиях производства. Текст сопровождается большим количеством фотографий Т.Е. Евсеева, иллюстрирующих процесс переработки растений в волокно, а затем в нитки, а также даются снимки простейшего ткацкого стана без заднего навоя. В этой же главе приводятся некоторые сведения о ткачестве восточных марийцев, которые краевед собрал среди этой этногруппы в 1924 году.

Последняя глава книги – рукопись о народном костюме марийцев и их прическах. Рукописей о народном костюме, хранящихся в архиве Финно-угорского общества, несколько, они были написаны Т.Е. Евсеевым в разное время: 1909, 1911, 1912, 1927, 1928 годах.

Известно, что в конце 20-х годов Т.Е. Евсеевым было подготовлено и представлено в Общество краеведения для обсуждения и издания несколько работ. Среди них была книга-альбом с фотоиллюстрациями «Марийская одежда и материалы для ее приготовления», она не была издана, и не сохранилась ее рукопись. Вероятно, что рукопись «Марий, марий вургем» 1928 года, хранящаяся в Финляндии, часть исчезнувшей работы. И очень отрадно, что одна из рукописных работ Т.Е. Евсеева на эту тему более чем через 50 лет была опубликована в этом финском издании. Текст о народном костюме марийцев также сопровождается большим количеством фотографий автора, где наглядно демонстрируются особенности костюма и прически различных этнических групп марийцев.

После выхода этой книги Илдико Лехтинен опубликовала серию статей о марийских украшениях, о социальном значении высоких головных уборов у марийцев, а также и другие работы (8).

Именно И. Лехтинен принадлежит первенство в пропагандировании информации о традиционной и современной культуре марийского народа в различных научно-популярных и научных изданиях Финляндии. Например, одной из тем публикации Илдико Лехтинен в журнале (Elias) была марийская национальная кухня, где автор описала традиционные рецепты приготовления сыра, различных молочных, мясных и рыбных блюд (9).

В 90-е годы в Финляндии публикуется много статей о культуре и положении финно-угорских народов в России различных авторов – ученых, журналистов, творческих работников, побывавших среди этих этносов. У финской публики эти материалы вызвали интерес потому, что информация о них в период с 30-х по 80-е годы была очень скудной и фрагментарной. Только после открытия «железного занавеса» стали возможны поездки финнов на коренные территории финно-угров России. До этого у финно-угорских ученых-этнографов практически не было связей с учеными Финляндии. Илдико Лехтинен – одна из ведущих исследователей, развивавших связи между финскими и российскими финно-угроведами в 90-е годы.

Илдико Лехтинен плодотворно работала все эти годы и как музейный работник. Она была автором и соавтором многих выставок, проведенных в Национальном музее и других музеях Финляндии. Ее авторству принадлежат большие выставки: «Рыболовство финно-угорских народов», «Украшения финно-угорских наро-

дов», «Венгерская культура» (10). Илдико Лехтинен также была автором выставок, посвященных финским ученым А. Алквисту и А. Хейкелю.

Исследовательница немало внимания уделяла и финно-угорской историографии. Она опубликовала несколько небольших работ о научной и экспедиционной деятельности известных финских финно-угроведов, исследовавших родственные народы, – А. Алквиста, А.О. Хейкеля, У. Сирелиуса, У. Хольмберга и других (11). Публикации были приурочены к тематическим выставкам или юбилеям.

И. Лехтинен ведет и преподавательскую работу, с 1978 года она читает лекции по этнографии в Хельсинкском университете. Одна из ее учебно-методических работ посвящена полевым экспедициям, как введению в финно-угорскую этнологию (12). В 1996 году ей присвоено звание доцента финно-угорской этнографии. И.Лехтинен обучает своих студентов методике сбора новых этнографических материалов. С этой целью она провела ряд экспедиций со студентами Хельсинкского и Туркусского университетов в село Шоруньжа Моркинского района РМЭ (2002–2004).

Результатом многолетней деятельности исследовательницы была докторская диссертация «Марийские женские украшения», которую она защитила в феврале 1994 года. Исследование опубликовано отдельной монографией (13). В ней И. Лехтинен раскрыла эволюцию женских марийских украшений в период между 1880–1990 годами; охарактеризовала их как составную часть национального костюма, проанализировала их функциональное назначение, рассмотрела мировоззренческие и эстетические взгляды народа на данный элемент костюма.

Работа состоит из семи разделов: украшения марийцев как предмет исследования; типы украшений; материал украшений; функции украшений; изготовители и носители украшений – марийские женщины; комплексы украшений; приложения. В вводной главе монографии автор дает краткий историографический обзор работ об украшениях различных этносов, опубликованных как за рубежом, так и в России. Исследование Илдико Лехтинен базируется на обширной источниковедческой базе: фондовых и архивных материалах Национального музея и Финно-угорского общества Финляндии; этнографических материалах, хранящихся в Музее антропологии и этнографии Российской Академии наук, Российского этнографического музея, Русского музея в Санкт-Петербурге, Национального музея им. Т.Е. Евсеева в Йошкар-Оле. В качестве источника о марийском народном костюме, о положении женщин в советский период И. Лехтинен использовала публикации из марийских периодических изданий 30–40-х годов, где публиковались сообщения о жизни простых деревенских женщин, о новых явлениях послереволюционной жизни, которые нередко сопровождались фотографиями. Ценным вкладом в исследование о марийских украшениях, дополнением к другим источникам, были собственные этнографические полевые наблюдения автора во время этнографических экспедиций в Марийскую республику и в районы проживания восточных марийцев. Во время этих экспедиций Илдико Лехтинен сделала значительное количество фотоснимков, которыми богато иллюстрирована монография. Во время этих поездок она также собирала коллекцию по современному марийскому костюму, которая обогатила фонды Национального музея.

В исследовании автор на схематических картах указала ареалы распространения типов женских головных уборов, поскольку одним из основных признаков разделения на субэтнические группы у марийцев в прошлом был этот элемент народного женского костюма. Научное исследование характеризуется подробным типологизированием всех видов украшений с выделением многообразия подтипов и вариантов. Распространение типов, подтипов, вариантов головных, накосных, ушных, шейно-ушных, шейных, нагрудных, поясных, чересплечных, наручных украшений показано на картах-схемах с указанием марийского названия, источника, где оно зафиксировано. Наглядное представление об украшениях дают многочисленные фотографии и рисунки.

В разделе о материалах украшений отмечено, что, после принятия указа царского правительства в 1691 году о запрете кузнечного и ювелирного ремесла у народов Поволжья, основным материалом для украшений становятся серебряные монеты. И. Лехтинен провела анализ наличия монет, встречающихся в женских украшениях мариек, на основе описания музейных экспонатов, с указанием их количества, качества, датировки. Исследовательница рассмотрела и другие материалы, использовавшиеся для ювелирных изделий, такие как раковины каури, бусы, бисер, пуговицы, тесьма, позумент, кисточки и др. Илдико Лехтинен раскрывает многофункциональность украшений, которые использовались не только как этнический, социальный, эстетический элемент костюма, но и исполняли защитно-магическую, продуцирующую, эротическую функции. Исследовательница в монографии подчеркивает сходство марийских украшений с таковыми у соседних народов: мордвы, удмуртов, чуваш, татар и башкир. В разделе о комплексах украшений она характеризует традиционный и современный их состав у различных субэтнических групп марийцев. В работе уделяется внимание старинным и современным комплексам украшений восточных марийцев. Как отмечается, эта часть марийского этноса в большей степени сохранила в украшениях старинные монеты в отличие от луговых марийцев. Работа завершается заключением, приложениями, списком источников и литературы, реестром населенных мест и резюме на марийском языке. Книга изобилует фотографиями, схемами, таблицами, картами, диаграммами, рисунками. Исследование написано в лучших традициях финской этнографической школы. Диссертационная работа Илдико Лехтинен – ценный вклад в изучение культуры финно-угорских народов. Илдико Лехтинен продолжает активно работать, она проводит свои этнографические экспедиции. Так, в 1995–98 годах она работала среди восточных марийцев.

Илдико Лехтинен в 1999 году опубликовала на финском языке монографию, посвященную эволюции марийской одежды. Работа была основана на музейном и полевом материале, собранном среди различных этнических групп марийцев на протяжении многих экспедиционных сезонов (14).

Исследовательница все годы стремилась делать достоянием научной общественности рукописные работы марийского краеведа Т.Евсеева. Многие его первые рукописи были посвящены различным архаичным постройкам марийцев: промысловые сооружения, хозяйственные постройки, жилые сооружения и др. И.Лех-

тинен проанализировала данные материалы, так как многие его этнографические данные дублировали одни виды построек, поэтому необходим был тщательный отбор. Это богато иллюстрированное издание, посвященное рукописным работам по архаичным постройкам марийцев, хранящимся в фондах Финно-Угорского общества, было издано в 2002 году под редакцией И.Лехтинен (15).

И.Лехтинен известна в финно-угорском мире как руководитель и коррдинатор совместных больших научных проектов. Так, одним из первых проектов было издание краткого справочника о российских музеях, в которых хранятся значительные финно-угорские коллекции (16). Одним из самых значительных проектов была работа над энциклопедией по традиционной материальной культуре марийцев, мордвы и удмуртов, где принимали участие российские этнографы-финно-угроведы. Энциклопедия под научной редакцией И.Лехтинен была опубликована в Финляндии в 2005 году (17).

Илдико Лехтинен вот уже несколько лет возглавляет Общество М.А. Кастрена, целью которого является установление и укрепление контактов между финнами и народами России, говорящими на уральских языках. Общество проводит большую работу по пропаганде культуры этих народов в Финляндии и оказывает поддержку в развитии их национальных культур и родных языков. Огромную работу в этом плане проводит председатель этого общества Илдико Лехтинен, которая хорошо информирована об особенностях культуры финно-угорских народов России. Под руководством Илдико Лехтинен ежегодно в октябре в Финляндии проводятся дни родственных народов. Это мероприятие стало одним из важных дел Общества М.А. Кастрена.

Несколько лет в рамках «Программы поддержки финно-угорских народов России» И. Лехтинен возглавляла научные курсы финского языка и этнографии с участием директоров и научных сотрудников музеев из финно-угорских регионов России.

Ее многолетний труд оценен многими наградами как в Финляндии, так и в России. В 1997 году И.Лехтинен была удостоена высшей награды Республики Марий Эл – Почетной грамоты РМЭ.

И.Лехтинен хорошо известна в российском этнографическом мире, пользуется заслуженным уважением и авторитетом среди финно-угроведов как неутомимый исследователь. Она прекрасно владеет несколькими европейскими языками, хорошо говорит по-русски, понимает марийскую речь. Кроме того, что она очень много работает, она является любящей матерью двоих сыновей и дочери.

Марийский научно-исследовательский институт им. В.М. Васильева, Научный центр финно-угроведения, а также вся общественность Республики Марий Эл поздравляют госпожу Илдико Лехтинен со славным юбилеем, сердечно желают творческих успехов во всех делах!

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Istvan R.* Finno-Ugric Folk Art. – Helsinki, 1977.
2. *Lehtinen I.* Naisten korut Keski-Venäjällajä Länsi-Siperiassa. – Helsinki, 1979.
3. *Lehtinen I., Kukkonen J.* Iso Karhu. Suomalaisen kirjallisuuden seura. – Lahti, 1979.

4. *Lehtinen I., Sihvo P.* Rahwaan puku. Näkökulmia Suomen kansallismuseon kansanpukukoelmiin. – Helsinki: Forssa, 1984.

5. *Lehtinen I.* Kansatietielija marien ja tataarien mailla // Kotiseutu. – Helsinki, 1982; Matkakertomus marien mailta. Suomen Museo. 1987.

6. *Lehtinen I.* Muotitietoisen vuorimarinaisen puku // Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. 183. Helsinki, 1983; Some observations on changes in the folk costumes Mountain Man people in the 1980 s. // Ethnos-toimite 6. – Helsinki, 1985.

7. *Lehtinen I.* Timofej Jevsevjevs ethnographische Sammlungen tiber die Tscheremissen. Museovirasto. – Helsinki, 1985.

8. *Lehtinen I.* The Mari woman's jewellery. A developement on the fringe of Central Asian folk dress tradition. Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia. 194. – Helsinki, 1986; The Social Significance of the High Headdress of the Mari // Ethnologia Scandinavica. – Lund, 1988.

9. *Lehtinen I.* Marilainen keittio // Elias. – Helsinki, 1993. 3.

10. *Lehtinen I.* Unkarilaiset idän ja lännen Välissä. Museovirasto. – Helsinki, 1996.

11. *Lehtinen I.* Obinugrilaiset Aug. Ahlgvistin silmin. Hnyttelyn järjes-täjät. Suomen kansallismuseo ja Kuopion Kulluurihistoriallinen museo. 1989, Museomiehen päiväkirjasta. A.O. Heikelin lehtikirjoituksia. – Museovirasto, 1989; Suomalais-ugrilaiset kokoelmat Suomen Kansallismuseossa, Museovirasto, 1990.

12. *Lehtinen I.* Field Expeditions as a Source of Finno-Ugrian Ethnology. Studia Fennica Ethnologica. – Helsinki, 1992.

13. *Lehtinen I.* Tscheremissischer Schmuck. Ethnographische Untersuchung. – Helsinki, 1994.

14. *Lehtintn I.* Marien Mekot. – Helsinki, 1999.

15. *Lehtintn I.* Tseremissien rarennukset. Societe Finno-Ougrienne. – Helsinki, 2002.

16. Suomalais-ugrilaisia kokoelmia Venajan museoissa. FinnoUgrian collections in Russia´s museums. – Helsinki, 1999.

17. Marit, Mordvalaiset ja Udmurtit. Perinteisen kulttuurin tietosanakirja. Päätoimittaja Ildiko Lehtinen. – Helsinki, 2005.

Tamara Molotova

ILDIKO LEHTINEN IS A RESEARCHER OF FINNO-UGRIC PEOPLE CULTURE

The article is devoted to the scientific activity of the famous Finnish researcher, specialist on ethnology and Finno-Ugric studies, doctor of philosophy Ildiko Lehtinen. Her numerous articles and books reveal peculiarities of material culture of Finno-Ugric people, in which researching of traditional clothes, decorations, headdresses take the main place. Particular attention she spared to Mari national costume, and she devoted 2 fundamental monographers to it: Tscheremissisher Schmuck. Ethnographische Untersuchung. Helsinki. 1994; Marien Mekot. Helsinki. 1999. All her works about Mari national costume are based on reach museum, archive, expedition and publishing materials. Her merit is publication of ethnographic material of Mari specialist in regional studies T.E. Yevseyev. I. Lehtinen carries out great social and teaching works for general readers. Many years she has been a leader of M.A. Kastren's society, which develops and fortifies connection between Finno-Ugric people of Russia and foreign countries.

«Финно-угроведение», 2008, № 1

Татьяна Мишиняхметова
Инсбрук

ПУТЕВЫЕ ЗАМЕТКИ ОБ ЭКСПЕДИЦИЯХ С И.ЛЕХТИНЕН К ВОСТОЧНЫМ МАРИЙЦАМ

«Ильдико приедет», не раз приходилось слышать мне, недавно прибывшей на стажировку в Уфимский научный центр. Я не знала, кто такая Илдико. Примерно через полгода наш шеф, Раиль Гумерович Кузеев, пригласил меня в кабинет обсудить вопросы приезда Илдико и предстоящей мне с ней экспедиции. В этой беседе я узнала многое об Илдико, увидела ее научные работы, с которыми познакомилась впоследствии. Раиль Гумерович сказал, что мне предстоит научиться методам полевой работы Илдико, она – опытный полевик.

К тому времени мне еще не приходилось вести полевые работы среди марийцев, к тому же я не владела их языком, поэтому я не могла более или менее подробно представить, какая будет работа, тем более я не знала также и Илдико. К лету 1991 года было ясно, что экспедиция состоится, маршрут составлен. Меня шеф предупредил, Илдико очень хрупкая и нежная, я за нее отвечаю головой.

Я родом из Башкирии и уже не раз поездившая в экспедиции по удмуртам, знала, какие условия ожидают нас «в поле». К тому же это был период перестройки: магазины с пустыми полками, столовые без стаканов, талоны для приобретения продуктов питания, гостиницы без горячей воды, рынки с несвежей зеленью и т.д. Но к нашему большому счастью, то лето выдалось жарким, порой даже было очень жарко, а дожди были непостоянными и можно было ездить на машине и по проселочным дорогам. Но самые настоящие сюрпризы и бывают чаще всего в экспедициях.

Илдико работала много, я не в состоянии так работать, как это оказалось тогда, да и после. При общении с людьми она делала лишь краткие заметки в тетради, очень четко выясняла названия предметов, деталей, быстро и несколькими фотоаппаратами делала снимки и составляла рисунки, туда же вписывала термины. Ранним утром, уже в пять часов, она сидела на кровати и писала. Да и всегда, оставаясь наедине, она писала и писала. Иногда, отвлекшись, о чем-то думала, грустила. Мне казалось, что она переживает за семью, за детей, младшему сыну тогда было немного лет.

А в марийских деревнях принимали нас очень дружелюбно, показывали красивые наряды, объясняли способы их надевания и ношения, наряжались в них сами, а также наряжали родственников и соседей. Рассказывали разные истории из своей жизни. Всегда приглашали к чаю и угощали.

В некоторых деревнях Илдико побывала раньше, ее помнили и приходили с ней повидаться. В селе Чураево мы останавливались в семье Ольги Алексеевны. Как эта женщина была рада прибытию Илдико! Она уже знала ее, готовилась к встрече и приему. Со вкусом одетая, с природным юмором, всегда вежливая, Ольга Алексеевна работала художественным руководителем в сельском клубе и рассказывала нам о марийских обычаях. Она всегда находила повод пошутить над своими рассказами. Как-то вспоминала, как она со своей художественной группой сыграла марийскую свадьбу на сцене, и сказала при этом: «у нас ведь что на свадьбе происходит – не разберешь, ее надо показать на сцене, чтобы всем было ясно, о чем идет речь». Вот подобно тому сценарию старалась она обустроить наше пребывание таким образом, чтоб нам было понятно, что и как в их жизни.

Как-то у ворот одной чураевской же женщины появилась пожилая марийка в прекрасном праздничном наряде. Поздоровалась и принялась смотреть, что мы делаем. Вся сияла и радовалась, потом тихо улыбаясь спросила: «Илдико, помнишь ли меня?» Ах, как же, узнала, Илдико узнала ее! Как счастлива была она этой встрече, расспрашивала обо всем, рассказала свои новости, пригласила к себе на чай.

Илдико изучала марийскую народную одежду, но особо ее интересовали традиционные головные уборы, и при каждой беседе с информантами она спрашивала их об этом. Однажды, проезжая село Ленинское, мы с ней почти одновременно вскрикнули «äкäй!», наш водитель оторопел, не разобравшись в сути происходящего. Мы сказали: «Назад! Поезжайте назад!». По улице шла пожилая марийка, в традиционном наряде, а на голове у нее головной убор, разукрашенный серебряными монетками – äкäй. Мы подошли к ней и подробно расспросили ее. Мы радовались и говорили, что это настоящее чудо.

Мне кажется, большой опыт по приему гостей имела администрация Мишкинского района – «маленького Марий Эл»: у них всегда и все было заранее четко и конкретно организовано, они помогали и поддерживали во всем. Руководители местной администрации А.А. Аптулманов и В.М. Андреев находили время для приема и беседы с гостями. Здесь проживает много марийцев, полевику есть что делать и не надо за сотни верст ехать в поисках информанта-собеседника.

Как-то в Балтачевском районе мы пришли домой к одной пожилой марийке, она жила одна, но сколько марийских нарядов она имела – не пересказать. Я рассматривала с открытым ртом. Белое платье с широким подолом, на нем сплошь вышита черная смородина с зелеными листиками, оборочки все в вышивке – настолько красиво. Она сама говорит, что оно было сделано только для души и это вовсе не народное платье, и показывает другие, что действительно были соответствующими традиционной местной моде. Я не переставая говорила, как красиво, как красиво. Она мне предложила: «Возьми себе, какое тебе нравится». Благо, что

размеры платьев мне не подходили, иначе обидели бы мастерицу отказом принять такой роскошный подарок.

В деревне Нижнеиванаево останавливались мы в семье Баймиевых. Каким активным оказался И.Б. Баймиев, одновременно работал он директором средней общеобразовательной школы, руководил местным сельскохозяйственным предприятием и был еще и президентом районного объединения марийцев. Их дом утопал в саду, где стояли сотни ульев. К нашему прибытию пчелы были чем-то встревожены и шумно кружили над всей усадьбой. Находящиеся на улице не могли приблизиться к дому, а пребывающие в доме не в состоянии были свободно выбраться во двор. Приходилось и нам пребывать в ожидании удачного момента прежде чем приступить к работе.

В одной из экспедиций мы направились в Караидельский район и довольно долго ехали вдоль реки Караидели: слева от дороги были горы, справа же внизу светилась река. Было красиво. Прибыв в марийскую деревню, сразу нашли приют. А приехали мы сюда из Б. Шиды, где случилось очень неприятное событие, о котором мы очень переживали. У хозяев, где мы переночевали, был сын Валентин двух лет. Приехали к ним родственники, пришли друзья, чтобы повидаться и пообщаться с этой семьей и с гостями, т.е. с нами. Как принято в наших краях, для гостей поставили самовар, и как только он закипел, ребенок каким-то образом зацепил его, и самовар опрокинулся, ошпарив малыша с ног до головы. Какой ужас охватил нас всех. Родители мигом на руках потащили ребенка в амбар и обваляли его в муке. Это народный способ уменьшить ожоги и страдания от боли. Через несколько лет мне пришлось повидаться с его мамой Альбиной и естественно первым был вопрос о состоянии Валентина – он был действительно спасен, не осталось и следов от ожогов.

Обычно наши собеседники также интересовались и расспрашивали, чем Илдико занимается, есть ли у нее семья, дети, как живут в Финляндии и т.д. Разузнав, что там у них жизнь другая и все есть, и даже сахар без талонов, люди верили и не верили услышанному. Но сами доставали все ценное и выставляли на стол для угощения нас.

Когда мы приехали в Курки, прошел проливной дождь, улицы были покрыты водой. Нам и здесь очень повезло – нас приняла семья Петровых. Светлана – хозяйка, красивая молодая женщина, заведовала местным сельским клубом. В свое время муж умыкнул ее из другой деревни с друзьями. А счастье у Светланы оказалось именно в чужих краях, т.е. в Курках, тут она осталась и у них родилось пятеро чудесных детей. Светлана была здесь уже как дома, знала о прошлом и настоящем деревни, о местных обычаях, показывала нам окрестности и рассказала много интересного.

И в деревне Сусады-Эбалак знали Илдико, прибыв туда, мы пошли в школу. Виталий – директор школы, был очень рад, пригласил к себе домой, сказал, что жена обрадуется, а дочь уже большая, Илдико видела ее в предыдущий приезд. Родилась у них еще одна девочка – надо ее обязательно увидеть! Вот мы и напра-

вились к ним домой. Жена – симпатичная женщина, девочки милые, Виталий решил встречу отметить. Сидим мы уже за праздничным столом, шампанского выпили, поели, общаемся. Хозяин был от души рад визиту дальней гостьи, ему хотелось расслабиться, а дамы уже не хотели спиртного, довольны были всем и хотели посидеть за прекрасным свежим чаем. Но и тут, как у нас принято, в шкафчике стоял заварочный чайник, наполненный не чаем. Виталий достал его и предложил нам всем, но слабая половина компании отказалась: достаточно. Вот Виталий и говорит мне: «Татьяна, хоть ты поддержи меня, я один не могу пить». Вот я и принялась его поддерживать, так мы просидели весь вечер, узнали много интересного из жизни семьи, родственников. Следующий день выдался солнечным и жарким, мы поехали с семьей Виталия смотреть языческие святые религиозные места в окрестностях деревни. Земля была усыпана цветами, все цвело и благоухало, в здешних местах такой период приходится на вторую половину июня.

Мне посчастливилось вести совместные полевые работы с Ильдико несколько раз. В 1997 году проводили мы совместную экспедицию с другими коллегами из Финляндии. Поработали в Башкирии, Свердловской и Пермской областях. Ехали от Уфы до Красноуфимска, уже приближались к цели, дорога по лесу оказалась такой пыльной, что в машину пыль просачивалась со всех сторон. Но появилось препятствие – дорогу перегородило свалившееся от штормового ветра дерево, большое и старое, нам самим его убрать было не под силу. На удивление, вскоре появились лесные работники, распилили дерево и освободили дорогу. Приехали мы в Красноуфимск пыльные и грязные, на лицах только глаза блестят и зубы при улыбке. Как и везде, в гостинице нет горячей воды, в деревнях каждый день топили баню для нас. А как быть в городе? Костер на улице не разведешь, воды не согреешь. Но уже через час проблема начала разрешаться, в городе оказалась одна баня, в которой по указу вышестоящих органов предстояло включить горячую воду, чтоб иностранные ученые смогли привести себя в соотвествующий вид. Более интересным и неожиданным было еще и то, когда нас спросили, что бы мы хотели съесть на завтрак в ближайшей столовой. Мы хотели манную кашу. Никто не мог представить, что мы действительно на завтрак хотим манную кашу. Да, каша получилась аппетитная.

Мы прибыли в село Юва и планировали также работать в соседнем Верхнем Бугалыше. Здесь живут совместно с марийцами и удмурты. Обе деревни были заняты подготовкой к региональному фестивалю песни и музыки: дошивали наряды, готовили украшения, репетировали песни и танцы. Тем не менее, люди находили время и для нас, принимали в домах, клубе, библиотеке. И не только. Оказалось, они решили устроить для гостей пикник: вывезли нас в лес и приготовили нам пельмени. И при каждой встрече открывали мы что-то новое, люди рассказывали про свою жизнь, много интересного и объясняли что и как.

Особо выразительными были марийские кладбища. Хотя каждый регион имел свои особенности, но архаика сохранялась у всех групп. Стояли высокие шесты с вырезанными из дерева птицами, символизирующими души усопших и привязан-

ные к ним белые полотенца с красными концами. Многие поблекли от времени, но и новые полотенца были самыми настоящими, традиционными, сотканными из льна и орнаментированные красным тканым рисунком.

Пребывая среди людей, я часто задумываюсь, что же важно им в этой жизни, к чему они стремятся, чего хотят? Ответов может быть множество. Но одно сразу бросается в глаза – люди дорожат своими близкими и нуждаются в них, готовы быть рядом с ними и в беде и в радости. Помню женщину, какой светлой и жизнерадостной была она при первой встрече. А в другой раз было трудно ее узнать, вся поникшая и с грустными глазами – у нее брат пропал без вести. А с какой радостью люди рассказывали о хороших новостях: тот мальчик, что в прошлый раз еще только в школу ходил, уже женат и у него дочка, заходите к нам на внучку посмотреть!

Регион проживания восточных марийцев весьма большой и в этническом плане очень пестрый. До нашего времени сохранился у марийцев женский народный костюм – один из самых важных элементов традиционной культуры этноса. Но интенсивные связи с Республикой Марий Эл и миграционные процессы в последние десятилетия играют довольно существенную роль и отражаются на развитии традиционного костюма. Кроме того, возможности приобретения различного рода фабричных изделий, таких, как ткани, тесьма, ленты и изготовление одежды по заказу также заметно меняют прошлый колорит всего костюмного комплекса. В работах Ильдико Лехтинен подробно изложены подобные изменения. В последние годы, к сожалению, эти изменения происходят еще быстрее. Работа в поле с Ильдико была для меня очень благоприятной, чуткость друг к другу и полное взаимопонимание сопутствовали нам.

Tatyana Minniyahmetova

TRAVELING NOTES ABOUT I. LEHTINEN'S EXPEDITIONS TO THE EASTERN MARIS

The author communicates her recollections about joint ethnographic expeditions with Finnish ethnographer I. Lehtinen to Eastern Maris in Bashkiria, Sverdlov and Perm regions. She considers brighter episodes of these expeditions. The main object of I. Lehtinen's study is Mari national costume, which has saved for present time. Researcher was a success to collect a considerable material in that locality where this costume is current. These expedition materials are represented in her numerous articles and books. The author of the article underlines her own capacity for work, attentiveness and benevolentness to her narrators.

«Финно-угроведение», 2008, № 1

Геннадий Сепеев
Йошкар-Ола

ПАМЯТНЫЕ ВСТРЕЧИ С ЮБИЛЯРОМ

Илдико Лехтинен – заместитель директора Музея культур Финляндии, этнограф-музеевед, наиболее активная зарубежная современная исследовательница этнографии марийского народа. Она является первым этнографом страны Суоми, ступившим на марийскую землю в советское время. Илдико реанимировала традиционный интерес финских этнографов XIX – начала XX вв. к изучению культуры и быта российских финно-угров, в том числе и марийцев. В исследовании последних в свое время заметно преуспели А.Хейкель, У.Сирелиус, А.Хямяляйнен, У.Хольмберг (Харва) и др.

Я познакомился с Илдико Лехтинен в августе 1980 г., будучи членом марийской группы ученых в составе советской делегации на V Международном конгрессе финно-угроведов в г. Турку (Финляндия). В то время актуализировалась проблема расширения научных контактов между советскими и финскими учеными-гуманитариями на основе ранее заключенного Соглашения о научно-техническом сотрудничестве между СССР и Финляндией. Конгресс явился одним из звеньев установления более тесных контактов между научно-исследовательскими центрами финно-угроязычных республик и округов СССР и научными учреждениями и обществами Финляндии. Через лингвистов, связи между которыми зародились еще ранее, завязывались знакомства и контакты между коллегами-специалистами других наук (археологами, литературоведами, фольклористами, этнографами).

Благодаря главе марийских ученых на конгрессе – доктора филологических наук, директора Марийского НИИ языка, литературы и истории, профессора И.С. Галкина – я впервые встретился с Илдико Лехтинен еще в Хельсинки. На этой короткой встрече мы обменялись сведениями о месте работы, тематике исследований, о дальнейших планах. Коллега выразила идею ознакомиться с теми местами, где в прошлом побывали финские этнографы-предшественники. Общались мы с ней на русском языке, которым она более или менее владела, а наш директор переводил комментарии и уточнения на финский язык и с финского. Двухдневное пребывание в Хельсинки было посвящено знакомству с городом, научными учреждениями, музеями, достопримечательными местами. Мне запомнились экскурсия по городу, посещение Литературного общества, рыбного рынка, экскурсия в Музей под открытым небом на пригородном острове Сеурасаари. Делегатов конгресса также приглашали на общественные и частные приемы. Илдико вручила мне приглаше-

ние на прием в семью члена пресс-центра конгресса А.Нурми. В эту группу кроме И.Лехтинен и меня входили этнографы д.и.н., профессор Клавдия Козлова из МГУ и к.и.н. Роза Тароева (Никольская) из Карельского филиала АН СССР, Осмо Икола – директор Национального музея Финляндии. Супруги Нурми рассадили нас в две автомашины и привезли в свою сельскую усадьбу. Прием прошел по схеме: дом – прогулка по усадьбе – сауна – застолье с беседой в доме. Гостеприимные хозяева вели прием в непринужденной обстановке. Каждому из гостей представляли слово для тоста и рассказа о своей научной работе. После моего слова были вопросы о структуре сектора и тематике исследований этнографов. Р.Никольская посвятила свое слово тематике исследований этнографии карел, профессор К.Козлова – работе кафедры этнографии по изучению этнографии народов Поволжья, в том числе марийцев, мордвы, коми и удмуртов. Директор музея и Илдико рассказывали о финно-угорских коллекциях музея, в том числе о марийских и карельских, отметили особо отличившихся ученых-собирателей. С русского на финский и с финского на русский переводили И.Лехтинен и Р.Никольская.

Работа конгресса проходила в огромном здании Туркуского университета, куда советскую делегацию доставили на нескольких автобусах. После размещения в одном из зданий студенческого городка вечером для делегатов конгресса был организован Министерством образования и культуры прием в здании бывшего замка-крепости (ныне музей истории). Здесь на одном из этажей несколько смежных залов приспособлены для массовых мероприятий. После кратких приветствий министра и президента конгресса делегатов пригласили к столам, заставленным напитками и закусками. Постепенно делегаты стали расходиться и курсировать в поисках знакомых коллег из других стран и республик Союза, ветераны знакомили молодых ученых-коллег друг с другом, происходили новые встречи и знакомства.

Последующие рабочие дни конгресса проходили в университетских аудиториях. После пленарного заседания делегаты разошлись по секциям и подсекциям. В первый же день секционных заседаний мы встретились с Илдико, пришедшей в один из перерывов в нашу аудиторию. Мы обменялись с ней книгами. Я вручил ей свою монографию «Восточные марийцы» (1975) и сборник из серии «Археология и этнография Марийского края» (Вып. 4, 1979). Она подарила мне свою книгу «Женские украшения Центральной России и Западной Сибири» (1979) по материалам коллекций музея, собранных в конце XIX – начале XX вв. Она сказала, что в книге есть сведения о месте и времени собирания этих вещей.

В один из перерывов я побывал по ее совету на выставке научной литературы, представленной разными странами в нескольких смежных аудиториях. Там я обменял свою книгу на привлекшее мое внимание издание – книгу-альбом «Большая медведица». Старые фотографии о волжских, пермских и обско-угорских финно-угpах» (1980). Книга издана к конгрессу параллельно на финском и английском языках, составителями и редакторами являлись И.Лехтинен и Ю.Кукконен. В альбоме наряду с фотографиями финских исследователей оказались и снимки марийского этнографа Т.Евсевьева. Перелистав и просмотрев книгу-альбом и подаренную И.Лехтинен монографию, я узнал, что Т.Евсевьев долгое время сотрудничал с Финно-угорским обществом и Национальным музеем Финляндии. До этого я лишь был знаком с не-

сколькими работами репрессированного этнографа. Об этом шел разговор на одной из редких наших встреч с Илдико, редких потому, что ей приходилось знакомиться и встречаться и с другими учеными-этнографами из центральных научных учреждений и финно-угорских автономий СССР, а также из других стран. Она еще сопровождала разные группы ученых на встречи и экскурсии. На этой встрече мы обменялись мнениями о необходимости изучения научно-краеведческой деятельности Т.Евсевьева в области этнографии и фольклора марийского народа. Позднее финская коллега опубликовала его рукописи с рисунками и фотографиями о производстве холщовых тканей, о костюмах и прическах женщин-мариек (1985). В нашей республике была проведена конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Т.Е. Евсевьева (1987), по материалам которой был издан сборник статей «Краевед Т.Е. Евсевьев» (1988), освещающий различные стороны его научно-краеведческой деятельности.

В мае 1981 г. Илдико Лехтинен осуществила первый визит в Марийскую республику. Она прибыла в компании с заведующим кафедрой финно-угорских языков Туркуского университета профессором Алхо Алхониеми. Он известный исследователь марийского языка, хорошо им владеющий. Илдико решила специализироваться на изучении марийской одежды и украшений, как она заявила на первой встрече финских ученых с марийскими в МарНИИ.

Во время пребывания в г.Йошкар-Оле финские ученые знакомились с научными учреждениями и вузами (МарНИИ, МарГУ, МГПИ, Республиканский научно-краеведческий музей), встречались с учеными, научными работниками, краеведами и студентами, работали в фондах МарНИИ, музея, госархива, Республиканской научной библиотеки.

Для финнов была организована поездка в сельскую местность – в Советский район, куда их сопровождали И.С. Галкин и я. В селе Вятское, в правлении колхоза «Рассвет», были созваны несколько знатоков языка, культуры и быта местного марийского населения. А.Алхониеми записывал на магнитофон образцы местной речи марийцев. Илдико общалась с марийскими женщинами, которые демонстрировали марийскую одежду и украшения, записывала терминологию, фотографировала вещи или женщин в костюмах. Затем глава сельской власти показал нам село, особенно современную его экспериментальную часть. Она попросила показать ей традиционное марийское селение, и И.С. Галкин направил нас на автомашине в старинное марийское село Ронгу. Здесь мы обошли центр и несколько улиц села. Илдико фотографировала улицы, дома, ворота, постройки, резные детали жилищ и ворот, беседовала со встречными женщинами в национальной одежде, фотографировала их, обращалась ко мне за разъяснениями.

Во время первого пребывания финской коллеги в Марийской республике определилось стремление сосредоточиться на изучении этнографии марийцев, что стало приоритетным направлением в ее будущей научной деятельности. Во время последующих ее приездов в республику постепенно расширялись маршруты и пункты пребывания среди различных этнических и локальных групп марийцев. Одновременно реализовывалось ее желание посетить места пребывания и работы финских ученых конца XIX – начала XX вв. Она приобретала коллекции традиционных

и современных видов одежды и украшений, предметов быта и воочию наблюдала преобразования культуры и быта марийского населения. Для упрощения связи с населением исследовательницу сопровождали научные сотрудники МарНИИ или преподаватели вузов, а также представители районных органов власти.

Мне памятны несколько совместных с ней поездок в некоторые населенные пункты в 1984–1988 годах. Так, в следующий приезд проф. А.Алхониеми и И.Лехтинен в республику мы с доцентом МГПИ А.Н. Куклиным сопровождали их на встречу с преподавателями, учащимися и краеведами в Моркинскую среднюю школу. Финские ученые рассказали о своих исследованиях, причем слушатели были поражены марийской речью финского профессора. Илдико свободно изъяснялась на русском. Были они на уроке. А.Алхониеми записывал на магнитофон образцы местного говора и литературного языка. Илдико ходила к одной из учительниц знакомиться с местным костюмом и домашним бытом.

Однажды на городком рынке она приобрела современное народное женское платье, в просторечии называемое «йошкар-ола тувыр» или «сорокан тувыр», у жительницы д.Сенькино Медведевского района. На вопрос об украшениях женского костюма женщина ответила, что они имеются у нее дома. Илдико получила возможность съездить к ней. Мне было поручено сопроводить ее в Сенькино. Когда мы к женщине зашли и заговорили, то я обратил внимание, что она является носителем не йошкар-олинского, а сернурского говора. Выяснилось, что она с торъяльской стороны и с недавних пор работает здесь дояркой на молочном комплексе. На досуге она шьет платья современного марийского костюма и изготовляет украшения по заказу. Илдико записала всю терминологию по одежде и украшениям, приобрела готовые украшения.

Еще одна совместная с Илдико поездка состоялась в райцентр Оршанку для посещения районного краеведческого музея. Она с интересом рассматривала бытовые вещи и предметы, расспрашивала о некоторых деталях, сделала несколько фотоснимков. В этот же приезд, как мне кажется, мы с ней побывали на пасеке-музее совхоза «Мӱкш» (Пчела), расположенной в нескольких километрах к югу от поселка Старожильск Медведевского района. Директор совхоза Г.Самсайкин подробно рассказал об истории хозяйства, показал местную пасеку, а также ту ее часть, где сосредоточены старые образцы ульев-колод. Перед отъездом директор угостил нас свежим медом и чаем.

Особо памятная поездка для Илдико Лехтинен, заранее оговоренная, состоялась в Новоторъяльский район. Сто лет назад в с. Старый Торьял побывал и поработал выдающийся финский этнограф Аксель Хейкель в компании с художником А.Рейнхольмом. Финно-угроведам известны его сравнительные исследования о жилищах и постройках марийцев, мордвы, эстонцев и финнов, о марийской вышивке и одежде с рисунками художника. Сопровождали финскую коллегу в этой поездке мы с Тамарой Молотовой. Прибыв в райцентр, вначале мы посетили райбыткомбинат, в котором функционировал цех по пошиву и изготовлению марийской традиционной и современной одежды и украшений. Илдико беседовала с закройщицей, швеями, изготовителями украшений, посмотрела образцы изделий и выразила жела-

И.Лехтинен в с. Новый Торъял с работницами райбыткомбината. 1985 г. *Фото Г.А. Сепеева*

ние приобрести несколько видов. Кроме того по распоряжению директора комбината зарубежной гостье был вручен подарок в виде современного платья.

Затем мы последовали в старинное село Старый Торъял, центральную усадьбу известного в республике колхоза «Прогресс». Нас встретили около правления участники местного ансамбля художественной самодеятельности в прекрасных сценических костюмах и привели в Дом культуры. По просьбе гостьи выступление ансамбля было предложено провести на природе. Пока подбиралось подходящее место, Илдико с нами и несколькими участницами ансамбля прошлась по улице села, беседовала с ними, фотографировала их, виды села, жилища и постройки, их резные детали, встречных женщин в народной одежде. На выбранной зеленой лужайке возле березняка состоялось представление ансамбля из нескольких песен и плясок. Поблагодарив участников ансамбля, мы возвратились к правлению колхоза, где стояла наша автомашина. Здесь мы узнали, что нас приглашает в столовую председатель колхоза Александр Егошин (ныне министр сельского хозяйства, продовольствия и природопользования). Встретив нас, он пригласил в малый зал столовой, где стол был заставлен самоваром и национальными традиционными блюдами. Хозяин тепло поздравил финскую гостью и нас с прибытием на торъяльскую землю, пожелал успехов в изучении культуры и быта, традиций и обычаев марийского народа, пригласил к столу. Гостья записывала названия блюд, пробовала каждое из них, уточняла ингредиенты и способы приготовления у присутствующих. В заключение встречи Илдико и мы поблагодарили главу колхоза и работников столовой, которые заходили для смены блюд, за гостеприимство.

С поездки в Новоторъяльский район началось сотрудничество Илдико Лехтинен и Тамары Молотовой. Их сближению способствовала тематика исследований. Марийская коллега с конца 80-х гг. XX века стала постоянной спутницей последующих поездок финской коллеги в марийскую среду, соавтором совместных работ.

Общение с Илдико Лехтинен в совместных поездках и во время последующих кратковременных встреч с ней во время ее пребывания в МарНИИ убеждают меня в том, что в ее лице появился серьезный, пытливый и глубоко заинтере-

сованный исследователь-специалист этнографии марийского народа. Об этом свидетельствует серия ее статей и книг на марийские темы, часть которых она дарит марийским коллегам по мере их выхода в свет. Достаточно назвать помимо ранее упомянутых, замечательную монографию «Марийские украшения» (1994), опубликованную в качестве докторской диссертации, которую она успешно защитила, книгу об этнографических поездках Акселя Хейкеля, в том числе к марийцам (1990), новую публикацию наследия Т.Е. Евсевьева «Марийские постройки» (2002) и др. Похвально, что овладев русской речью, она осваивает марийский язык.

Я обязан, очевидно, Илдико Лехтинен и Алхо Алхониеми, а именно их ходатайствам, приемом меня в зарубежные члены Финно-угорского общества (1989). По инициативе финской коллеги я был привлечен, как и Т.Л. Молотова, к участию в подготовке коллективного исследования «Марийцы, мордва, удмурты. Энциклопедический словарь традиционной культуры», изданный в 2005 году.

В конце 90-х гг. XX в. марийские этнографы при участии Марийского книжного издательства по заказу Министерства образования РМЭ подготовили учебное пособие по этнографии марийского народа на марийском языке. Реализация готового проекта задерживалась возникшими трудностями финансирования из-за известного в стране кризиса 1998 года. Жестом доброй воли стало в этих условиях положительное решение Общества Кастрена Финляндии, одним из направлений которого является помощь в финансировании учебной литературы на финно-угорских языках России. Марийские авторы, заказчик и издатель благодарны Обществу и возглавляющей его Илдико Лехтинен за своевременную помощь в издании учебного пособия «Марий калыкын этнографийже», увидевшего свет в 2000 году.

Мы, марийские коллеги финской ученой Илдико Лехтинен, горячо поздравляем ее с юбилеем и искренне желаем новых успехов в исследованиях этнографии финно-угров России.

Gennadiy Sepeyev

MEMORIAL ANNIVERSARY MEETINGS

The article is devoted to the author's meetings modern Finnish researcher of culture and way of life of Mari people Ildiko Lehtinen. She is the first of the Finnish ethnographers who treads Mari land in soviet time, reviving traditional interest of Finnish ethnographers of XIX and beginning of XX centuries to culture and life of Russian Finno-Ugrians. Study of ethnography of Mari people became fundamental direction in scientific activity of I. Lehtinen.

Meetings, joint traveling and intercourse with her, her researches and publications show, that Ildiko Lehtinen is serious, searching and deeply interested specialist in Mari ethnography.

Mari ethnographers thank her for help, than being a leader of Kastren Society; she was conducive to timely publishing educational supplies on ethnography of Mari people in Mari. Mari colleagues sincerely congratulate I. Lehtinen on anniversary and wish her new successes in study of culture and way of life of Finno-Ugrians of Russia.

«Финно-угроведение», 2008, № 1

Хелена Руотсала
Турку

МОДЕРНИЗАЦИЯ И ГЕНДЕРНОЕ ПРОСТРАНСТВО МАРИЙСКОГО СЕЛА

Экономические, политические и социальные перемены как в России так и в других странах трансформировали отношения власти между мужчинами и женщинами. В то же время значительно изменилось положение как женщин, так и мужчин. Изменения, произошедшие в социальной жизни обоих полов, в разных общинах проявляются по-разному. Одно из таких изменений касается пространства общины, т.е. пространства, в котором община существует и которое она использует. Пространство может быть женским и мужским, т.е. оно дифференцируется по половому признаку. Пространства могут быть различного типа. Например, этническое пространство, пространство разных возрастных и социальных групп. К примеру, то, как пробует и использует пространство молодежь, отличается от использования его взрослым поколением.

Влияния, вызванные процессами глобализации и модернизации, организация крупных сельскохозяйственных предприятий, проблемы сбыта продукции производства, эмиграция из сельской местности в города являются знакомыми явлениями для всех народов, говорящих на финно-угорских языках. Протекание вышеизложенных процессов замедляет нестабильность экономики, которая наблюдается в местных общинах, например, в исследуемом нами селе Шоруньжа Республики Марий Эл, где с 2002 года мы проводили полевые исследования.

Финские этнологи смогли вернуться к финно-угорским полевым исследованиям после политических изменений начала 1990-х годов. Но уже с начала 1980-х годов Илдико Лехтинен проводила исследования среди мари, собирая материалы для своей диссертации и, позднее, для изучения костюмов. Наряду со своими исследованиями она заботилась о приобщении нового поколения этнологов к полевым исследованиям в финно-угорской среде. Именно благодаря ей мне удалось познакомиться с культурой мари. По ее начинанию был основан совместный проект, который стремился приобщить студентов к полевым исследованиям и зажечь в них искру интереса к полевым исследованиям среди финно-угорских народов. Так, в июне 2002 года группа студентов-этнологов из университетов Хельсинки и Турку отправилась в село Шоруньжа Моркинского района Республики Марий Эл с целью

документировать быт марийской женщины. Тогда я нашла объект своего исследования – гендерное пространство и место. Помимо Илдико Лехтинен также Тамара Молотова была для меня важным провожатым по пути в марийскую культуру. Я по прежнему нахожусь в дороге, и эта статья рассказывает о первых шагах, которые я совершила вместе с ними.

Отправной точкой данной статьи является дифференцирование пространства и места по половому признаку. С помощью понятий «пространства» и «места» рассмотрим будничную жизнь женщины и изменения, произошедшие в ней. Также рассмотрим положение женщины в социальной, экономической, политической и культурной жизни исследуемой нами общины. Изменилось ли оно? В данной статье коротко будет представлена точка зрения, используемая автором статьи в своём исследовании, будут рассмотрены основные понятия «пространства» и «места», а также процесс модернизации. Далее коснемся гендерного разделения труда. В заключительной части нашей статьи будут представлены примеры, иллюстрирующие пространства и места в марийском селе. На данном этапе нашего исследования мы не можем предоставить никаких «готовых» результатов. В данной статье будут изложены возникшие в процессе исследования идеи, мысли и вопросы.

Село со своими постройками, дворами, дорогами, тропами, лесами и полями является для его жителей и посетителей не только местом, где они выполняют работу и развлекаются, но и многим другим. Мы сами являемся субъектами пространства, которое в свою очередь формирует нас. Пространства конструируют социальные отношения, распределяют социальные роли между людьми. С другой стороны, пространство также формируется посредством деятельности его пользователей. Наша попытка осмыслить, понять жизнь села Шоруньжа, наши прогулки по улицам и переулкам этого села, встреча с людьми, – все это повлияло на восприятие и понимание нами пространства села, которое отличается от интерпретаций и восприятий пространства села других исследователей, находившихся в селе в одно и то же время с автором данной статьи. Значения пространства формируются посредством личного и общего опыта. Данные значения являются так же временными и местными.

Время и пространство или время и место также объединяются. Время вносит различия в пространство. Например, использование пространства села в летнее и зимнее время резко отличается. Зимой пространство села сужается по сравнению с летним и осенним периодами, временем сенокоса, сбора зерна и овощей, ягод и грибов. В пространство села также включаются расположенные в его окрестностях пастбища, леса, ягодники и рыболовные угодья, где каждая семья собирает ягоды и ловит рыбу. В настоящее время ментальное пространство расширяется, так как рабочие места сельских жителей часто находятся вдали от села, в Казани и даже в Сибири на нефте-газовых промыслах.

Историография проблемы

Теориотически наше исследование относится к исследованию модернизации. Кратко определение модернизации можно сформулировать следующим образом (с

материальной и коллективной точек зрения): это экономическое развитие с усилением рационализма и урбанизации. Современное общество характеризуется развитием промышленности, наемного труда, специализации, разделения труда, демократии, политических организаций и индивидуализма. Модернизм означает постепенное освобождение от оков традиций. Традиция, в свою очередь, связывает настоящее с прошлым (1, с. 91–113.) Модернизация, с точки зрения общин, не является развитием в одном направлении, а скорее это непрерывный диалог между предлагаемыми средой, общественными условиями и личными, выбранными и унаследованными ценностями, а также между прошлым, настоящим и будущим.

Множество факторов повлияло на то, каким представилось нам использование пространства села, на интерпретирование нами этого пространства и полевых работ. В пространстве и различных местах происходит усиленный процесс преобразований. Изменения происходят в работе, экономике, а также в отношениях между мужчинами и женщинами. До сегодняшнего дня в исследованиях о модернизационных процессах проявляется двоякое отношение к модернизации прежнего Советского Союза. Одни исследователи считают, что Советский Союз не являлся модернизированным государством, так как общины не имели права выбора, государство заботилось о всех и обо всем. Жизнь была безопасна, надежна с одной стороны, но с другой, у общин не было выбора и ответственности за этот выбор. По мнению других исследователей, коллективизация и индустриализация были попытками улучшить условия жизни населения и, таким образом, стремились осуществить модернизацию (2, с. 279). Электростанции и электрификация села считались ключевыми символами модернизации в советской литературе. Однако развитие села и электрификация происходили очень медленно (3, с. 218.) Теории модернизации нельзя применять в таком роде к нашему объекту исследования. После перестройки в селах и деревнях традиция и модерн, так же как и земное и святое разными способами переплетались друг с другом. Одной из основных черт модернизации считалась секуляризация общин и «отречение» от традиции. Приведем два примера, отражающих данный процесс. Во-первых, это заметная роль хранившихся в строгой тайне до 1990-х годов народных верований в конструировании и манифестации модерна и коллективного идентитета. Вера получила официальный статус, а религиозные ритуалы стали частью важных этнических праздников. И во-вторых, роль национального костюма в манифестации этнического идентитета.

Центральными понятиями нашего исследования являются «пространство» и «место». В нашем понимании пространство является не только физическим, но и социальным, например, этническим, общественным и индивидуальным. Будем отталкиваться от точки зрения Генри Фоукаулти, согласно которой современный субъект формируется в «сети» отношений власти (4). Субъект невозможно осмыслить, если его изолировать в этой сети. Согласно французскому философу Генри Лефбвре (5, с. 42–49) социальное пространство является производимым явлением.

Его значения формируются посредством социальных отношений. Экологическая и социальная среда создают ограничения, согласно которым индивид совершает культурный выбор. Например, влияние окружающей и социальной среды на образ жизни человека. Социальная среда непосредственно связана с тем, как экономическая система и социальные отношения влияют на благосостояние людей. Например, процесс коллективизации, начало переходного периода в 1990-х годах и современные стратегии выживания. Важными компонентами социального пространства являются власть и этнические отношения. К примеру, кто имеет право определять этнический идентитет группы людей. Социальное пространство также связано с поведением людей в будничное время.

Понятие «места» осмысливается более индивидуально. Согласно Юи-Фу Туани (6, с. 12) более важным является не само физическое место, а отношение субъекта к среде, к которой он себя относит. Кроме личного опыта и воспоминаний (памяти) представления человека также дают знания о месте. Хотя места испытывают различные изменения, время имеет возможность скрасить воспоминания о месте. Значение места может меняться в зависимости от возраста и времени. Однако следует помнить, что анализ значений места производится в настоящий момент. Личный опыт человека может формировать значения, которые делают из пространства место. События также могут создавать из пространства место. С местом связаны власть и контроль, безопасность и неизменяемость.

Гендерное разделение труда

Деление пространства и места на мужское и женское можно наблюдать при рассмотрении разделения труда и участия в работе мужчин и женщин как в селе, так и в семье. Разделение труда между полами общеизвестно, часто предполагается старейшая форма разделения труда, так как традиционно считается, что женщина является роженицей и кормилицей, она воспитывает детей, и поэтому связана с домом. Пространство мужчин более обширно, так как его задачи требуют движения вне дома. Независимо от того, являются ли данные отличия в разделении труда следствиями влияния биолофических и социальных факторов, в разное время и в разных местах они имели различную форму и значение.

Одной из задач коллективизации являлось приравнять женщину в работе с мужчиной. Женщин смело привлекали к овладеванию техническими профессиями, например, профессией инженера и тракториста. Женщина-трактористка была скорее орудием пропаганды, чем проявлением эмансипации. Работа тракториста казалась женщинам работой более легкой чем работа скотницы. Однако они выполняли эту работу только в исключительных случаях, например, во время войны (7). Несмотря на такое равноправие в сельской местности, согласно многим источникам, женщина продолжала быть привязанной к дому и выполнять домашнюю работу. В селах республики Марий Эл традиционное гендерное разделение труда находится в стадии преобразования, такой вывод напрашивается из бесед с молодежью. Взрослые супружеские пары также отмечают, что в настоящее время как женщины, так и мужчины выполняют домашнюю работу, причем многие

виды работ выполняются совместно. Домашнее хозяйство не является больше обязанностью только женщин и девушек, а кухня не является лишь пространством женщин.

За работу дома, в хлевах, во дворе большая ответственность лежит все-таки на женщинах. Поле деятельности женщин особенно расширяется в летний период. Появляется много работы в саду, огороде, на полях. Женщины встают в 3–4 часа, идут в хлев, доят коров и сдают молоко. После этого они уводят коров на пастбище, готовят завтрак, убирают кухню, готовят детей в школу или детский сад. Часть женщин отправляется на работу, часть остается выполнять домашнюю работу, работу во дворе, огороде и т.п. Работы у женщин всегда хватает, как и мужчин. В отличие от женщин, работа мужчин связана с техникой.

Одним из важных будничных занятий является ношение воды. О воде и ее значении в марийской культуре Илдико Лехтинен написала статью «Тридцать вёдер в день – марийская женщина на пути в современность» (8, с. 497). В основном, воду носили женщины и дети, очень редко носили и мужчины. Воду для домашних работ, скота и бани брали из уличного колодца, а воду для приготовления пищи и питья старались приносить из источника, который находился иногда в нескольких сотнях метров от дома. Стирка белья в бане и полоскание его в ручье является женской работой. В некоторых домах имеются ручные стиральные машины, в которых женщины стирают, а полощут белье все тем же способом, как описывал Тимофей Евсеев в 1910-х годах: белье клали на дно деревянного желоба и колотили по нему деревянным валиком в протекающей воде (9, с. 74.)

Согласно Анне Темкиной (10, с. 219), русская женщина стала частью производственной цепи, однако, мужчины сохранили право принимать решения. Некоторые опрошенные нами мужчины отметили, что до сих пор мужчина является главой семьи и решает более сложные вопросы. Однако некоторые из опрошенных считают, что и главенствующая роль хозяина также меняется. Если большую часть материальных доходов приносит женщина, то чувство ответственности и власть ее в семье возрастают. Если сельскохозяйственные кооперативы не в силах более оплатить труд рабочих, то возникает необходимость поиска работы за пределами села: в Казани, Йошкар-Оле, Москве или на нефте-газовых промыслах в Сибири. На работу вдали от дома обычно отправляются мужчины. На плечах женщины остаётся дом, все домашние работы и уход за детьми. В результате отсутствия мужчины в течение продолжительного времени возникает опасность маргинализации его из семьи, жизни села. Таким образом власть и ответственность концентрируются на женщине, находящейся все время дома и в селе. Примером подобного развития является оленеводческая община на Кольском полуострове (11, с. 399–400.)

Примеры гендерного пространства и гендерного места

Кратко рассмотрим два примера двух гендерных пространств: пространство села вне пространства домашних дворов и пространство святых мест. Простран-

ствами, используемыми женщинами, являются их рабочие места, например, скотный двор, столовая, общественная швейная мастерская, магазины и водные источники. Из всех перечисленных выше рабочих мест лишь скотный двор располагается за пределами центра села вместе с гаражами, мельницами, складами и столярными мастерскими. В летний период работы на общественных полях выполняются как мужчинами так и женщинами. Женщины, работающие в общественных учреждениях, например, в швейных мастерских и т.п., выходят сажать капусту, свеклу и картофель, а позднее принимают участие в заготовке сена. Также женщины участвовали в строительстве колхозной бани. Работу в магазине выполняют, в основном, женщины. Они же делают покупки. Мужчины ограничиваются, в основном, покупкой винных напитков. Разделение гендерных ролей отражается также в общественном секторе села. Мужчины занимают руководящие должности в администрации села. Женщины выполяют, прежде всего, работу служащих и секретарей. Должность работников культуры и учителей выполняют как женщины, так и мужчины.

Женщины ухаживают за скотом дома, мужчины пасут скот на пастбище. Расположенный в юго-восточной части села пустырь вместе с кучей досок, бревенчатыми срубами, поленицами дров показался нам пространством мужчин. Готовые обтесанные срубы перевозят на место строительства. Здесь располагается второй сельский источник, где установлен навес и желоб для полоскания белья. Окраина села, дороги, берега речки являются своего рода общественной территорией, на которой пасется молодой скот, гуси и косится трава для домашних животных. На берегу маленькой речки, рядом с источником находится место для проведения праздников, на котором установлена сцена для выступлений и качели. Вне праздничного времени данное место является местом игр для детей. Дети играют, качаются на качелях, иногдя в ожидании мам и бабушек, полощущих белье на источнике. Берега речки также являются популярным местом для игр. Здесь можно плавать, ловить рыбу, грести на самодельных плотах.

В прежние времена вблизи каждого марийского села было несколько священных рощ (*ото*). Священные рощи существуют и в настоящее время. Как в символическом, так и в конкретном смысле важное место сельского пространства занимают кладбища и священные рощи, в которых совершались обряды жертвоприношения. Священная роща и кладбище располагаются близко друг от друга. Чьим пространством являются рощи? Кто мог посещать их? Рощи контролируются, за ними ухаживают. Посещение рощ является возможным, если у человека имеется важное дело. До отправления в рощу человеку необходимо очиститься, помыться в бане, одеть чистую одежду и иметь чистые мысли. Священная роща села Шоруньжа является не только пространством язычников, но и крещеных марийцев. В первые десятилетия прошлого столетия женщинам позволялось посещать не все рощи. К священным рощам и другим святым местам относились с глубоким уважением и не посещали их беспричинно.

Место проведения игр во время Семика.
РМЭ, Моркинский район, д. Ямбатыр. 2002 г. *Фото Т.Л. Молотовой*

В прежние времена часть обрядов жертвоприношения проводилась исключительно мужчинами (12). В настоящее время ситуация изменилась. Женщины составляют большинство в проведении религиозных и других праздников, поэтому место, отведенное для проведения праздников, является больше женским пространством. Ритуал может иметь разное значение для разных людей, даже для участников одного ритуала. Жрецами – *картами* – являются мужчины, но участниками ритуалов и праздников являются, в основном, женщины. Кроме этого женщины производят обряды, которые мужчины не проводят. К примеру, совершение обряда жертвоприношения Богине воды на источнике «Абакыр памаш» вблизи с. Шоруньжа провела марийка Салбика Петрова. По мнению Лидии Тойдыбековой (13, с. 267), религиозное сознание женщины сильнее.

Организуются ли праздники жертвоприношения и различные другие праздне-ства чаще женщинами? Праздники жертвоприношения являются важным компонентом общей картины мира марийцев, поэтому значительная роль отводится священным рощам. Возникает вопрос, являются ли совершаемые праздники жертвоприношения своего рода манифестацией марийского идентитета, важной частью национальной культурной традиции. По мнению Анны-Леены Сиикала, эта ситуация проявляется и у удмуртов (14, с. 57–86).

Женщины многих финно-угорских народов, например, саамов, являются активными организаторами, а также участниками праздников и ритуалов, важными этнополитическими (этническими) руководителями. Национальная музыка и танец за-

нимают важное место в жизни современных марийцев. Девочек с детства обучают домашним работам: приготовлению пищи, уборке, шитью, а также вышиванию (национального костюма), марийскому языку и культуре. Марийский язык и литература, фольклор, песни и танцы, национальные праздники и ритуалы являются ситуациями, в которых марийские женщины играют важную роль. Таким образом женщины передают культурные трдиции своего народа детям и внукам. Женщины играют огромную роль в создании и усилении марийской культуры и идентитета.

Гендерное пространство

Анализ понятий «пространства» и «места» представляет большой интерес. Он дает информацию о многих явлениях, например, о социальных, экономических и культурных особенностях будничной жизни. Следует отметить высказывание Лефебвре о том, что любая экономическая система и общественный строй имеют свое пространство, которое содержит определенную социальную практику. Пол является важной частью в использовании пространства. Как служащий формирует пространство, так и пространство формирует его (5). Пользователи (мужчины и женщины) и социальное пространство взаимодействуют друг с другом. Пространство конструирует гендерное различие, значения и способы использования социального пространства, которые образуются в ситуациях и занятиях будничной жизни. Таким образом наше ближнее окружение формирует идентитет полов независимо от мест, не являющихся эксплицитно установленными для мужчин и женщин.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Giddens, Anthony.* Elämää jälkitraditionaalisessa yhteiskunnassa. – Ulrich Beck et al. (eds.), *Nykyajan jäljillä. Refleksiivinen modernisaatio*, 91–118. – Tampere: Vastapaino. 1995.

2. *Hakamies, Pekka.* Modernisation in a Karelian Village: Problems with the Concept and Empirical Findings. – Natalia Baschmakoff & Paul Fryer (eds.), *Modernisation in Russian provinces.* – Helsinki: Institute for Russian and East European Studies. 2000.

3. *Fitzpatrick, Sheila. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village after Collectivization.* – New York: Oxford University Press. 1994.

4. *Foucault, Henry. Seksuaalisuuden historia.* – Helsinki: Gaudeamus. 1998.

5. *Lefevbre, Henry. The Production of Space.* – Oxford: Blackwell. 1991.

6. *Tuan, Yi-Fi. Space and Place. The Perspective of Experience.* – Minneapolis & London: University of Minnesota Press. 2001.

7. Трактористки. Рукопись. Шор-Уньжинская библиотека. 2005.

8. *Lehtinen, Ildikó.* 30 Eimer Wasser am Tag – die marische Frauen auf dem Weg zur Modernisierung. – Eugen Helimski et al. (Her.) Mari und Mordwinen im heutigen Russland. Sprache, Kultur, Identität, 497–515. – Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. 2005.

9. *Lehtinen, Ildiko.* Timofej Jevsevjevs ethnographische Sammlungen über die Tscheremissen. Suomalais-ugrilaisen Seuran Kansatieteellisiä julkaisuja XII:1. – Helsinki: Suomalais-ugrilainen Seura. 1985.

10. *Temkina, Anna.* Entering Politics: Women's Ways, Gender Ideas and Contradiction of Reality. – *Women's Voices in Russia Today.* – Darthmout: Aldershot-Brookfield. 1996.

11. *Ruotsala, Helena. Muuttuvat palkiset. Elo, työ ja ympäristö Kittilän Kyrön paliskunnassa ja Kuolan Luujärven poronhoitokollektiiveissa 1930–1995.* – Helsinki: Suomen Muinaismuistoyhdistys. 2002.

12. *Holmberg, Uno. Tsheremissien uskonto.* Suomen suvun uskonto 4. – Porvoo: Werner Söderström Osakeyhtiö. 1914.

13. *Toidybekova, Lidia. Marien yhteisörukoukset.* – Pekka Hakamies (toim.), Ison karhun jälkeläiset, 253–275. – Helsinki: SKS. 1998.

14. *Siikala, Anna-Leena.* From Sacrificial Rituals into National Festivals: Post-Soviet Transformation of Udmurt Tradition. – Pertti J. Anttonen & et al. (eds.), *Folklore, heritage politics and ethnic diversity: a Festscrift for Barbro Klein,* 57–86. – Botkyrka: Multicultural Centre. 2000.

Helena Ruotsala

GENDERED SPACES AND PLACES IN A MARI VILLAGE

This article is based on fieldwork carried out in the Morky region in 2002–2005s. The aim of the project was to study everyday life of the Mari women. On my first two visits, 2002–2003, I participated as a member of a group of students; one of the two tutors to the group was Curator Ildiky Lehtinen. On all of these visits to the field we were accompanied by a Mari research colleague, Tamara Molotova.

Many scholars have drawn attention to the increasing visibility of women in the religious and ethnic domain and their role as elders, as well as to their increasing influence in the community. The role of women in the present-day Mari community is in many ways decisive, because the cultural future of the community is also in their hands. During the last decade religious rituals have been transformed into important ethnic feasts, at which the Mari identity is on display.

Mari women play a crucial role in sustaining and safeguarding the social order of their own ethnic community. Like those of other Finno-Ugrian nationalities, Mari women are active organisers of and participators in festivities and rituals, as well as being the directors of these. Women make plans for and organise various ceremonies at which their own ethnic identity is created and renewed. These rituals, for their part, express the structure of social relations in the community. They bestow on these relations a visible form, and thus enable people to recognise their own community and feel that they are a part of it. In this way they are important ethno-political leaders. Overall, their activities can be divided into four to five different functions, according to which they operate within their community. Firstly, they are responsible for the ethnic community's reproduction. Secondly, they produce the ethnic limits of the community. Thirdly, they are responsible for the ideological shaping of the community and act as the mediators and conveyers of culture from one generation to the next. Fourthly, they actively participate on behalf of their own community in the on-going political and economic struggle. They also contribute to the preservation of the social structure of the community.

«Финно-угроведение», 2008, № 1

Отт Курс
Тарту

СЛЕДЫ ЛЕСНЫХ ФИННОВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ СКАНДИНАВИИ

Настоящая статья представляет собой первоначальный обзор судьбы материальной и духовной культуры лесных финнов, составленный на основании лично собранного в июне 2007 года в Центральной Скандинавии материала и опубликованной литературы.

О подсечном земледелии и курных избах

Превращение древнего ландшафта в сельскохозяйственную землю началось с выжигания леса под пашню. Таким образом в разных регионах и возникли подсечные земли, которые на территориях Эстонии стали называться *sõõrd, saat* и *uht*, в некоторых местах также *tulemaa* (1, с. 6). Память о них сохранилась в виде топонимов. Проживающие к северу и востоку от нас прибалтийско-финские народы называли выкорчеванные земледельческие участки первобытного леса в основном словами *kaski, kask* или *huhta*. Помимо этого финны используют еще такие слова, как *aho, halme, palo, työsiö* (2, с. 8, 24, 141, 218), причем *aho* обозначает брошенное подсечное поле, *halme* – уже засеянное, *palo* – только что выжженное и *työsiö* – еще покрытую деревьями подсеку (3, с. 3, 48, 388).

Таким образом, подсечное земледелие основывается на удобрении земли золой сожженных деревьев. Лес вырубали весной и сжигали до осеннего сева или следующей весны. После остывания земли ее расчищали от головешек и высевали зерно. Для запашки семян использовалась суковатка (борона из суковатого ельника) или соха, у которой была двухгранная пахотная доска с переворачивающей землю ложкой (4, с. 39). Удобренная золой земля давала поначалу высокий урожай. Однако через несколько лет плодородие земли и вместе с ним и урожайность падали, и приходилось выжигать новый участок леса. Прежняя подсека оставлялась залежью или лучшие подсеки превращались в старопахотные поля, удобряемые навозом.

С таким исконным земледелием тесно сочетается характерная для северных регионов Европы жилая постройка без окон и дымоходной трубы, или курная изба (фин. *savupirtti)*, в которой дым поднимался из устья печи или очага прямо в комнату и выходил оттуда через двери и отверстие в потолке (фин. *räpänä)*. Сто лет тому назад обстановка в курной избе описывалась следующим образом: *Когда мощная печь топилась и дым поднимался под потолок, это вовсе не выгоняло*

людей, потому что непроглядный дым удерживался на определенной высоте, выше головы. Это было урегулировано потолочным люком и неприкрытой наружной дверью (5, с. 61). Также действовала и баня по-черному (фин. *savu-sauna)*, где женщины также рожали детей.

Сравнительную историю развития строений финно-угорских народов основательно изучил уже в XIX веке в своей докторской работе Аксель Олаи Хейкель (1851–1924) (6). До XIX века курная изба была характерна для лесных территорий северо-восточной части Европы. Так, в 1833 году она составляла даже 92% жилищ Выборгского лена (7). По мере развития общества и роста зажиточности крестьянства дома строились все больших размеров, так что в них было даже несколько комнат, а в прорубленные окна вставлялись стекла.

Из истории заселения Финляндии

По сравнению с Эстонией заселение Финляндии происходило относительно поздно. Еще в начале XIII века, когда в Эстонии сформировалась система деревень и их объединений – кихелькондов, севернее Финского залива постоянное заселение отмечалось только на Аландских островах, Варсинайс-Суоми, Сатакунте, в южном Хяме, а также в Выборгской и Приладожской Карелии. Отдельные очаги заселения отмечались еще на берегах озера Пяйянне и в Саво. Правда, другие территории Финляндии и Карелии не были полностью безлюдными – там кочевали саамы.

Дальнейшее заселение финских территорий происходило сначала с юга на север, а позднее и с запада на восток. Первые более точные сведения о распространении земледельческого населения относятся к середине XVI века, когда деревень и поселений насчитывалось приблизительно 7500, из них в Варсинайс-Суоми – около трети. Население по-прежнему сосредоточивалось в Южной и Юго-Западной Финляндии и на побережье Ботнического залива, на Аландских островах и на территории Озерной Финляндии.

Правда, в то время в Финляндии было восемь очень маленьких с современной точки зрения городов. В устье реки Вантаа влачил жалкое существование Хельсинки (Хельсингфорс), из других городов можно назвать Турку (Або), Наантали (Нодендаль), Раума (Раумо), Пори (Бьёрнеборг), Таммисаари (Экенес), Порвоо (Борго) и Выборг (Виппури), у которых были шведские названия, потому что Финляндия входила в состав Шведского государства. Прочие населенные места были особенно маленькими и состояли из деревень с числом дворов не более десяти. Общая численность населения в то время определяется в 300 000. Приблизительно столько же человек проживало в то время и в Эстонии. Дальнейшее заселение Финляндии было значительно нарушено шведско-русской войной 1570–1595 годов, тогда, например, был уничтожен очаг заселения Оулуярви. В результате этого население обратило внимание на западные территории, потому что западно-финские племена подсечным земледелием не занимались. В незначительной степени свободные лесные земли имелись только в Северном Хяме и Похьянмаа, в окрестностях Рауталампи и Руовеси.

Формирование лесных финнов Скандинавии

Почтовая служба была развита в Шведском государстве уже в XV–XVI веках, когда сеть почтовых станций соединяла между собой принадлежащие Швеции территории, окружающие Балтийское море, простираясь на севере до Торнио, на востоке до Кякисалми и на юге до Риги и Гамбурга (8, с. 58). Благодаря этому сообщения с земель, расположенных к западу от Ботнического залива, достигали и финнов в лесах Саво. Во время правления короля Густава Васа (1523–1560) введение в пользование новых лесных территорий поощрялось тем, что новопоселенцы освобождались на 6–15 лет от налогов. Привыкшие к более удобной жизни и близости моря шведы и западные финны не хотели переселяться в мрачные, по их мнению, материковые леса. Но в новых землях были заинтересованы в Саво, откуда и начали миграцию в направлении Скандинавии в 1580-х годах. Жители Саво и северного Хяме чаще направлялись в Вермланд, Даларну, Хельсингланд и Сёдерманланд. В начале XVII века финны проживали в 40 общинах в Вермланде, в 29 – Даларне, в 16 – Хельсингланде и 12 – Сёдерманланде (9). В Норвегии они заселили пограничную зону протяженностью приблизительно 150 км. В лице финнов Швеция получила новых налогоплательщиков. Хутора были сравнительно большими, например, хутору Юхола принадлежало 700–800 га. Имеются и такие сообщения, что с одного хутора лесного финна государство получало в виде налогов больше дохода, чем с целой традиционной шведской деревни. По складу жизни общество лесных финнов было наполовину шаманистским. Однако по отношению к чужим они были более гостеприимными, чем шведы.

Таким образом в Центральной Скандинавии возник своеобразный культурный ландшафт с подсечными полями, курными избами, черными банями и ригами *(riihi)*. При посредничестве финнов начал распространяться новый строительный стиль в виде бревенчатых стен с рублеными углами. В целом, дома финнов были больше домов шведов. Для подсечных полей выбирались гребни холмов или их западные и южные склоны, чтобы угроза заморозков была меньше. Урожаи были, в общем, хорошими, потому что здешние еловые леса под пашню раньше не выжигались. Кислая почва нуждалась в минеральных веществах, которые давала зола, образующаяся при выжигании леса под пашню. Сначала выращивали, главным образом, озимую рожь, позднее добавились еще овес и просо и в незначительной степени также ячмень и пшеница. Особенно высокий урожай давала рожь *(korpiruis)*, из семян одного колоска которой вырастало 40–80 колосков.

Однако вскоре положение скандинавских лесных финнов ухудшилось, потому что для использования леса в иных целях правительство Швеции запретило выжигание его под пашню. Лесные финны должны были стать обычными земледельцами или переселиться в другие места. Начиная с 1641 г., выжигающих лес под пашню стали заключать в тюрьму, а часть их была даже выселена в тогдашние шведские владения (т.н. *Nya Sverige*, т.е. Новая Швеция) на берегу реки Делавэр на восточном побережье Северной Америки. Кроме того, лесных финнов начали насильно обращать в шведов. Так, в 1646 г. был отдан приказ о сожжении домов финнов, не пожелавших изучать шведский язык (10).

Рис. 1. Расселение лесных финнов в Скандинавии.

Karta över skogsfinnarnas bosättningsområden i Mellan Sverige och Norrland. 2007. http://www.finnkulturcentrum.com/MellanSverigeskogsfinnar.jpg

Вклад Карла Акселя Готтлунда

В Финляндии соплеменники, проживавшие в Скандинавии, были забыты до тех пор, пока Карл Аксель Готтлунд (1796–1875), поступивший из Ювaского прихода Саво в Упсальский университет, не узнал о существовании лесных финнов и не совершил два исследовательских похода на территорию их расселения в 1817 и 1821–1822 гг. Его дневники, записанные на шведском языке, опубликованы позднее и в переводе на финский язык (11; 12). Готтлунд собирал исторические, этнографические и лингвистические данные, а также намечал различные программы улучшения социального положения лесных финнов и официального использования финского языка. Во время путешествий Готтлунда скандинавских лесных финнов насчитывалось предположительно около 50 000, из которых 14 000 проживало в Вермланде, преимущественно в его северной части, на гравийной возвышенности, на высоте 300–600 метров над уровнем моря. Все жители были внесены в метрические книги под шведскими именами и считались официально шведами. Использование финского языка и чтение финских книг было строго запрещено. Нарушавшие запрет наказывались заключением в тюрьму. Готтлунд выяснил настоящие финские имена людей и внес их в церковную книгу Эстмарка. Он планировал создание в основном месте поселения лесных финнов в Северном Вермланде трех финских приходов – Юванниеми, Лаутасалми (Лекваттнет) и Кирвескангас (Норра Финнскога). Один из них он назвал по своему родному приходу Юва. Вместе с представителями местных лесных финнов он выбрал в шведско-норвежской пограничной зоне место для двух церквей и вырубил топором на двух больших камнях письмена: «CAG 18 23/11 21» и «IUWANNIEMI 18 25/11 21 C.A.G.» (12, с. 310, 322). Первым из них смогли полюбоваться и мы (13). Настоящий центр норвежских лесных финнов сформировался позднее немного западнее Свуллрюа.

В Центральной Скандинавии получить права на жизнь финноязычному обществу не удалось, однако, на западной границе Северного Вермланда в 1830 г. создали два новых прихода Южный Финнскога и Северный Финнскога, стали строить новые дороги и улучшать социально-экономическое положение населения (14, с. 57). На церковной горе Южного Финнскога позднее был поставлен мемориальный камень А.Готтлунду.

Помимо этих двух приходов лесные финны составляли большинство населения еще в приходах Нюскога, Эстмарк, Лекваттнет, Фрюксанде, Далбю и Норра Ню. Однако более тесной связи этих территорий с остальной частью Вермланда мешало все более сильное подавление культуры и языка лесных финнов – им не предоставляли ни своих церквей, ни учителей, ни судей и иных руководителей, как планировал и к чему стремился А.Готтлунд.

При крещении всем лесным финнам давали официальное шведское имя, параллельно с которым в народе использовалась и финская форма имени, например, вместо Карли – Калле, Каарло или Коарле, вместо Пауля – Пааво, вместо Петера – Пекка и т.д. Во время приездов А.Готтлунда в Швеции у крестьян фамилий еще не было, использовали шведское имя отца, к которому добавляли *-сон*. Лишь позднее

по этому принципу были образованы официальные фамилии, которые стали передаваться из поколения в поколение. Пока сохранялся язык предков, в общем был известен и род, и кто к нему относится. Так, Кайса Вилхуйнен звались официально Карин Хенрикссон и Юханнес Ойнонен – Йоханнес Йоханссон.

Дальнейшие исследователи

После поездок А.Готтлунда в Финляндии возник более широкий интерес к скандинавским лесным финнам *(skogsfinnarna)* и финским лесам *(Finnskogeri).* В XX веке сложились два исследовательских направления и традиции. Финские исследователи интересовались лесными финнами как осколком своего народа, проживающего среди чужого этноса, особенно его языком, фольклором и традициями. Лесные финны стали привлекать внимание шведских исследователей как жители Швеции, имевшие отличные от прочих шведов культурные традиции и происхождение. Лесных финнов рассматривали в связи с историей заселения и краеведением. В рамках истории заселения стали интересоваться также разветвлением родов лесных финнов и личными именами.

Из действовавших в Финляндии научных направлений следовало бы отметить исследования Вяйнё Салминена (1880–1947), Лаури Кеттунена (1885–1963), Альберта Хямяляйнена (1881–1949), Юлиуса Мягисте (1900–1978) и Пертти Виртаранта (1918–1997).

Вяйнё Салминен побывал у скандинавских лесных финнов в 1905 г., когда он был еще студентом (15, с. 11–123). Он собирал фольклор и фотографировал людей и ландшафты на хуторе Юхола и в финских лесах Вермланда. В церкви Эстмарка ему удалось посмотреть церковную книгу 1821 г., в которой А.Готт-лунд указал мелким шрифтом на месте имен с окончанием *-сон* сотни использованных самими финнами исконных родовых имен, например Хавунен, Хяккинен, Кархунен, Ойнонен и др.

Спустя два года туда направился в свою первую поездку языковед Лаури Кеттунен родом из Саво, который позднее (1919–1924) работал профессором и в Тартуском университете. Следующие его поездки состоялись зимой и летом 1909 г., летом 1926 г., летом-осенью 1930 г., на смене 1934–1935 гг., летом 1936 г. и летом 1937 г. (5). Он останавливался всегда в Юхола, где старательно записывал услышанное от жителей. Кроме этого, он расспрашивал и знавших финский язык жителей других хуторов. Кеттунен навещал лесных финнов также и после Второй мировой войны. О его научных поездках напоминает укрепленный на большом камне бронзовый барельеф в Маттила.

Изучавший финно-угорские народы Альберт Хямяляйнен – профессор этнографии в Хельсинкском университете, в 1931–1949 гг. – обращал особое внимание на обычаи, верования и строения. На основании проведенных в Норвегии и Вермланде полевых работ он написал в 1941 г. книгу о финнах Центральной Скандинавии, которая из-за военного времени вышла лишь в 1947 г. (16). В работе рассматриваются наиболее ранние отличительные черты строительной культуры и жизни народа. В книге с множеством фотографий и рисунков описаны все строения лес-

ных финнов: жилые дома, бани, риги, амбары, конюшни, сенные сараи, подвалы, сараи и мельницы. А.Хямяляйнен пришел к выводу, что хутора лесных финнов были преобладающе однодворовыми, причем хозяйственные здания располагались беспорядочной дугой перед жилым домом и рядом с ним. Позднее возникли и дворы в форме квадрата. На отдаленных землях иногда можно было увидеть и выстроенные в ряд хуторские здания.

Работавший с 1947 г. в Лундском университете в Швеции бывший профессор прибалтийско-финских языков Тартуского университета Юлиус Мягисте собирал летом в 1947–1951 гг. в Вермланде материалы о языке, топонимы и народные предания лесных финнов. В записанных им текстах местных рассказчиков (17) содержится много культурно-исторического материала. Позднее (1966–1970) Мягисте опубликовал трехчастное исследование о финских топонимах в Вермланде.

Работавший в 1948–1955 гг. в Лундском университете лектором, будущий профессор Хельсинкского университета (1959–1981) и академик (1990) Пертти Виртаранта в 1954 г. вместе с супругой Хельми Виртаранта начал научные поездки в финские леса Швеции и Норвегии. Итоги многих поездок, совершенных в течение сорока лет, подведены в отдельной книге (18), в которой автор вспоминает последних знатоков финских лесов и рассказывает об их судьбе. Это уникальное, иллюстрированное редкими фотографиями культурно-историческое произведение, из которого читатель узнает о дальнейшей жизни описанных в книге Кеттунена жителей хутора Юхола и лучших знатоков местных народных преданий (знаток природных трав, предсказательница и рассказчица историй Калевалы Кайса Вилхуйнен (1855–1941), ее младший сын Карл Перссон (1900–1968), Тунтури Уула, или позднейший исследователь родов Улав Улавссон (1891–1969), Ниитахо Юсси, или Йоханнес Йоханссон (1874–1965) и др. Интересные сведения представляет Виртаранта также о происходившей из финских лесов Норвегии и проживавшей продолжительное время в поселке Свуллрюа почитаемой и разносторонней писательнице Осте Хулт (1904–1999), которая в своей трилогии на норвежском языке *«Рожъ и мир»* (Kornet og freden, 1955), *«Камень цветет»* (Steinen blomer, 1963) и *«Часовня»* (Kapellet, 1967) описала жизнь лесных финнов в XVII–XIX веках (19).

Характерные типы людей скандинавских лесных финнов запечатлели в 1951–1953 гг. скульпторы-супруги Алпо Сайло (1877–1955) и Нина Сайло (1906–1998).

Из представителей позднее сформировавшегося второго направления исследований можно отметить Габриэля Бладта с его диссертацией, которая подводит итоги формирования ландшафта и населения финских лесов в течение четырех веков (20).

Скандинавские финские леса в настоящее время

В XX веке население финских лесов начало уменьшаться, потому что сельские жители переселялись в города или даже в заморские страны. В северной части Вермланда, население которого состояло преимущественно из лесных финнов, с 1862 г. по 1951 г. было десять волостей (прежних приходов), которые стали объединять между собой по мере уменьшения населения. В 1966 г. на этой территории

было еще пять, в 1970 г. четыре и в 1973 г. три волости. В 1974 г. в этой местности осталась только одна волость Торсбю *(kommun)* (21, с. 12). На этой территории площадью 4187 км^2 в начале 1997 г. проживало 10 700, а в начале 2006 г. 9668 человек (22). Население уменьшилось во всех 26 поселках волости на 311 человек и в центре Торсбю, где сейчас проживает приблизительно 4000 человек. Поскольку жители волости Торсбю и окрестных территорий в настоящее время интересуются своими корнями, в Торсбю действует Финский культурный центр *(Finnkulturcentrum)*, в состав которого входят также библиотека и архив для изучения родословных. Действует также объединение Вермланда и Норвежских Солэрских болотных лесов – *Solør-Värmlands Finnskogsförening*. Отметим и то, что солэрские финны имеют в Норвегии уже продолжительное время статус исконного национального меньшинства, потому что они проживали на тамошних лесных территориях еще до создания современного Норвежского государства в 1905 г.

Соседом волости Торсбю в Норвегии является волость Груэ, где на площади 837,2 км^2 в начале 2007 г. проживало 5152 человека (23). На территории волости имеется пять средоточий заселения: Киркенэр, Рефсет, Намно, Гриндер и Свуллрюа. Большинство населения сосредоточилось возле реки Гломма, где располагаются как волостной центр Киркенэр, так и другие более крупные поселки, например Намно, Рефсет и Гриндер (24). Расположенные к востоку от долины реки Гломма более высокие участки и окрестности пограничного озера Сторе Рёгден входят уже в зону финских лесов. В Свуллрюа – местном центре лесных финнов – действует начиная с 1942 г. музей финской культуры *Finnetunet*. С 1970 г. в Свуллрюа на время ежегодных дней финских лесов *(finnskogsdagene)* во вторую пятницу июля провозглашается на три дня символическая Республика Финских лесов *(Republikken Finnskogeri)* (25), у которой имеются свой президент, правительство и символика.

Уклад жизни и язык лесных финнов Центральной Скандинавии продержались приблизительно четыреста лет. Последними хорошими знатоками языка и рассказчиками были Ниитахо Юсси из рода Ойноненов и Карл Перссон – младший сын Кайсы Вилхуйнен. В настоящее время уже нет людей, добывающих пропитание традиционным сельскохозяйственным трудом, а также людей, которые могли бы что-нибудь рассказать на языке своих предков. На смену пришли шведский и норвежский языки, в местном варианте которых можно встретить отдельные финские слова. На бывшее финское поселение указывают нанесенные на карту топонимы, например Геттохарью (Кеттухарью), Римагг (Риихимяки), Годдагоск (Котакоски), Гарапелдо (Каурапелто), Дервалафт (Тервалахти), Мостасоо (Мустасуо) и пр. (26).

В Карлстаде – уездном городе Вермланда – и в других местах можно найти отдельных потомков лесных финнов, которые выучили современный финский письменный язык. Но во время путешествия по волости Торсбю с 19 по 23 июня 2007 г. мы таких людей не встретили. Однако у нас был превосходный гид, родившийся в волости Киурувеси (начиная с 1993 г. – город) в Северном Саво и переселившийся оттуда в 1969 г. в Швецию Сеппо Ремес. Он работает учителем в народной школе

в Халстахаммар, а в летние каникулы организует учебные поездки на земли лесных финнов. Под руководством Ремеса с культурой лесных финнов познакомилась и наша группа из 38 человек, в составе которой были люди из Финляндии, Швеции, Эстонии, Канады и США.

Финские леса и туризм

Как и в других местах мира, здесь в последнее время стараются заработать на жизнь туризмом. На туристическом маршруте протяженностью 240 км, от Арвика (Вермланд) на юге до Трюсил (Норвегия) на севере, имеется возможность видеть следы деятельности лесных финнов и попробовать крестьянскую пищу старых времен.

Повседневным блюдом лесных финнов была густая каша *mutti,* которая получалась при варке ячменной, ржаной или овсяной муки в воде или рыбном бульоне. Из каши готовились также клецки для супа. Заедали жареной свининой и брусничным вареньем *(puolukkahillo).* Изготовленное из муки и лесных ягод варенье ели на сладкое. Из ягод больше всего использовали бруснику, которую можно было хранить всю зиму в бочках. Третье основное блюдо лесных финнов – *resk* (фин. *rieska),* похожая на лепешку, приготовлявшаяся из картофеля и овсяной муки. Очищенный картофель натирали на терке, смешивали вместе с мукой и ставили в сковородке в печь. В печи тесто поднималось, и блюдо было готово. Такие блюда мы смогли попробовать вблизи пограничного озера Сторе Рёгден (швед. Рёйден), в волости Груз в Норвегии, на очень красивом и ухоженном хуторе Мулликкала.

Наиболее известные хутора финских лесов – Юхола, Пурала и Маттила (все в деревне Рёйдофорс) – действуют в настоящее время как музеи, которые посещаются как летом, так и зимой. Часть типичных мест поселений лесных финнов известна в качестве краеведческих хуторов *(hembygdsgerdar).* У нас была возможность воспользоваться гостеприимством Курта Эйде – хозяина хутора Маттила – и ознакомиться помимо хуторов Маттила, Юхола и Пурула также с хуторами Мюлюля (швед. Кварнторп) и Ритамяки (оба относятся к деревне Лекваттнет волости Торсбю). Ритамяки располагается в крайней юго-западной части волости. На кажущийся идиллическим хуторской холм ведет пешеходная тропа длиной 1,3 км. Молодая хозяйка хутора из рода Оравайненов (с официальной фамилией Нордквист) давала пояснения как на шведском, так и на английском языках. Выяснилось, что здешнее жилище было курной избой еще в 1964 г. Изба делилась на мужскую и женскую половину, границу которой обозначала жердочка под потолком. В 1967 г. курные избы в Швеции были запрещены.

Следует отметить, что если вблизи финской границы в Швеции (фин. Торнионлааксо, швед. Торнедален) и Норвегии (фин. Руйя, норв. Финнмарк) финская культура и язык сохранились до настоящего времени, и местные варианты языка (язык мея, или меянкиели в Швеции, квенский язык в Норвегии) официально признаны региональными языками, то дальше от Финляндии, в Центральной Скандинавии, финский язык исчез в конце прошлого века. Сохранились только похожие на финские топонимы и проявления предметной культуры в виде традиционных строений

и блюд. Однако в прежних местах поселения лесных финнов в Швеции и Норвегии в последние столетия произошло своего рода возрождение финского национального самосознания, к проявлениям которого относятся собрания объединений родов и опубликованные в печати списки. На территории поселения лесных финнов созданы музеи и различные памятники. Среди последних следовало бы отметить поставленный в 1970 г. в Норвегии в волости Груз на берегу озера Сторе Рёгден мемориальный камень на норвежском, финском и шведском языках с доской, на которой запечатлена распространенная на этих территориях 431 финская фамилия.

В то же время обращено внимание на увековечение памяти наиболее известных лесных финнов. Самым известным лесным финном последних времен является, несомненно, Ниитахо Юсси, с официальным именем Йоханнес Йоханссон, который умел образно рассказывать о старых временах, жизни народа и своем опыте. Ниитахо Юсси прославился и в Финляндии, где президент Урхо Кекконен пригласил его к себе в гости и вручил знак почета. В 1959 г. в Хельсинки по инициативе Лаури Кеттунена было основано общество Ниитахо Юсси *(Niitahon Jussin seura)*.

Изучение истории и культуры скандинавских лесных финнов продолжают как в Финляндии и Швеции, так и в Норвегии. В Швеции и Норвегии исследовательская деятельность сопровождается также развитием туризма в бывших болотных лесах. Этим стремятся укрепить хозяйственную жизнь прежних сельскохозяйственных районов с поредевшим населением.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Manninen, Ilmari 1993. *Etnograafiline sõnastik.* – Tallinn: Koolibri. 88 lk.

2. Vuorela, Toivo 1964. *Kansatieteen sanasto.* Toinen, uudistettu painos. – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 248 s.

3. Mägiste, Julius (toim) 1931. *Soome-eesti sõnaraamat.* – Tartu: Akadeemiline Emakeele Selts. 687 lk.

4. Rank, Gustav 1995. *Vana Eesti rahvasja kultuur.* Tartu: Ilmamaa. 176 lk.

5. Kettunen, Lauri 1960. *Kahdeksan matkaa Vermlannin metsäsuomalaisiin (1907–1937).* – Helsinki: Kauppakirjapaino Oy. 157 s.

6. Heikel, A.O. 1887. *Rakennukset Tšeremisseillä, Mordvalaisilla, Virolaisilla ja Suomalaisilla.* – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 320 s.

7. Savupirtti. 1936. – *Iso tietosanakirja* XI. – Helsinki: Otava, veerg 1056.

8. Castensson, Reinhold (special editor) 1992. *The Infrastructure. Administration. Energy. Communications. National Atlas of Sweden.* Linköping university: Department of Geography. 160 pp.

9. *Metsäsuomalaiset.* 2007. http://www.all2know.eom/fi/wikipedia/m/me/ metsaesuomalaiset.html.

10. Saarentaus, Tapio 2007. Värmlannin metsäsuomalaiset. http://modersmal.skolutveckling.se/finska/kaarina/tukholmanhist.htm

11. Gottlund, Kaarle Aksel 1985. *Päiväkirjaa vuoden 1817 matkalta.* – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 411. 256 s.

12. Gottlund, Kaarle Aksel 1986. *Vermlannin päiväkirja 1821.* – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 437. 404 s.

13. Kurs, Ott 2007. Kesk-Skandinaavia alemail ja suitsutaredes. – *EestiLoodus* 10, 44–49 [564–569].

14. Pulkkinen, Risto. 2003. Vastavirtaan. C. A. Gottlundin 1800-luvun suomalaisena toisinajattelijana: psykobiografinen tutkimus. Helsingin yliopisto: teologinen tiedekunta, uskontotieteen laitos. 313 s.

15. Salminen, Väinö 1946. *Vallattomilta vaellusvuosilta.* – Helsinki: Otava. 236 s.

16. Hämäläinen, Albert 1947. *Keski-Skandinavian suomalaiset.* Porvoo-Helsinki: WSOY. 210 s.

17. Mägiste, Julius 1960. *Vermlannin sammuvaa savoa. Kielennöytteitä vuosilta 1947–1951.* – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 411. 188 s.

18. Virtaranta, Pertti 1997. *Suomalaismetsissä. Muistelmia matkoilta Keski-Skandinavian suomalaisten keskuuteen.* – Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia 673. 191 s.

19. *Åsia Holth, 1904–1999, forfafter.* 2007. http://www.grue. kommune.no/index.asp7strUrH1000155i&topExpand=&subExpand=, http://www.folkedans.com/folkemusikk/folkemusikk_profilar.htm, http://www.aftenposten.no/alex/litterat/forfatte/holtasta.htm

20. Bladt, Gabriel 1995. *Finnskogens landskap och människor underfyra sekler. En studie av natur och samhälle i förändring.* Göteborg: Meddelanden från Göteborgs universitets geografiska institutioner B 87. 404 s.

21. Öberg, Sture, Peter Springfeldt (temaredaktörer) 1991. *Befolkningen. Sveriges Nationalatlas.* – Stockholm. 176 s.

22. *Torsby kommun.* 2007. http://www.torsby.se/id=433

23. *Fakta om Grue kommune.* 2007. http://www.ssb.no/kommuner/0423

24. *Grue kommune.* 2007. http://www.grue.kommune.no

25. *Finnskogdagene.* 2007. http://www.grue.kommune.no/index.asp.startID=&topExpand=&subExpand=&stpUrl=1000149&menuid=1000 342

26. *Finnskogen midtre.* 2006. Turistkart 1:50 000

Ott Kurs

SIGNS OF «FOREST» FINNS IN CENTRAL SCANDINAVIA

Finnish tribes, settling southern and central territory of modern Finland, were occupied with agriculture farming after felling trees. Being amounting to Swedish kingdom, Finns carried on moving to free forest areas in north. From the end of XVI century many Finnish settlings are appeared forests of central Sweden and boundary zone of Norway in search of suitable places for agriculture farming after felling trees. Swedish authorities pass the politics of assimilation with respect to «forest» Finns. Style of life and language of «forest» Finns in central Scandinavia have saved about 400 years till the end of the past century. At present scientists and enthusiasts help to revive historical monuments. Settling places of «forest» Finns are used in tourist routes, where tourists can make the acquaintance of history, culture and way of life of this ethnic group.

«Финно-угроведение», 2008, № 1

Ранус Садиков
Кирси Мякеля
Уфа, Хельсинки

РУКОПИСЬ Ю. ВИХМАННА О РЕЛИГИОЗНЫХ ВЕРОВАНИЯХ И ОБРЯДАХ ЗАКАМСКИХ УДМУРТОВ КАК ЦЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК*

В Архиве Финно-угорского общества (Suomalais-Ugrilaisen Seuran Tutkimusarkisto) Финляндии хранится небольшая рукопись финского лингвиста Юрьё Вихманна (1). 43-страничная рукопись, написанная на финском языке, имеет заглавие «Tietoja Birskin votjaakkien (Ufan kuv.) tavoista, uskonn. menoista y.m.» (Сведения об обычаях и религиозных обрядах бирских удмуртов (Уфимская губерния) и датирована 1894 годом. Она представляет собой полевые заметки ученого, написанные во время экспедиционной работы среди удмуртов деревни Большой Качак Киебаковской волости Бирского уезда Уфимской губернии летом 1894 года. Она имеет неоценимое значение при изучении религиозных верований и обрядов закамских удмуртов. К закамской этнографической группе принадлежат удмурты, расселенные в северо-западных районах (Татышлинском, Янаульском, Калтасинском, Бураевском и т.д.) Башкортостана, Куединском районе Пермского края, Бавлинском районе Татарстана, Красноуфимском районе Свердловской области. Группа сформировалась в результате переселения удмуртов с исконных мест на башкирские земли в XVI–XVIII вв. (2, с. 5).

О данной рукописи упоминает в своей книге А.Е. Загребин (3, с. 46). Она никогда не публиковалась, но сведения из нее использовались российскими учеными-финноугроведами. В Финляндии она тоже практически не известна. Кстати, на нее ссылается У. Хольмберг в своей монографии, посвященной религиозным верованиям пермских народов (4, с. 46).

Записи произведены в большой тетради в линейку. Характер размещения записей таков: на правом листе разворота тетради автор фиксирует основной текст, на левом – делает примечания. Видимо автор, записывая текст, ставил себе на левом развороте полевой тетради пометки о необходимости выяснения того или иного

---

*Выражаю искреннюю признательность Финно-угорскому обществу за возможность использования неопубликованных архивных материалов, а также Илдико Лехтинен и Татьяне Миннияхметовой за содействие в переводе и редактировании рукописи Ю.Вихманна.

момента обряда. В дальнейшем он, найдя соответствующий ответ, записывал его рядом с пометкой. Например, на л. 14, описывая моление «Мер-вӧсь», Ю. Вихманн отмечает, что жителей деревни созывают на жертвоприношение всадники в белых одеждах. На левом развороте, напротив этой строки, он сделал себе пометку «Слова?» Тут же им приведена удмуртская фраза «Вӧсе мынэлэ ини» (На жертвоприношение идите уже), т.е. он записал возгласы всадников, обращенные к жителям деревни. Вероятно, эта запись была произведена позднее основного текста, когда был получен ответ на вопрос. Текст рукописи и пометки со знаком вопроса написаны черными чернилами, пояснения к пометкам – карандашом.

Что касается появления рукописи, то известно, что летом 1894 г. Ю. Вихманн совершил свою вторую лингвистическую экспедицию к удмуртам. Около месяца он пробыл в деревне Большой Качак Бирского уезда Уфимской губернии, изучая диалект и собирая фольклорный материал (3, с. 46). В ходе работы он собрал значительный материал по диалекту местных удмуртов, включенный в недавно опубликованный удмуртский словарь Ю. Вихманна (5). Некоторый фольклорный материал из д. Большой Качак (пословицы, загадки), собранный Ю. Вихманном, был опубликован во второй части «Образцов удмуртской речи» в 1901 г. в транскрипции на латинице и с переводом на немецкий язык (6). Небольшая часть этих же текстов и несколько описаний обрядов в латинской транскрипции были включены в изданную также в 1901 г. «Удмуртскую хрестоматию со словарем» (7). Эта же работа была переиздана в Турку в 1954 г. (8).

Весь фольклорный материал автора из этой деревни был записан также в одну тетрадь, которая ныне также хранится в Архиве Финно-Угорского общества (9). Судя по рукописи, которая содержит удмуртские пословицы, загадки, песни, описания обрядов, мужские и женские имена в латинской транскрипции, не весь собранный им материал был опубликован.

Ю. Вихманн, помимо сбора сведений по диалекту и фольклору удмуртов д. Большой Качак, попутно занимался также изучением их этнографии, точнее их религиозных верований и обрядов. Об этом свидетельствует как исследуемая рукопись, так и его фотографии, хранящиеся в Фотоархиве Музейного ведомства Финляндии (10). Необходимо отметить, что Ю. Вихманн имел уже до этого некоторый исследовательский опыт в этнографии. В 1892 г. он, основываясь на полевых материалах Т.Г. Аминоффа, издал брошюру «Сведения из удмуртской мифологии» (11).

Исследуемая рукопись содержит описание различных религиозных обрядов и обычаев удмуртов деревни, как-то: жертвоприношения в куале и луде, моления «Мер-вӧсь, Эльын-вӧсь, Покшур ошмес вӧсь, Тыпывыр вӧсь, Зор куриськон, Мудор вӧсь» и т.д. Приводится краткое описание похоронных и поминальных обычаев; дается характеристика некоторым персонажам удмуртской мифологии, например, Му-Кылчин, Ру-Кылчин, Корка-кузё, Тӧлпери, Вумурт, Нюлэсмурт, Сюреспери.

Основную часть своих сведений Ю. Вихманн собрал при посредстве информаторов. В то же время он имел возможность присутствовать на некоторых обрядах и вести свои наблюдения. В одном из писем он отмечал, что «все здешние удмур-

ты чистые, некрещеные язычники. Вскоре здесь будут 2 праздника жертвоприношений, на которые соберутся люди из 25 удмуртских деревень, следовательно, несколько сотен человек. Попробую со своим аппаратом сделать фотографии о ходе жертвоприношения, если позволят» (12, с. 39–40). В другом письме он уже отмечает, что «Принял я участие на обоих праздниках жертвоприношения. С удовольствием разрешили присутствовать, ибо сочли, что меня направил сюда царь» (12, с. 40). Исследователю удалось побывать на молении Мер-вӧсь, которое, начавшись 2 июля, продолжалось несколько дней («Только утром четвертого дня приглашенные гости уезжают домой») (1, с. 3, 19). Также он присутствовал 6 июля на моленни по поводу замены ограды на священной роще луд и 13 июля – на ежегодном моленни в этой же роще (1, с. 25, 31). Таким образом, материалы Ю. Вихманна имеют большую ценность как сведения очевидца.

Что касается некоторых сведений о д. Большой Качак, то по нынешнему административному делению селение – центр сельсовета, расположено на территории Калтасинского района Республики Башкортостан. В селе проживает 597 человек (сведения на 2006 год). Большой Качак является одним из старинных поселений закамских удмуртов, возникшее, скорее всего, во второй половине XVII в. В материалах народной ревизии 1722–1723 гг. отмечено, что в д. Большой Качак проживало 54 вотяка (удмурта) мужского пола (13, л. 436) (женщины не были учтены). По сведениям на 1870 г., в д. Большой Качак имелось 124 двора, где проживало 732 человека, из них 704 были удмуртами (14, с. 80).

Как раньше, так и в настоящее время в Большом Качаке живут некрещеные удмурты, которые сохранили свою традиционную религию. В годы советской власти жители были вынуждены прекратить проведение крупных общественных моленний-жертвоприношений, в то время как многие семейные обряды неукоснительно соблюдались. В 90-е годы прошлого столетия жители деревни возобновили практику проведения крупных окружных молений «Бадрын вӧсь» (Великое моление), в которых, как и во времена Ю. Вихманна, принимают участие жители Большого и Малого Качака, Кургака и Качкинтураево.

Ввиду большого источникового значения рукописи Ю. Вихманна, предлагаем ее публикацию в переводе на русский язык. Принята следующая система публикации. Подчеркнутые в рукописи слова, в публикации также подчеркнуты. Предложения и слова, записанные карандашом, передаются серым оттенком. Слова, отсутствующие в оригинале, но необходимые для передачи смысла в русском переводе, заключены в [квадратные скобки]. Удмуртские термины, записанные Ю. Вихманном латиницей, переданы в публикации кириллицей. Граница между листами помечена знаком /. Авторская нумерация листов рукописи спутана, поэтому рядом с действительными номерами листов, в скобках приводится нумерация автора. Примечания автора даются в виде подстрочных сносок в «кавычках». Примечания переводчиков выделены *курсивом*.

В качестве приложений приводятся два небольших текста, имеющих непосредственное отношение к содержанию рукописи: сведения о брачных отношениях и список воршудов-родов д. Большой Качак.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Wichmann Y.* Tietoja Birskin votjaakkien (Ufan kuv.) tavoista, uskonn. menoista y.m. // Suomalais-Ugrilainen Seuran Tutkimusarkisto: kotelo 727. Wichmann Y. Udmurttilaisaineistoa.

2. *Садиков Р.Р.* Поселения и жилища закамских удмуртов (материальный и духовный аспекты). – Уфа, 2001.

3. *Загребин А.Е.* Финны об удмуртах. Финские исследователи этнографии удмуртов XIX – первой половины XX в. – Ижевск, 1999.

4. *Holmberg U.* Permalaisten uskonto. – Porvoo, 1914

5. *Wotjakischer Wortschatz.* Aufgezeichnet von Yrjö Wichmann. Bearbeitet von T. E. Uotila und Mikko Korhonen. Herausgegeben von Mikko Korhonen. – Helsinki, 1987.

6. II. Spraichwörter, ratsel, märchen, sagen und erzählungen. – Helsingfors, 1901.

7. Wotjakische sprachproben. Herausgegeben von Yrjö Wichmann. – Helsingfors, 1901.

8. Wotjakische Chrestomatie mit Glossar von Yrjö Wichmann. – Turku, 1954.

9. *Wichmann Y.* Kielennaytteita Ufan alueelta // Suomalais-Ugrilaisen Seuran Tutkimusarkisto: kotelo 726. Wichmann Y. Udmurttilaisaineistoa.

10. Museovirasto: kuva-arkisto. SUK 905.

11. *Wichmann Y.* Tietoja votjaakkien mytologiiasta // Vähäisia kirjelmia. XVII. – Helsinki, 1892.

12. *Чуч Ш.* Письма Юрьё Вихманна с удмуртских земель // Пермистика 2: Вихманн и пермская филология. – Ижевск, 1990.

13. Российский государственный архив древних актов. Ф.350. Оп.2. Д.3790.

14. Список населенных мест по сведениям 1870 года. Т. XLV. Уфимская губерния. – Спб., 1877.

Ranus Sadikov, Kirsi Mäkelä

Y. WICHMANN'S MANUSCRIPT ABOUT RELIGIOUS BELIEVES AND RITES OF KAMA UDMURTS AS AN IMPORTANT HISTORICAL SOURCE

Publication is devoted to the history of creation manuscript of Finnish linguist Y. Wichmann «Information about customs and religious rites of Birsk Udmurts (Ufa region)» and its publications for general readers at present time. This manuscript is an important source on spiritual culture of Udmurts in the end of XIX century, so as it represents real events which the author saw himself. Udmurts let the author to attend at rites; they thought that he was sent by tsar. Manuscript has description of different religious rites and customs of Udmurts in Kachak village. The author gives descriptions of funeral and remembering rites and also researcher gives characteristics to some characters of Udmurt mythology. The manuscript has never published but Finnish and Russian scientists made use of its information. The author translated the manuscript into Russia and they saved all Y. Wichmann's notes.

Вихманн Юрьё

СВЕДЕНИЯ ОБ ОБЫЧАЯХ И РЕЛИГИОЗНЫХ ОБРЯДАХ БИРСКИХ УДМУРТОВ (УФИМСКАЯ ГУБЕРНИЯ)

л.1.

Записаны в деревне Большой Качак, летом 1894 [года].

(деревня Большой Качак, Киебаковской волости, Бирского уезда, Уфимской губернии[1]).

л.2(1).

Куала. В каждом дворе есть куала, которая используется как летнее помещение для приготовления и употребления пищи и также в качестве святилища. Молятся только в быдрым-куала (большой куале), которая располагается во дворе «старейшины» воршуда-рода[2]. В деревне Б. Качак есть 5 разных куала[3]. Согласно словам старшины, в большой куале в середине задней стены есть доска, полка, на которой находятся ветки березы (их можно брать где угодно в лесу и их обновляют 2 раза в год, значит во время двух определенных к[уала]-пырон). Во время жертвоприношения на ветки кладут в качестве жертвы мясо, хлеб, пиво и пр[4]. Жертвоприношение в большой куале совершает владелец большой куалы. Жертвоприношения два раза в году, летом (2/VII 94) и осенью (завершив осенние работы)[5]. В Качаке[6] 5 куала, 4 из них выделились из 1-ой, т.к. деревня очень большая. 5-ая принадлежит роду, который переселился в деревню позднее./

л.3 (2)

Луд. В Б. Качаке два огороженных луда[7], где жертвуют два раза в год, летом и зимой (жеребенок, баран, гуси)[8]. Внутрь ограждения могут входить только луд-утись[9] и два его помощника (название?). Должность хозяина луда наследственная, переходит к старшему сыну. Если нет наследника, должность переходит к одному из двух (как это определить?) помощников. «Заведующий» в луде не имеет должностей на других жертвоприношениях.» Если гадатель говорит, что болезнь исходит от луда, непременно жертвуют для луда жеребенка. Больной после выздоровления идет с луд-утисем в луд, где совершают жертвоприношение. У каждого домохозяина на чердаке хранится лыковый недоуздок для жеребят, куда (продолжение на странице 25) /

---

[1] *Предложение написано автором кириллицей.*

[2] *Строка зачеркнута автором.*

[3] *Первоначальная формулировка строки:* «В деревне Б. Качак десяток разных родов и каждый род имеет свою быдрым куалу».

[4] *На левом развороте:* «Женщины? Да».

[5] *Первоначальная формулировка:* «... два раза в году: осенью и весной». *Название деревни написано кириллицей.*

[7] *На левом развороте:* «Другой луд принадлежит 12 домохозяевам разного рода».

[8] *Первоначальная формулировка:* «... огороженный, общий для всей деревни луд ...».

[9] *Первоначально* «луд-кузё».

л.4 (25)

(Луд). (Продолжение страницы 2).

завязаны старая 5-копеечная серебряная монета и белый лоскут холста. Этот лоскут как бы хранитель здоровья дома. Если он потеряется, необходимо сразу жертвовать для луда жеребенка. Если потеряется монетка, надо завязать новую (дома пекут блины)[10].

Прежде чем идти в луд жертвовать, всегда надо сходить в баню.

Внутри ограды нет своего огня[11]. Кости вешают всегда на дерево[12].

На молениях в луде не молятся Иммару, а только духу луда, который – злой и насылающий болезни.

Когда обветшает старая ограда, делают новую, которую специально освящают. Жертвуют жеребенка./

л. 5 (26)

6 июля здесь было совершено освящение ограды. Тогда когда узнают от туно о цвете жеребенка и находят такого, луд-утись с помощниками, которых кажется четверо, идут к месту жертвоприношения, где закалывают [жертву] и варят мясо. Когда все готово для жертвоприношения, мужское население деревни собирается в жертвенной роще. Ограда примерно 60 шагов в длину и 30 шагов в ширину. Внутри растут 4 березы, по крайней мере, 1 липа[13], другие – дубы. Хвойных нет. Во время молитвы жрец стоял у одной березы (в центре). Столов, лавок и тому подобного не видно[14]. Между деревьями повсюду растет высокая трава. Роща находится на южном покатом склоне холма. В роще одна узкая калитка на восточной стороне. При молитве жрец (продолжение на странице 30) /

л. 6 (30)

спиной обращен к воротам, значит на восток, и лицом на запад. Когда собрался народ, жрец обернул голову белым холстом (вся одежда совершенно белая) и вошел с чашкой с мясом в рощу, встал у березы, расположенной в центре. У калитки снаружи ограды находились два больших котла, около них – сооружение из березы[15]; между котлами и оградой – пустая посуда участников жертвоприношения. Когда молятся в первый раз, жрец и также помощники стоят (снаружи), из которых

---

[10] На левом развороте: «Когда жертвуют гуся? Когда один больной пожертвовал в луде жеребенка, через некоторое время в луде (с жрецом луда) [принесли в жертву] пару гусей; потом где-то в лесу у водоема – пару [гусей] и потом (например, через 3 года) – одного. Это все».

[11] *На левом развороте: «Утись берет с собой горящую головешку, на которой внутри ограды сжигают жертву».*

[12] *На левом развороте: «Куда кости барана? Тоже на дерево».*

[13] *Слово написано кириллицей.*

[14] *На левом развороте: «Внимание! Есть похожий на доску стол без ножек у березы, которую, как я заметил, жрец во время молитвы поставил на землю, закончив – опять прислонил к березе».*

[15] *Здесь имеется в виду сооружение из двух воткнутых в землю стволов березок, поперек которых сверху горизонтально укладывается еще один ствол. Непременный атрибут жертвоприношений удмуртов.*

двое держат на палочке корзину с костями и мясом, другие держат лепешки[16]. Народ на коленях. Каждый раз, когда говорят «аминь», около 8 раз, все кланяются. Когда завершилась первая молитва, начали отделять мясо от костей (помощники); прежде чем связать кости веревками, [дали] их /

л. 7(31)

молодежи, которая, соревнуясь, грызла их; потом все кости связали одной лыковой веревкой и с помощью двух жердей повесили на дерево для костей, на котором их было уже множество[17]. Жерди оставляют внутри ограды. Потом

идут делить для каждого мясо, кашу и лепешки[18]. Затем каждый берет свою чашу, покрывает полотенцем и начинается вторая молитва. Сейчас все на коленях, жрец тоже. Это все.

Каждый из дома приносит для каши крупу. Лепешки[19] пекут два специальных пекаря (мужчины), для чего накануне собирали по домам муку. Затем пекут в пятницу утром.

Для покупки жертвенного животного с каждого дома собрали по 6 копеек. Шкуру продали (при жертвоприношении барана обычно шкура остается тому, у кого купили).

13 июля состоялось другое обычное ежегодное жертвоприношение в луде. Принесли в жертву барана. /

л. 8 (32)

Тогда молились только один раз. Все остальное также[20].

В перерыве – борьба.

Старую ограду можно использовать только для жертвенных потребностей.

Недалеко находится одна деревня, где нет луда.

л. 9 (3)

Общее жертвоприношение 4 деревень мер-вöсь в Б. Качаке [проводится] в поле, и [место проведения] ежегодно меняется. Одно – огорожено, другое – нет (говорят, что должно быть [огорожено]). В понедельник 2 июля, в первый день праздника, начал собираться народ и гости. В полдень жрецы каждой деревни и помощники из этой деревни числом 4 с жертвенными животными идут на место жертвоприношения, где закалывают животных[21]. Перед этим обливают их спины водой, если они вздрогнут, значит жертвы пригодны. Кровь жертвенных животных сливают в специально вырытую ямку[22], куда также бросают кости животных. Жертвенные животные: пара гусей, овца, корова, лошадь[23] и баран[24]. В первый день народ не идет на место жертвоприношения, (продолжение на странице 14) /

---

[16] *На молениях в луде используют лепешки из пресного теста – куарнянъ.*

[17] *На левом развороте:* «Недоуздок? На черен».

[18] *Слово написано кириллицей.*

[19] *Слово написано кириллицей.*

[20] *На левом развороте:* «Куда кости? На дерево».

[21] *На левом развороте:* «Закалывают сразу, одним ударом? Да, это грех если мучать [животное]».

[22] *На левом развороте:* «Для разных животных разные ямки? Одна общая».

[23] *Над строчкой:* «Молодая или старая».

[24] *На левом развороте.* «Закалывают тоже в такой последовательности? В этой. Цвет жертвенных животных всегда определяет ту ночи».

л. 10(14)

(продолжение страницы 3)

только жрецы с помощниками занимаются закалыванием, промывкой и варкой мяса. Это продолжается целую ночь, и только на следующий день зазывают народ.

В первый день около 4-х часов после полудня каждый домохозяин со своим семейством идет в куалу, где он жертвует 2 части мяса и 4 части пива, молится о [ниспослании] сил для предстоящих летних работ (сенокос, жатва и др)[25]. После этого деревенский народ собирается в большую куалу, где совершают такие же жертвенные обряды. На следующий день около 11 часов два всадника, одетые в белое, разъезжая по деревне верхом на конях, зазывали людей на жертвенное место[26]. Через два часа мало-помалу народ начал собираться на месте жертвоприношения, которое находится в 1 версте, /

л. 11(15)

кто пешком, кто на лошадях. Жертвенное место находится на высоком пригорке в старой речной долине. Спереди – луг, сзади – ржаное поле. Говорят, что место должно быть огороженным, хотя не известно по какой причине об этом сейчас не позаботились. Крайний угол пригорка все же имел временное ограждение, куда могли входить только жрецы с помощниками. Участвовало на празднике 4 деревни, но жрецов было 5, т.к. в этой большой деревне 2 жреца. Жертвенных животных тоже 5. На огороженном месте дымилось 5 котлов, /

л. 12(16)

[расположенных] по ряду, в парах саженей друг от друга. 1 котел и один жрец для каждого жертвенного животного. Около каждого котла с обеих сторон были воткнуты две молодые березы, которые соединены поперечиной[27]. Серию молитв начал жрец слева, жертвуя мясо гуся[28]. Во время молитвы жрецы стоят на круче пригорка, обратившись на восток; каждый перед своим котлом; помощники на коленях кланяются за котлами (варящие бульон все равно сидят у своих котлов); за ними за оградой длинными рядами – мужчины на коленях[29], за ними их жены. В начале /

л. 13 (17)

принимает участие только народ из одной деревни. [Когда] одно селение молится, другие собираются в сторонке на борьбу, которая происходит в точности по правилам татарского обычая. Жрец читает молитвы бойко, громким голосом. Время от времени он кланяется, касаясь чашкой с жертвенным мясом земли, и кричит «аминь». Ставший на колени народ следует его примеру и прикасается лбом к

---

[25] *На левом развороте:* «Внимание. Молитвы!». *Видимо автор хотел записать текст молитвы.*

[26] *На левом развороте:* «Слова? Вӧсе мынэд ини!». *Фраза на удмуртском языке: «На жертвоприношение идите уже!».*

[27] *Рядом нарисован рисунок:* Н

[28] *На левом развороте:* «У жрецов головы повязаны полотенцем».

[29] *На левом развороте:* «Шляпы сняты».

земле, в это же время протяжно и серьезно повторяет «аминиинь»[30]. Когда все жрецы деревни помолились в свою очередь – /

л. 14(18)

небольшой перерыв, после которого жрецы созывают народ «на бульон». Тогда все мужчины подбежали к котлам и взяли свой кусочек мяса, чтобы унести домой и съесть[31]. После этого вся большая толпа народа собирается на общую молитву, сами жрецы тоже становятся на колени. Завершив моление, все сразу уходят обратно в деревню[32].

Когда возвращаются домой, пьют дома со своими гостями чай, после чего собираются смотреть конные скачки, где есть участники из каждой деревни. Были 2 состязания, на длинную и короткую дистанции, 1) туда и обратно, 1 миля, 2) ½ мили. 2 первых прискакавших к [полевым] воротам деревни /

л. 15(19)

получают в качестве награды вышитые полотенца, которые приносят последние вышедшие замуж [девушки][33]. Также было соревнование в беге, где участвовали взрослые мужчины. Награда: полотенце и часть (10 копеек) жертвенных денег.

Потом весь вечер деревенский народ празднует, пьет и веселится, кто дома, кто в кабаке. На следующий день, значит на третий день праздника, молодежь, девушки и парни, ходили из дома в дом и танцевали. Только утром четвертого дня приглашенные гости уезжают домой.

л. 16(4)

Тӧр. Участвует только на свадьбах в должности «отца» жениха; дает свое благословение, молится об успехе. Его выбирает сам жених, лучше из родственников. /

л. 17(5)

Родовые праздники.

Эльын-вӧсь совершают ежегодно по очереди в трех деревнях: Старом Варяже, Алтаево, Карге[34] (Кечтака). Туда собираются все бирские вотяки, значит из 32 деревень, даже [те, которые] недалеко от Уфы. В этом году провели в Старом Варяже[35]. Праздник длится 2 дня. Жертвенных животных 9 (для каждого животного свой «поп» (из окрестностей)): 2 лошади, 2 коровы, овца, 2 барана, 2 гуся. Когда в вышеупомянутых деревнях, например, в Варяже не проводят эльын-вӧсь, то со-

---

[30] *На левом развороте:* «Когда мясо в огонь [бросают]? Когда народ поднялся с колен, тогда жрецы пошли к огню и бросили туда масло, кашу и мясо, прося, чтобы [Бог] хорошо принял жертву».

[31] *На левом развороте:* «Другую еду тоже? Мясо, каша и масло. Если окажется кость, хотя бы маленький кусочек, надо либо принести обратно в ямку, либо бросить дома в огонь».

[32] *На левом развороте:* «Что делают жрецы в конце? Собирают принадлежности и уходят».

[33] *На левом развороте:* «Во время ожидания молодежь танцует на лугу».

[34] *Названия деревень написаны кириллицей.*

[35] *Название деревни написано кириллицей.*

вершают в том же месте мер-вёось. Также надо заметить, что мер-вёси (значит малые родовые праздники) совершают всегда примерно в то же время (в июне ...), когда [проводят] большой родовой праздник (значит эльын-вёсь), все же в соседних мер-ах не в один и тот же день, что не смогли бы ходить друг к другу на праздник (Другие малые родовые праздники смотри с. 33) /

л. 18(33)

(Другие малые родовые праздники, с. 5, 3 и т.д.).

Кроме мер-вёся в Б. Качаке проводят еще два других жертвенных праздника, которые являются общими для этих же четырех деревень. Один из них Покшур ошмес вёсь[36] (Жертвоприношение на роднике Покшур), другой – Тыпы выр вёсь (Жертвоприношение на дубравном пригорке). Предыдущий проводят каждые три года[37]. Жертвы: пара гусей, лошадь, корова, овца, баран. Место жертвоприношения: красивая роща в долине реки, со смешанным лесом, через которую протекает ручеек Покшур; на другой стороне места жертвоприношения, на склоне холмика долины находится ключ, над которым установлен хороший сруб; вода стекает по деревянному желобу. Отсюда весь Качак берет воду для чая (почти километр). Жертвоприношение было в прошлом году. Сейчас нет. Заметны /

л. 19(34)

только четыре места [для] котлов с березовыми сооружениями и ограда. На деревьях кости.

Тыпывыр вёсь. Каждый третий год. Место – выпуклый склон нивы, покатый к реке. [Только] один дуб, других [деревьев] нет. Будет в этом году. Жертвенные животные такие же. /

л. 20 (6)

Зор-куриськон проводят пару раз летом во время засухи, когда долго не бывает дождя. В этом жертвоприношении главная роль принадлежит женщинам. Сначала они брызгаются водой у реки, толкают друг друга в воду, обливаются из ведер и т.д. Потом идут домой, переодеваются в чистую одежду и возвращаются к реке жертвовать мясо, просо, масло и молоко[38] и молиться Инмару о дожде. Жертвоприношение совершает одна из женщин, знающая обряд.

Молятся Ильин-пророку[39].

«Есте козма бадрр[и] Иммэре, шыд пёзьтыса ми Илья пагамберлэсь зор руаськом. Румес-нянез ыдалтыты, вал. Оминь»[40]. /

---

[36] *На левом развороте:* «Покшур ошмес вцсь не было раньше. Основали по повелению туно, в результате какого-то несчастья». *Слово «туно» читается неясно, возможно другое значение.*

[37] *На левом развороте:* «Также последний. Провели в прошлом году».

[38] *Слова «просо, масло и молоко» написаны кириллицей.*

[39] *Слово «Ильин-пророк» написано кириллицей.*

[40] *Перевод текста молитвы: «Осто козма Великий Инмар, Сварив суп, мы просим у Ильи пророка дождя. Уроди богатый урожай хлеба. Аминь».*

л. 21 (7)

Му-Кылчину[41], «ангел»[42], жертвуют в каждой деревне каждый третий год[43] черного быка на меже[44] и молятся о плодородии земли. Жрец («поп») тот же что и на мер-вӧсь и других [жертвоприношениях] (выборный, не по наследству). (Выбирают тех, кто знает молитвы). Помощники, которые закалывают – партчась, варят бульон – пӧсьтысь и собирают деньги – окты-калтысь. Разжигают огонь. Кости – в специальную ямку. /

л. 22 (8)

Ру-Кылчину жертвуют каждый год весной, отдельно каждая деревня, до весенного сева и молятся об успехе в посеве хлеба. Овца, пара гусей. Огонь. Капш. бульон. Один жрец, два помощника. Женщины тоже. /

л.23(8)[45]

Корка-кузё, домовой. Иногда ему хозяин жертвует черного барана[46]. Жертвоприношение совершают в подполе. Варят бульон. Жертвуют в огонь. Молятся ему (кузё), чтобы место жилища было счастливым. Мясо нельзя давать есть другим, кроме домашних. Тоже насылает болезни. /

л. 24 (9)

Жертоприношение перед весенним севом.

Перед весенним севом каждый домохозяин выходит во двор, но не в куалу, молится о [даровании] сил для предстоящих работ (название: педло потыса куриськон нянен. моление с хлебом во дворе). Огонь не разжигают. Едят в избе.

Завершив посев. жертвуют в куале пиво, хлеб, масло, просо, говядину, щи[47], сначала в огонь. потом на воршудные ветки (название: кидыс-куриськон. моление о семенах). /

л. 25 (10)

Поминки по умершим [проводят] два раза в году, весной сразу после пасхи и осенью. завершив осенние работы. Каждый домохозяин в своем доме. Берестяные чашки у печки; вотские свечи, по одной для каждого поминаемого./

л. 26 (11)

Похороны проводят так же как в Карлыгане[48]. Внимание! Окно в гробу. Режут курицу.

---

[41] *На левом развороте:* «Когда? Срок не определен»; Женщины? Да».

[42] *Слово написано кириллицей.*

[43] *Над строчкой:* «было в 1893 [году]».

[44] *Над строчкой:* «не огорожено».

[45] *На этой странице авторская нумерация сбивается. Он пометил эту страницу цифрой 8, как и предыдущую.*

[46] *На левом развороте:* «По крайней мере каждый год надо один раз обещать жертву (сӟьӹны). Перед всеми жертвоприношениями проводят сӟьиськон».

[47] *Слова «просо, говядину, щи» написаны кириллицей.*

[48] *Здесь имеется в виду д. Большой Карлыган Уржумского уезда Вятской губернии, где Ю.Вихманн в 1891 г. проводил свои полевые исследования.*

У могилы жертвуют еще хлеб и яйца. Там тоже свеча.

Сани оставляют опрокинутыми у могилы. Участники похорон позже свою одежду выкидывают[49].

Курицу режут в углу двора на стороне кладбища, прежде чем вынесут труп. Заносят в избу. Потом труп [выносят] наружу. Курицу варят. Позже едят. Если не жертвовать курицу, то заболеет скот.

Чашки, которые были у печи после поминок бросают у [полевых] ворот, ведущих на деревенское кладбище. Едят собаки. У гром чашки забирают обратно. /

л. 27 (12)

Тӧл-пери = дух ветра, злой дух. Ему летом в селении жертвуют овцу[50]. Определенного времени нет. Проводят по необходимости на хлебном поле. Жрец тот же, что и на мер-вӧсь. /

л. 28 (13)

Тол-руон, зимний праздник, проводят в середине декабря дома, в семейной куале. Молитва: до этого жили хорошо, с хлебом, пусть Иммар даст хлеба до нового урожая.

л. 29 (21)

Мудор-вӧсь (жертвоприношение болезни): (1)урыс-м[удор]; 2) сэрег-м[удор]). В случае нарыва надо жертвовать козла (мужчинам) или козленка, самку (женщинам), в специальном месте где растет липа[51]. Одно общее место для всей деревни. Каждый жертвует в случае болезни. Ночью. Для злого духа болезни «Мудор-кутэм»[52]. Нарыв надо помазать медом и также принести на жертвенное место. Там закалывают животное, мясо варят, кости (и мед) бросают на землю. В случае, когда не могут сразу принести в жертву козла, обещают (сьзем) с мясом и т.п. принести жертву позже. Жертву вешают на ветви липы.

л. 30 (22)

Курег-вӧсь (жертвоприношение курицы; жертвоприношение болезни). Ночью. Об этом никто не должен знать. Мясо едят. Дома.

л. 31 (23)

Сьӧд-тур вӧсь (жертвоприношение черного тетерева; жертвоприношение болезни) жертвоприношение в куале. Каждый 1 раз в жизни приносит его в жертву для куала-кузё, значит для вошшуда[53], сначала в доме родителей, потом в своем. Если не будет жертвовать – заболеет. Если ее успеет, надо обещать (пизь сьзьыны кулэ[54]) мукой; вешают в белом мешочке на шест рядом с в[орпуд]ной [доской]. /

---

[49] *Вероятно, ту, в которой были на похоронах. Данный факт не подтверждается другими источниками. Возможно, автор не правильно понял слова информаторов. Обычно выкидывают одежду покойного, в которой он умер.*

[50] *На левом развороте:* «Женщины? Могут».

[51] *Слово написано кириллицей. Рядом написано шведское слово «lind» – «липа».*

[52] *Удмуртская фраза: «Схватил Мудор».*

[53] *Здесь Ю.Вихманн приводит диалектную форму этого слова.*

[54] *Удмуртская фраза: «Мукой обещать надо».*

л. 32 (24)

Жрецы. Каждый домохозяин – семейный жрец в своей куале. Жрец большой куалы конечно тот, во дворе которого большая куала находится по праву старшинства.

Для больших земледельческих и родовых жертвоприношений здесь два специальных жреца («поп»), значит произносящих молитвы. У них есть помощники по необходимости: мясники, повара, собиратели денег и т.д.

Жрец луда (луд-кузё) – другой мужчина, должность которого наследственная. На других жертвоприношениях он не может ничего делать.

У прорицателя (туно), которым может быть и мужчина и женщина /

л. 33 (25)

нет другого занятия на жертвоприношении, как определять цвет жертвенного животного. Также в случае болезни прорицатель говорит кому что надо жертвовать. Прорицатели обычно из бедного народа и живут этой должностью.

Пеляськись – целитель, не тоже, что туно: ведон – вредный.

Туно обычно посредник между людьми и богами, Он угадывает гнев богов и что и когда надо жертвовать. /

л. 34 (28)

Ву-мурту[55] (также ву-пэри) жертвуют яйца, если, например, упадут в воду и заболеют. /

л. 35 (29)

Нюлэс-мурту[56] (также н[юлэс]-пэри) жертвуют в дупло дерева, в кустарник или вообще в потайное место в лесу мясо, если, например, испугаются в лесу или [когда] думают, что получили болезнь из леса. /

л. 36 (30)

Сюрес-пэри[57]. Жертвуют перед поездкой соль, которую бросают на ветер: «Ешь это, не меня!». /

л. 37 (36)

Виль тыл (новый огонь) – жертвоприношение (жертвоприношение собаки для «нового огня»), по слухам сохранилось в Ст[аром] Варяже[58]. (Новый огонь добывают трением клена[59]; у полевых ворот разжигают костер из соломы, прыгают через него; выкапывают ямку, туда кладут солому; убивают собаку, бросают в ямку и сжигают вместе с соломой и закапывают. См.: заметку Г.А. Аптиева в Изв[естиях] Общ[ества] и т.д. 1891, вып. 3[60]). Здесь только добывают трением огонь и это бывает только тогда, когда [случается] плохой год; жертвоприношения

---

[55] *Водяной.*

[56] *Леший.*

[57] *Дух дороги.*

[58] *Название деревни написано кириллицей.*

[59] *Слово «клен» написано кириллицей, рядом – немецкое слово «ahorn» – «клен».*

[60] *Аптиев Г. А. Из религиозных обычаев вотяков Уфимской губернии, Бирского уезда // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете. Т. IX. вып. 3. Казань, 1891. С. 1–2.*

собаки нет. Старый огонь дома везде тушат (так как в Ст[аром] В[аряже]) и используют новый. /

л. 38 (37)

Ауа-вӧсь (моление на меже); жертвоприношение во время первого сева весной; Каждый хозяин отдельно. Сначала закапывают яйцо в землю; кроме того десяток [их] «сеют» по поверхности. Дети собирают, потом молятся и яйца съедают. /

л. 39 (38)

Ыж вӧсь каждой весной на ржаном участке; 2 овцы. (черная и белая).Обычные жрецы. /

л. 40 (39)

Роды. Когда рождается ребенок, варят кашу и обещают: «ми ветлӥсь-мынӥсь чиж»[61] и дают имя. Позднее жертвуют и молятся о счастье. /

л. 41 (40)

Умершим. Каждый третий год для умерших [жертвуют] черного быка (было в прошлом году) в одном лугу, где [растет] липа[62]. Летом в июне, до летних работ. Женщины тоже [участвуют]. Все мясо съедают там (кашу и бульон тоже). Кости - в ямку. /

л. 42 (41)

Пасхальная неделя.

За неделю собирают ветки рябины и ели в лесу и приносят домой, кладут на окна, стены, ворота, чтобы не вошли злые духи.

За три дня до пасхи дети сначала играют на гумне[63] и приносят домой солому, которую разжигают во дворе и все прыгают через [костер], чтобы очиститься от ходящих вокруг злых духов. /

л. 43(42)

Му-Кылчину каждый домохозяин тоже один раз в жизни в какой-нибудь части своего поля [жертвует] белого и черного барана (каждого отдельно), чтобы было «счастье» для роста хлеба, значит чтобы М[у]-К[ылчин] ходил бы по полю. /

Приложение 1.

л. 1

Разные записи[64].

Женитьба.

У бирских вотяков еще встречается умыкание женщин. Для здешних черемис это обычно. Девушке нельзя выходить замуж за члена своего рода. Мужчины меняют женщин как предмет торговли. Если мужчина пресыщатся женой, [он ее] прогоняет, но требует половину выкупа (из калыма, из рыр-дун-а) обратно и берет

---

[61] *Удмуртская фраза: «мы идущую-ходящую утку», Фраза неясная. Вероятно, они обещают (сьзё) в честь рождения ребенка принести в жертву утку.*

[62] *Слово «липа» написано кириллицей.*

[63] *Слово «гумно» написано кириллицей.*

[64] *Текст был записан автором на обратной стороне тетради.*

лучшее. Бывшая жена вскоре выходит замуж. Если есть дети, тогда мальчики остаются у отца, девочки следуют за мамой. Наш сосед взял недавно свою 3-ю жену.

л. 2

Полигамия не встречается.

Приложение 2.

л.1

Следующие роды имеются в Б[ольшом] Качаке[65].

Можга
Чудьра
Пилька
Жыгра
Чудьня
Бёдья
Пельга
Бигра
Какся
Румня
Сьамня
Гюска
Уддра. 13.

---

[65] *Текст написан на небольшом отдельном листочке, вложенном в тетрадь. Название деревни написано кириллицей.*

Перевод с финского К. Мякеля, Р. Садиков.

«Финно-угроведение», 2008, № 1

Надежда Большова
Екатерина Курочкина
Йошкар-Ола

ЭТНООПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОБРАЗЫ В МАРИЙСКОЙ ОБРЯДОВОЙ ВЫШИВКЕ
(по этнографическим коллекциям Национального музея РМЭ)

Марийская традиционная вышивка – один из важных элементов культуры этноса. Для нее характерны различные орнаментальные мотивы, сюжеты. В данной статье выделяются наиболее характерные образы обрядового марийского орнаментального искусства.

Исследование проводилось на основе образцов орнамента и народного костюма (XIX–XX вв.), хранящихся в фондах Национального музея Республики Марий Эл. Изучены не все стороны орнамента, а только те, которые отличаются относительной устойчивостью. Рассмотрены те образцы орнамента, в которых четко проявляются реалистические или стилизованные изображения и производные от них формы, еще сохранившие свою связь с исходными мотивами (орнаментальные серии зооморфного характера). Не рассматривались те образцы, орнамент которых был полностью геометрическим.

Определенную трудность в изучении орнамента представляет изменение его мотивов: они усложняются или упрощаются, утрачивают одни черты и приобретают другие. Старые формы какого-либо орнаментального мотива воспроизводятся наряду с новыми формами (птица-конь). Орнамент – это не застывшее в своих формах явление, он имеет свою историю, связанную с культурой того народа, к которой он принадлежит. Но как восстановить эту историю, если ранние памятники орнамента не сохранились? Для этнографа реально ощутимыми остаются только пространственное распределение материала и его современное состояние.

Орнамент на марийской обрядовой одежде почти не рассматривался как исторический источник, тогда как стойкость форм и стиля орнамента позволяет установить культурные связи народа даже в том случае, если в настоящее время часть народа проживает на другой территории (группа восточных мари). Исследование орнамента (особенно этноопределяющих образов) необходимо для решения важной этнографической задачи – изучения формирования народа и его исторической судьбы.

В орнаменте прослеживается также и общность, указывающая на родственную культурную связь народов, или, наоборот, значительные различия, которые свидетельствуют об отсутствии генетических связей. Но прежде чем стать историческим источником, орнамент должен быть подвергнут анализу и классификации.

В своем исследовании мы не касаемся технических приемов исполнения орнамента, типов орнамента и орнаментальных комплексов, а рассматриваем семантику, особенности сюжетов и композиционных приемов. В рассмотренных образцах орнамента учитывался и характер его размещения на предметах обрядовой одежды мари: будучи довольно устойчивым признаком, он позволяет выявить семантику орнамента.

Анализ орнаментальных сюжетов зооморфного характера позволяет выделить **основные этноопределяющие образы**. В обрядовой вышивке женской одежды, которая является чрезвычайно консервативной, отражаются культовые представления народа. Именно в ней сохраняются наиболее архаичные мифологические образы: птицы, лося-оленя и медведя.

Образ водоплавающей птицы – один из наиболее устойчивых образов в мировоззренческой модели мари. Появившись несколько тысячелетий назад, он доживает до наших дней (в поздних этнографических материалах, в частности, в вышивке) и является этноопределяющим признаком народа.

Изображение птицы в марийской вышивке передается следующими формами:

1) достаточно реалистичное изображение птицы;

2) птицы-олени и птицы-кони;

3) символические, схематические изображения птиц.

Орнаментальные сюжеты, связанные с водоплавающей птицей можно подразделить на четыре группы:

Рис. 1. Нагрудная вышивка свадебной обрядовой рубахи луговых мари Царевококшайского уезда Казанской губернии. Вторая половина XIX века.
Холст, шерсть.
Из фондов НМ РМЭ им. Т. Евсеева.
Фото Е.В. Курочкиной

1 группа – сюжеты, в которых птица выступает в роли Небесной птицы – создательницы земли. Такие сюжеты часто встречаются в нагрудных вышивках праздничо-обрядовых рубах конца XIX века луговых мари Царевококшайского уезда Казанской губернии (рис. 1). Нагрудная вышивка олицетворяет собой верхний мир в вертикальной структуре вышивки рубахи. Не случайно Небесные птицы как птицы верхнего мира появляются именно в нагрудной вышивке. О небесном их характере говорит и то, что они большого размера.

Образ небесных птиц-гворцов встречается и в вышивке свадебного покрывала невесты «вӱргенчык».

2 группа – сюжеты, в которых передается воспроизводящая, плодородная сила птиц. Изображения птиц, сидящих, на гнезде, на вершине

Мирового столба или дерева, встречаются на свадебных рубахах, платках и покрывалах невесты. Существовала традиция ношения женщиной в течение года после свадьбы свадебного платка с таким узором до рождения первенца, а в случае бесплодия в течение трех лет (1, с. 65).

В сюжетах 3 группы птица выступает как посланник Неба, посредник между верхним и средним мирами. В головных платках «вуйпидыш» второй половины XIX века центральной группы луговых мари птицы с поднятыми крыльями вышиты по верху основной орнаментальной полосы и связывают её с белым полем холста, символом Неба. Эта же тема водоплавающей птицы, в роли посредника между мирами отражается и в вышивках женских головных уборов «сорока» первой четверти XX века луговых мари Нижегородской губернии. Особенно интересен сюжет вышивки позатыльня «сороки» в виде узкой горизонтальной полосы. Орнаментальная полоса разделена на два яруса (верхний и нижний) изображениями плывущих пар птиц в зеркальном отражении (птицы верхнего и нижнего мира). В вышивке на некоторых головных уборах оленьи рога продолжают хвост нижней птицы.

Вышивка водоплавающей птицы в основном встречается на женской одежде, как символ женского начала, воспроизводства. На вышивке мужских рубах уральских мари, предназначенных для моления, птица выступает как посредник у основания Древа Плодородия в качестве жертвенной птицы.

Сюжеты 4 группы связаны с постепенной заменой статуса Небесной птицы-творца на изображение лося-оленя, а позднее на геометрический знак-символ. Например, на нагрудной вышивке женской празднично-обрядовой рубахи конца XIX века центральной группы луговых мари место небесных птиц-творцов заменяют фигуры четырех коней, образующие стороны ромба (рис. 2). А изображения птиц меньше размером, чем изображения коней, переносятся в декоративную кайму.

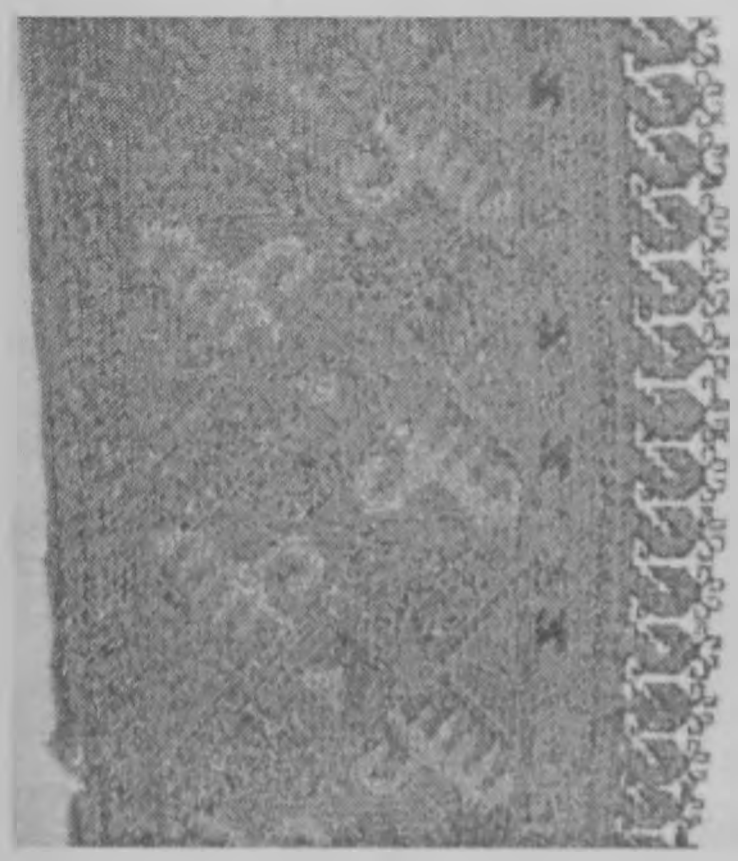

Рис. 2. Нагрудная вышивка свадебной обрядовой рубахи луговых мари Казанской губернии. Вторая половина XIX века.
Холст, шерсть.
Из фондов НМ РМЭ
им. Т. Евсеева.
Фото Е.В. Курочкиной

Таким образом, постепенно идет процесс медленной трансформации реалистичных образов в религиозно-культовые символы. До определенной стадии развития вышивки архаичные и более развитые формы орнамента сосуществуют. Заимствование символов, возникающих в иной этнической среде, является показателем изменения мировоззренческой системы и духовной ситуации в обществе.

Образ водоплавающей птицы – это, прежде всего, женский образ. Этим объясняется присутствие изображений утки и лебедя почти исключительно в вышивке женской одежды. С построени-

ем мифологической картины мира утке отводится роль устроителя этого мира, создателя вселенной, с образом птицы связывают и переселение души умершего. А с появлением трихотомической модели мира (нижний, средний и верхний миры), ей отводится роль посредника между мирами.

Орнаментальные сюжеты, связанные с лосем-оленем, сохранились в основном в вышивке женских головных уборов и единично на других предметах женской обрядовой одежды. Для территории Марийского Поволжья не характерно четкое разделение изображений лося и оленя. Эта особенность наблюдается также и в вышивке. Видовые отличия этих животных не всегда четко определяются. Поэтому есть основания объединить изображения этих животных и говорить об образе лося-оленя в целом. Интересно, что в некоторых районах республики (Волжский, Звениговский, Советский) лося называют «шордо пӱчӧ, шарды пӱчы» – «лосиный олень» (2, с. 17). Сюжеты с лосем-оленем условно делятся на четыре группы:

В 1 группе сюжетов лось-олень выступает в качестве небесного жителя, к которому применим эпитет «юмын», т.е. «небожитель». К таковым сюжетам относятся орнаментальные композиции женских головных уборов луговых мари «нашмак» (Звениговский район РМЭ, середина XIX века) и «шарпан» (Моркинский район РМЭ, вторая половина XIX века) Орнаментальная композиция состоит из серии парных фигур лосей-оленей, стоящих по сторонам Мирового древа и обращенных друг к другу. Фигуры лосей-оленей и Мирового древа равнозначны по величине и могут отражать две модели понимания основ мироздания: мужскую (лоси-олени) и женскую (древо). Т.А. Крюкова приводит обычай включения в свадебный «нашмак» (головную повязку) невесты двух орнаментальных мотивов жениха и невесты. Такая головная повязка называлась «йцре нашмак» (смешанный нашмак) (1, с. 63).

2 группа сюжетов связана с иной природой лося-оленя – как животного среднего мира (земли). Наиболее ярко это демонстрирует вышивка свадебного платка «сяан солык» середины XIX века восточных мари Уфимской губернии. Четырехугольный платок из белого домоткаого холста орнаментирован бордюрной вышивкой по краям платка и четырьмя ассимметричными розетками с оригинальными сюжетами. Рассмотрим вышивку бордюрной композиции двух смежных полос платка, которая состоит из серии антропоморфных изображений: Богини рождающей, расположенной антиподально, т.е. ориентированной головой к небу и в противоположную сторону. В чреве Богини рождающей черным, красным и зеленым цветом (снизу вверх) обозначены три яруса. У подножия богини располагается пара обращенных к ней лосей-оленей меньшего размера, что, вероятно, свидетельствует о природе лося-оленя как животного среднего мира и посредника между мирами.

К 3 группе относятся сюжеты, где в одной фигуре соединены два равнозначных образа: лося-оленя и коня (мифологические существа полуолени-полукони). Особенно многочисленны они на вышивках женских головных уборов «сорока» второй половины XIX века луговых мари Казанской и Нижегородской

губерний. На коня были перенесены культово-мифологические представления о лосе-олене. В вышивке мифологических существ полуоленей-полуконей прослеживается этап, когда еще не произошла полная трансформация образа лося-оленя в образ коня, как функционально равнозначного. В данном случае прослеживается двойственность образа как земного, так и небесного (в вышивке очелий головных уборов «сорока» – небесного, в вышивке позатыльней – земного).

Если в описанных выше трех группах сюжетов фигура лося-оленя реалистична и читается четко, то **в 4 группе эта фигура передается сильно геометризированным знаком-символом. Эта группа включает изображение лося-оленя, задняя часть которого обозначена спиралью или свастикой**. Согнутые ноги передают динамику бегущего оленя. Такое изображение встречается на обрядовых поясах «ӱштӧ» второй половины XIX – начала XX веков уральских мари. Фигуры бегущих оленей проходят по центру красного фона пояса и выполнены желтыми нитками.

Изображения бегущих оленей встречаются и в бордюрной вышивке женских платков «вуйпидыш» второй половины XIX века луговых мари Казанской губернии (рис. 3). Здесь изображения лосей-оленей сочетаются с изображениями парных водоплавающих птиц, расположенных сверху и снизу между фигурами лосей-оленей и носящих соподчиненный характер.

Фигуру бегущего оленя нельзя отождествлять с солнцем, он только переносит солнце и является в ранних культовых традициях существом мужского пола (3, с. 40). Тогда как образ водоплавающей птицы связан с женским началом. В вышивке так называемого бегущего оленя выражена идея двойственности, идея о том, что эти существа могут пребывать и в земной (рога оленя в виде веток) и в небесной сферах (спираль, свастика).

Рис. 3. Вышивка бордюра головного платка «вуйпидыш» луговых мари Казанской губернии. Вторая половина XIX века.
Холст, шерсть. Из фондов НМ РМЭ им. Т. Евсеева.
Фото Е.В. Курочкиной

Появление культа коня произошло раньше, чем отошел в прошлое культ лося-оленя, о чем свидетельствуют общие черты этих культов. Можно согласиться с мнением исследователей, что конь является преемником

лося и оленя в мифологических представлениях и в народном изобразительном искусстве (4, с. 103).

В марийской вышивке **образ медведя** встречается крайне редко. Пожалуй, наиболее достоверное изображение фигуры медведя известно лишь на женском платке «вуйпидыш» конца XIX века луговых мари Царевококшайского уезда Казанской губернии (рис. 4). Узор основной орнаментальной полосы бордюрной композиции состоит из повторяющейся трехчастной композиции: двух медведей, обращенных к Небесному столбу «Кава менге». Медведи, обращенные к Небесному столбу, являются символами двух половин года: выделить основные медведь бодрствующий и медведь спящий (3, с. 138, 152).

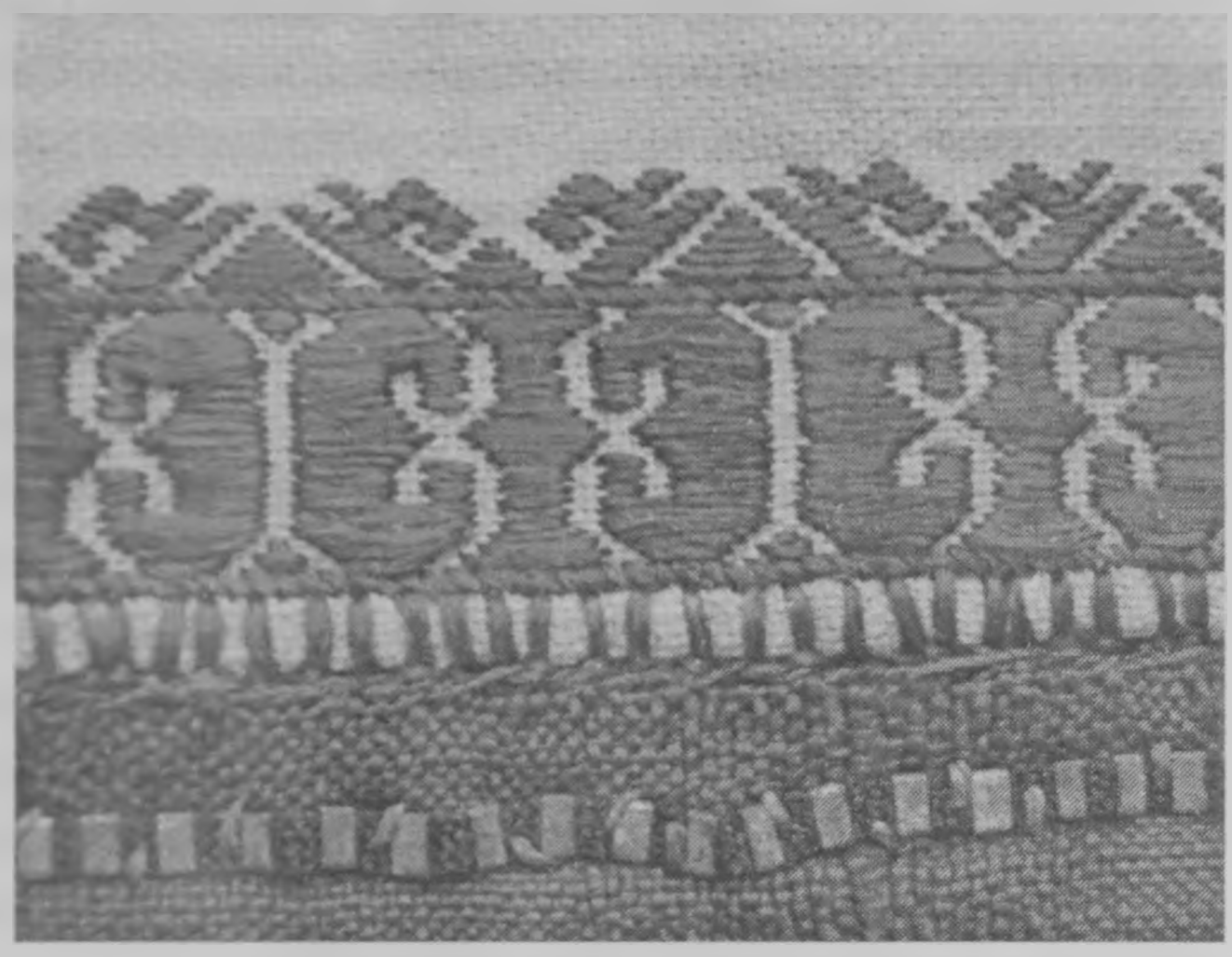

Рис. 4. Вышивка головного платка «вуйпидыш» луговых мари Царевококшайского уезда Казанской губернии. Конец XIX века. *Холст, шерсть.*
Из фондов НМ РМЭ им. Т. Евсеева. *Фото Е.В. Курочкиной*

Анализ обрядовой марийской вышивки позволяет этноопределяющие образы народа: водоплавающая птица и олень. Заканчивая рассмотрение различных сторон орнамента, мы придаем большое значение эндогенным (выяснение происхождения орнамента и раскрытие процессов его развития у отдельных народов) процессам в изменении орнамента, которые отражают особенности культуры народа, определяют специфические черты, характерные для данного народа.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. *Крюкова Т.А.* Марийская вышивка. – Л., 1951.
2. *Акцорин В.А.* Историко-генетические связи финно-угорских племен по данным мифологии // Вопросы марийского фольклора и искусства. Вып. 2. – Йошкар-Ола, 1980.
3. *Голан А.* Миф и символ. – М., 1994.
4. *Рыбаков Б.А.* Древние элементы в русском народном творчестве // СЭ, 1948. №1.

Nadezhda Bolshova, Ekaterina Kurochkina

ETHNO-DEFINED IMAGES IN MARI RITUAL EMBROIDERY (ON ETHNOGRAPHIC COLLECTION OF NATIONAL MUSEUM OF MARI EL REPUBLIC)

The Mari traditional embroidery is one of the important elements in spiritual and material culture of ethnos. On the basis of analysis of ornament and national costume (XIX–XX centuries), which are kept in National Museum of Mari EL Republic, the authors of the article detailed the main ethno-defined images in Mari ritual embroidery. The authors examined that examples of ornament where realistic and stylish images. Cultural representations of people are reflected in ceremonial embroidery of woman's conservative clothes. Namely these representations saved the most mythological images: birds, elk-deer and bear. The image of water-swimming bird is one of the most stable images of philosophical model of people, which is saved till present time. Subject of elk-deer is saved in the main embroideries of women's headdresses. Motive of horse is successor of elk and deer in mythological representations and in national fine arts of the Maris. Image of the bear in embroideries is met extremely seldom. Analysis of ceremonial Mari embroidery let us to detail the main ethno-defined images of people – water swimming bird and elk.

«Финно-угроведение», 2008, № 1

Надежда Казакова
Козьмодемьянск

ИЗУЧЕНИЕ ТРАДИЦИОННОГО ГОРНОМАРИЙСКОГО КОСТЮМА НА УРОКАХ ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОГО ИСКУССТВА

Традиционный горномарийский костюм, сохранившийся в быту в модернизированной форме вплоть до настоящего времени, является уникальным памятником материальной и духовной культуры народа. Возникший как рукотворный предмет утилитарного назначения, народный костюм одновременно представляет художественное произведение. Несмотря на то, что изготовление костюма – один из наиболее массовых видов народного творчества, в нем отразились представления о красоте, цветовой гамме, удобности и целесообразности, скромности. Горномарийский костюм – один из важных маркеров, подчеркивающих принадлежность к определенной этнографической группе этноса.

На уроках декоративно-прикладного искусства специализированной школы-интерната для одаренных детей с музыкально-художественной направленностью г. Козьмодемьянска большое внимание уделяется народному творчеству, в том числе и костюму, который является эффективным средством развития духовной культуры учащихся. Активное освоение школьниками традиций народного искусства дает возможность приобщиться к национальным основам культуры. Эстетическое воспитание школьников средствами декоративно-прикладного искусства, в частности горномарийского костюма способствует раскрытию основных эстетических и этических законов и представлений данной группы. Горномарийский костюм отражает представления о красоте и гармонии, поэтому его изучение способствует формированию художественных образов и появлению новых идей в создании произведений народного искусства.

Изучение народного декоративно-прикладного искусства в школе обогащает личность ребенка духовно, помогает осознать свои национальные корни, воспитывает уважение и бережное отношение к традициям, культуре своего народа.

Изучение традиционного горномарийского костюма начинается со знакомства с древними образами марийской культуры – солнца, коня, уточки и др. Учащимся объясняют основы построения зооморфного, антропоморфного, геометрического, растительного орнаментов, знакомят со значением каждого из них. Им раскрывают роль орнаментов в жизни человека – просто ли они украшают одежду, посуду, предметы интерьера, орудия труда.

Дети изучают значение и применение орнаментальных образов в жизни человека, знакомятся с горномарийской вышивкой головного убора (шарпан) и головной повязки (нашмак), рубахи (тыгыр), платков (шавыц), наплечников (вачегач), манжет (пасна шокш мучаш), фартуков (запон). Учащиеся выполняют зарисовки деталей костюма, тщательно перерисовывая орнаменты и сохраняя цветовую гамму изделий. Детям рассказывают о сходстве и различиях в ношении традиционного и современного костюма, об особенностях кроя и надевания отдельных форм одежды, обуви, украшений. Изучая горномарийский костюм более подробно, учащиеся зарисовывают костюм в трех позициях: фас, профиль, со спины.

В 4 классе начинается изучение древних ювелирных украшений известных по археологическим исследованиям, учащиеся выполняют коллаж из бересты в виде древних заколок, гребешков, подвесок.

Интересным и познавательным является и рассказ о создании горномарийских поясов – важном элементе народного костюма, специфической особенностью орнаментации которого является изображение яркого спектра радуги.

Для закрепления знаний, умений и навыков учащиеся лепят из глины горномарийские куклы. В более старших классах учащиеся выполняют эскизы и шьют горномарийских кукол из ткани, пытаются моделировать модную одежду на основе этнического костюма. Стилизация горномарийского костюма основывается на народных традициях горных марийцев. Постепенно учащиеся переходят на изготовление финно-угорских кукол, которые шьются из ткани. Дети по выкройкам вырезают детали кукол, шьют одежду для кукол, сохраняя этнические особенности одежды. Финно-угорские куклы изготавливаются в течение двух четвертей. Школьникам также предлагается моделирование на основе костюмов различных финно-угорских этносов.

Сочетание на уроках рисования и создания из глины фигурок развивает у детей не только терпение, усидчивость, но и любознательность. На занятиях декоративно-прикладного искусства учащимся даются навыки бумажной пластики, что развивает у детей пространственное мышление.

В более старших классах учащиеся знакомятся с техникой росписи по ткани – батик, которая является сложной в исполнении.

Уроки декоративно-прикладного искусства в школе по тематике очень разнообразны, поэтому были созданы проекты по темам: дизайн костюмов, шитье национальной одежды, бумажная пластика, батик, резьба по дереву, финно-угорские куклы, хохломская роспись и др. Работа над выполнением дипломных проектов проводится в 9 классе, что является завершающим этапом курса обучения по декоративно-прикладному искусству, в котором большую роль играет и изучение горномарийского костюма.

Курс декоративно-прикладного искусства является необходимым звеном в цепочке обучения учащихся школы-интерната для одаренных детей, поскольку развивает художественные способности, образное мышление, воображение, помогает сохранять связь времен, народное искусство и творчество.

Nadezhda Kazakova

STUDYING OF TRADITIONAL COSTUMES OF THE MOUNTAIN MARIS ON THE LESSONS OF DECORATIVE AND APPLIED ART

Traditional costume of Mountain Maris is an important element of material and spiritual culture. On the one hand, costume is an object of utilitarian nomination; on the other hand, it is artistic production. On the lessons of decorative and applied art of specialized boarding-school for talented children with music-art direction in Kozmodemyansk teachers give great attention to national creation and also costume, which is effective means of spiritual development of pupils. Costume reflects representations of beauty and harmony and so that its study promotes forming art style and appearance of ideas in making of art productions. Study of costume begins from embroidery ornaments of clothes, headdresses, colour scale, methods of dressing of its some forms. One of study stage is making Mountain Maris' dolls from clay and textiles. Senior pupils are occupied with design and creation of clothes sketch with the mountain Maris' motive.

«Финно-угроведение», 2008, № 1

СООБЩЕНИЯ

Людмила Христолюбова
Ижевск

СЕМЕЙНОЕ ХОЗЯЙСТВО СЕЛЯН В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ* (на примере Удмуртии)

Мысленно оглядываясь на историю XX века, нетрудно убедиться, что все важнейшие события и процессы (социально-экономические, социально-культурные, демографические и др.), происходившие в обществе, отражались на семье. В данной статье, написанной на полевых материалах последних лет, рассматривается современная сельская семья Удмуртии, ее проблемы и способы приспособления к новым экономическим условиям.

Нынешние сельскохозяйственные работники – это поколения людей, выросшие в советские времена, создававшие материально-техническую базу государства и привыкшие в процессе труда полагаться на начальство. Проявление инициативы подчиненных не всегда одобрялось. Сложилась даже поговорка, что инициатива наказуема. Подавляемая десятилетиями инициативность и предприимчивость неравнодушных тружеников в общественном производстве были сведены к минимуму. Это губительным образом сказалось на положении сельского хозяйства и сельских жителей в конце 1980 – начале 1990-х годов, в перестроечные и постперестроечные годы. Необдуманные законы тех лет способствовали развалу коллективных хозяйств (колхозов и совхозов), трудясь в которых селяне строили свои дома, растили детей, словом, создавали свое благополучие.

К середине 90-х годов многие из них, оставшись у разбитого корыта, оказались в отчаянном положении, ибо начавшееся перераспределение созданной совокупностью всех трудящихся государственной и коллективной собственности, усилив социально-экономическое неравенство, привело к имущественному расслоению на-

*Публикация подготовлена в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН (тема «Адаптационные ресурсы и практики народов Камско-Вятского региона в условиях российских трансформаций»), а также при финансовой поддержке РГНФ (грант 07-01-00523а).

селения по материальному достатку, разделению семей на бедных и богатых. Криминальные методы передела собственности привели к значительным потерям в сфере культуры и нравственности, которые проявились в росте алкоголизма, воровстве, в проникновении в село наркомании и СПИДа, с одной стороны, и в сокращении потребления профессиональной культуры, уменьшении читательской аудитории и переключении ее интересов на «желтую прессу», низкопробную литературу и «мыльные» телесериалы – с другой.

Отсутствие четкой программы перестройки, неуверенность в завтрашнем дне создали кризисную ситуацию и в сфере демографии: повысился брачный возраст, увеличилась численность неженатых мужчин в возрасте 25–40 лет, сократилось деторождение, возросла смертность. С 1993 г. смертность превышает уровень рождаемости, что означает естественную убыль населения. Объявленная Президентом страны национальная программа по преодолению демографического кризиса не вызвала у населения особого доверия. По данным работников сельских фельдшерско-акушерских пунктов (ФАП), в 2006 г. ни одна женщина, рассчитывая на эту национальную программу, на учет по беременности не встала (1, с. 424–516).

В 2007 г. некоторые женщины, становясь на учет, выражали смутную надежду на получение «материнского капитала» для улучшения жилищных условий.

Низкий материальный уровень жизни не стимулирует выполнение семьей репродуктивных функций. Во второй половине прошлого столетия подверглись переоценке репродуктивные нормы многодетности, существовавшие в XIX – первой половине XX в. Еще в середине прошлого века обычным явлением было наличие в семье пятерых–шестерых детей, не редко встречались семьи с семью–восемью детьми. Но сокращение рождаемости (в 1987–1996 гг. она снизилась с 19,8% до 9,1%) с каждым годом уменьшало количество многодетных семей, ныне многодетной уже считается семья с тремя детьми. Несколько возросшая в последние годы рождаемость (11,7%) не превышает уровня смертности (15,4 %), и воспроизводства населения не происходит (2, с. 6, 10; 3, с. 6, 10). В настоящее время считается оптимальным иметь двоих детей, многие семьи ограничиваются одним ребенком. Лишь полная уверенность в реализации национальной демографической программы может поддержать репродуктивную норму хотя бы на уровне двоих детей. Разумеется, и ныне есть многодетные семьи, но их доля очень небольшая.

Основной среди сдерживающих деторождение причин (на ряду с нежеланием женщиной оставить профессиональную работу, состоянием ее здоровья, взаимоотношениями в семье, неустроенностью с жильем, увлечением отца алкоголем, трудностями воспитания и др.) признается материальное неблагополучие. В большинстве случаев оно объясняется слабостью сельскохозяйственной отрасли республики. Ныне из 384 сельскохозяйственных предприятий Удмуртии можно выделить не более трех–четырех десятков с налаженной организацией производства и социально-культурной сферы, с регулярной выдачей небольшой (1500–3000 руб.) заработной платы. Во многих хозяйствах с работниками годами рассчитываются натуральными продуктами. В таких условиях они вынуждены прилагать усилия для

реализации полученной продукции, чтобы иметь наличные деньги на различные хозяйственные расходы. Прекращение в начале 1990-х годов выплат детских пособий (формально существовавших, но годами не выплачивавшихся), задержки выплат трудовых пенсий – все это заставило людей искать дополнительные способы добывания денег на повседневные нужды.

В конце 1980-х годов легковые автомашины в деревнях были уже не редкостью. В трудные времена для многих автомашина стала источником дохода: одни брали у односельчан мясо и овощи для реализации на городских рынках, другие оказывали платные транспортные услуги, третьи занялись торговлей промтоварами, покупая их оптом и реализуя в розницу. Торговой точкой при этом была машина. Торговлей стали зарабатывать не только владельцы машин, для многих она стала относительно быстрым способом получения денег на ежедневные нужды. За товаром ездили в Казань, Москву, Турцию и Китай. Накопив денег, открывали свое дело. Если раньше товарами ежедневного спроса селян обеспечивали магазины райпо (районное потребительское общество), то ныне в каждой деревне работают частные продовольственные магазины. В больших селах имеются и частные промтоварные магазины. Причем в одной деревне работают магазины разных хозяев, проживающих в населенных пунктах не только этого, но и других районов. Хозяевами являются лица, получившие в советское время профессиональное образование (в разных областях). Не получая в новое время зарплату за профессиональную деятельность, они реализовали себя в сфере предпринимательства. Нижеприведенные примеры показывают один из путей профессиональной переориентации и освоения нового дела, который свойственен людям с решительным характером, способным на риск, умеющим ставить цели и добиваться их осуществления. Если в начале пути переориентацию своей деятельности они мотивировали необходимостью обеспечения семьи, ее выживанием, то в дальнейшем, с осознанием своих возможностей и способностей, появлялся интерес к развитию, расширению дела, дающего возможность построить новый дом, обновить хозяйство, учить детей, а также помочь другим.

Нина Павловна Фролова, уроженка Кизнерского района, никогда не предполагавшая стать предпринимателем, около 30 лет проработала в санатории «Медведево», расположенном под Ижевском. С началом перестройки санаторий, не получая необходимой государственной поддержки, пришел в упадок, и Нина Павловна, как многие, ушла в торговлю. За товаром в течение 9 лет ездила за рубеж. Семья переехала в село Бабино. Через три года, поняв, что в небольшом селе дело не развернешь, переехали в райцентр Малая Пурга, где жила ее сестра. Оформила документы как частный предприниматель, создала фирму с весьма символичным названием «Азьлань» («Вперед»). В 2000 г. купила дом, спустя некоторое время получила землю для строительства магазина. Приняла на работу бухгалтера и на другой год начала строительство. В 2002 г., имея двух сыновей, родила дочь. и руководить стройкой пришлось мужу, который был и шофером, и экспедитором. В том же году Фроловы открыли небольшую продуктовую лавку. На другой год

продолжили строительство второго этажа магазина. Ныне это торговый центр «Азьлань», в котором трудится 27 человек. В нем работает кафе, магазины (продуктовый, одежды, игрушек, бытовой химии), парикмахерская с косметологом, там же расположен их офис. Есть тут и отдел ижевской трикотажной фабрики «Сактон». Кафе пользуется спросом, в него приходят семьями, отмечают праздники и юбилеи. Центр привлекает хорошим дизайном и доброжелательностью работников (4).

Клавдия Егоровна Бушкова выпускница исторического факультета УдГУ. Во время учебы она каждое лето проводила в студенческом отряде в качестве повара. Получив диплом, преподавала в сельской школе, затем с мужем, направленным в аспирантуру, поехала в Ленинград. В Ижевск они вернулись в первые годы рыночной экономики, люди ее профессии оказались не востребованными. Встреча со знакомой, ездившей за товаром за границу, изменила ее жизнь: в 1992 г. она сама стала ездить в Польшу за товаром, который реализовывала через сеть киосков. После нескольких поездок переключилась на Прибалтику, заключила договор с фабрикой в г. Шауляе, полученные крупные партии товара реализовывала через магазины потребобщества. Вскоре она решила открыть свое дело – небольшую пекарню. Купила тестомес, хлебопекарные печи, съездила в Пермь на завод-производитель, где прошла специальные курсы. В 1994 г. открыла пекарню в пригородной деревне Ягул Завьяловского района. Семь лет спустя, продав пекарню, приобрела магазин. Клавдия Егоровна мечтает об открытии аптеки, но сдерживает хождение по кабинетам чиновников, которые вместо помощи на каждом шагу строят препоны, вымогая взятки. По ее мнению, их разговоры о помощи предпринимателям на деле не выполняются. Муж кандидат экономических наук, полковник МВД, у них двое детей (5, с. 56–60).

А.П. Вахрушев родился в семье учителей, окончив исторический факультет Глазовского пединститута, год преподавал в школе. Маленькая зарплата и отсутствие жилья вынудили заняться бизнесом. Торговля чужим товаром его не привлекала, хотелось предложить что-то свое. Решил заняться производством мебели из натурального дерева. Ныне он – владелец ООО «Промтехсервис» в с. Якшур-Бодья. Подобранные им мастера из готового материала (сосна, лиственница, береза) изготовляют на заказ мебель, двери, наличники, паркет, потолок, лестницы, а также атрибуты, логотипы, символику, рекламные стенды и даже скульптуры, плетут изделия из лозы. Их мебель покупают в Удмуртии и за ее пределами. На предприятии работает 8 человек, каждый из них мастер и дизайнер. Среди них – выпускники Ленинградского института культуры, а также художественно-графического факультета Удмуртского университета. В семье Вахрушевых двое детей, жена Андрея Павловича, выпускница спортфака УдГУ, ведет детские спортивные секции (6).

Агроном Л.Е. Ардашева пришкольный участок в Мукшинской средней школе аграрного направления сделала одним из лучших в Якшур-Бодьинском районе. На участке выращивали много овощей, за счет их продажи ремонтировали школьное здание, закупали запчасти для трактора. Затем Ардашева взялась за школьную

столовую, преобразила интерьер столовой, сменила кухонное оборудование, питание стало качественнее и разнообразнее. Ныне она – частный предприниматель, имеющая свой магазин и арендующая школьную столовую (6; 7).

С.М. Чирков, заслуженный работник культуры УАССР, отмеченный в свое время Почетной грамотой Министерства культуры СССР, в 1990-е годы ушел в бизнес, по его словам, не по желанию, а от безысходности. Вопрос маленького сына: «Папа, что такое баунти?» натолкнул его на мысль, что он, здоровый мужчина, отец троих детей на свою зарплату не имеет возможности купить им шоколад, одеть соответственно времени. Ныне Чирков – владелец четырех магазинов в поселке Игра. Но сфера культуры его не отпускает, зная его творческую натуру, его привлекают к организации мероприятий, их музыкальному оформлению (8).

Сельский инженер-строитель П.В. Чушъялов, построивший за свою жизнь немало производственных и социально-бытовых объектов в д. Яган-Докья Малопургинского района, в конце 1980-х – начале 1990-х годов был вынужден искать новые способы выживания. Пройдя нелегкий путь, он стал успешным предпринимателем, главой ООО «Радуга», в структуре которого магазины в райцентре и девяти деревнях. Главный бухгалтер семейной фирмы жена Чушьялова, выпускница экономического факультета Ижевского сельскохозяйственного института. У них две дочери. В фирме 30 работников, в основном продавцы и водители. Поначалу в деревнях их называли спекулянтами и за покупками по привычке шли в магазины райпо. Однако ценовая политика Чушъялова изменила мнение о нем и привлекла покупателей. Ассортимент товаров в его магазинах такой же, как и в городских. Кроме того, продавцы собирают заявки на товары.

Будучи спортсменом-любителем, Чушъялов вместе с сельскими активистами стремится привлечь молодежь к занятиям физкультурой и спортом. С этой целью они проводят волейбольные, баскетбольные и лыжные соревнования, обустроили освещенную лыжню. Павел Васильевич как спонсор обновляет спортинвентарь общеобразовательной школы, помогает детско-юношеской спортивной школе. Последние годы районные спортивные соревнования проводятся в д. Яган-Докья. Как депутат райсовета П.В. Чушъялов привлек внимание к благоустройству кладбищ, освещению улиц, содержанию дорог и был поддержан другими депутатами. По его мнению, в районе слабо развито малое предпринимательство: в соседнем Киясовском районе населения втрое меньше, а предпринимателей больше, чем в их Малопургинском, где предприниматели не ощущают поддержки районной администрации. Из прибыли, по его словам, 10% уходит на угощение проверяющих (9).

Предприниматель А.Л. Покошева – уроженка Кизнерского района, владелица торгового дома «Престиж», магазинов «Жемчужина» и «Продовольственные товары». Антонина из семьи трудовой, работящей. Отец, имея 2 класса образования, был мастером на все руки: плотник, печник, охотник, искусный скорняк. Разводил чернобурых лис, имел клиентуру в Москве и Ленинграде. Мать с 7-классным образованием работала в овцеводстве, была участницей ВДНХ.

Антонина окончила Можгинский ветеринарный техникум, год работала ветеринаром. Вышла замуж, стала матерью, но семейная жизнь не сложилась. Пошла работать продавцом мороженого. Со временем познакомилась с предпринимателем, торговавшим одеждой, и они создали семью. До 1995 г. торговое помещение арендовали. Но из-за высоких налогов от аренды пришлось отказаться. Купив железнодорожный вагон, приспособили его под магазин. Через год приобрели землю под магазин, рассчитали стоимость строительства. Строили по собственному проекту силами своих работников. Теперь их у них немало, есть отдел кадров, бухгалтерия, инженерно-технический отдел. Раньше бухгалтерию вел муж, выпускник московского вуза. Работников к ним посылает биржа. За товаром ежедневно ездят на ижевские базы. В процессе труда приходят разные идеи по развитию дела. Не оставляя предпринимательскую деятельность, Покошева окончила юридический колледж, затем Московский институт информатики и статистики. Семья живет в собственном доме с участком 13 соток, на котором выращивают розы для продажи. В семье трое детей. Старшая дочь получила высшее юридическое образование, один сын учится в школе, другой – еще дошкольник (10).

Семейный бизнес и у супругов Сидоровых: Владимир Вениаминович и Наталья Васильевна в п. Ува имеют двухэтажный магазин «Декор», специализирующийся на продаже электротоваров и стройматериалов. Владимир, уроженец д. Узей-Тукля Увинского района, был седьмым ребенком в семье. В народе говорят, что седьмой ребенок удачлив в жизни. Окончил художественно-графическое отделение Дебёсского педучилища, отслужил на флоте, работал учителем в Ижевской средней школе № 17. В 1990 г. женился на девушке коми, студентке Ижевской медакадемии. После окончания ею вуза уехали на ее родину в Сыктывкар. Жили в общежитии. Владимир работал в техническом училище. Один за другим появились сын и дочь. Зарплаты преподавателя черчения не хватало. Оформив лицензию, вместе с учащимися изготовлял светильники, которые пользовались спросом. Без отрыва от работы учился в индустриально-педагогическом институте. Как человека с репутацией умельца его пригласили в строительную организацию по ремонту и дизайну квартир, обещали дать жилье. Далее были дефолт и потеря сбережений, вложенных в МММ. Заняв денег, Сидоров начинает торговать электроинструментами. Дело идет успешно, он покупает машину «Нива», затем меняет ее на микроавтобус «Газель». В то время в Сыктывкаре выпускали красивые обои, и Владимир начинает возить их на реализацию в Удмуртию. Целлюлозно-бумажный комбинат предложил ему возить обои на заводском КАМазе, он согласился. До 2000 г. возил обои в Удмуртию, Татарстан, Башкортостан, Пермскую область. Когда за это выгодное дело взялись другие предприниматели, Сидоровы решили сменить профиль. Они переехали жить в Удмуртию, на окраине п. Ува купили заброшенный магазин, сделали ремонт и начали торговать. Потом построили двухэтажное торговое здание в центре поселка. Они первыми в Уве внедрили компьютерную программу. Ныне у них работает более 20 человек. Наталья Васильевна выполняет работу бухгалтера. По словам Владимира Вениаминовича, за какое бы дело он ни брался, на все

смотрит глазами художника, профессиональная подготовка ему очень помогает. Он считает, что предпринимательство, наконец, находит признание. В 2005 г. он получил Диплом II степени и фотокамеру от фирмы «Лакра» за реализацию большого объема их красок, в 2006 г. эта фирма признала за ними первое место и подарила телефакс.

Сидоровы понимают, что конкуренция в предпринимательстве усиливается, стоять на месте нельзя. Предприниматель, считает он, должен уметь доводить начатое до конца, все делать вовремя, не бояться трудностей, быть порядочным, внимательным, общительным, интересоваться литературой и искусством (11).

Галина Юферева из д. Зар-Медла Дебесского района после окончания 8 классов получила профессию швеи в Ижевском СПТУ и работала в Дебесском комбинате бытового обслуживания (КБО). Когда КБО закрыли, чтобы как-то выжить, шила одежду на заказ. Потом по книгам научилась выделывать шкурки и шить шапки. Дочери-школьницы стали ее помощницами, продавали готовые изделия. Сейчас они обе – студентки в Ижевске. В марте 2006 г. в деревне открылась швейная мастерская, филиал фирмы «Альфа-Гарант», и Галина поступила туда. Зарплата в среднем составляет 2000 руб. (12).

Семья Рябчиковых из д. Поршур-Тукля Увинского района состоит из трех человек: глава семьи Михаил – шофер на птицефабрике (зарплата 4000–5000 руб.), его жена Валентина – уборщица в школе (работая на полторы ставки, получает 1600 руб.), дочь – учащаяся 9-го класса. Старшие сын и дочь живут отдельными семьями. Рябчиковы имеют огород 19 соток, где выращивают картофель и овощи. Кроме того, на 7 сотках огорода старшей сестры Валентины они выращивают картофель и сахарную свеклу на корм скоту. Земельный пай в 50 соток используют как покос. Имеют корову, теленка и свиноматку. Весной на птицефабрике покупают гусят и до осени кормят. «Вот на днях,– говорит Валентина,– отправила по гусю дочери и сыну. И мясо отправляем. Молоко продаем соседям. Выручка от продажи поросят и мяса идет на покупку кормов, так как сена со своего покоса не хватает». Сейчас никто из членов семьи в колхозе не работает, поэтому корм покупают на птицефабрике. Имеют машину, российский внедорожник УАЗ, и прицеп, возят на ней дрова и сено, ездят в лес по грибы. Валентина выращивает для продажи розы, черенки роз, клубни георгинов. «Вот так и живем, крутимся», – говорит она. Это, кстати, типичный ответ на вопрос: «Как и чем живете?». Еще добавляют: «Хочешь жить – умей вертеться» (13).

Судя по наблюдениям последних лет, самым распространенным средством держаться на плаву является личное подсобное хозяйство, основанное на семейном труде. В деревне строят дома, обучают в вузах детей, покупают машины главным образом за счет огорода, содержания скота и пчел, а также сбора и реализации даров природы. Например, в д. Мукши Якшур-Бодьинского района сообщили, что пять семей, регулярно занимающихся сбором лесных ягод и грибов, прошедшим летом выручили на этом от 28 до 35 тыс. руб. (6).

Пчеловодство (первоначально бортничество) у удмуртов было одним из распространенных традиционных занятий, еще в XVIII в. оно приобрело товарный характер. И ныне пчеловоды есть во многих деревнях. Одни занимаются этим для обеспечения медом семьи, другие разводят пасеку в несколько десятков ульев и продают не только мед, но и другие пчелопродукты. Некоторые продают на городских рынках сами, другие привозят и оставляют для продажи у родственников или знакомых. Правление Республиканского общества пчеловодов в последние годы устраивает конференции с организацией продажи продукции, а также ярмарки, продолжающиеся несколько дней.

В перестроечные годы была начата работа по возрождению народных промыслов, в Ижевске был создан Республиканский центр декоративно-прикладного искусства. Выявив и взяв на учет народных умельцев из сельских мест, организовали республиканскую выставку их изделий, которая сыграла важную роль как в дальнейшем выявлении мастеров, так и в организации в районах домов ремесел. В настоящее время в большинстве районов Удмуртии созданы центры декоративно-прикладного искусства и ремесел. Многие мастера (лозо- и соломоплетения, резчики, ткачихи, вышивальщицы, вязальщицы и др.) работают надомным способом. Это удобно женщинам, находящимся в декретном отпуске и по уходу за ребенком, инвалидам, а также тем, кто в свободное время любит рукодельничать.

Сельские предприниматели занимаются предоставлением населению бытовых услуг, изготовлением мебели, производством и переработкой сельскохозяйственной продукции, строительством, торгово-закупочной деятельностью. Примечательно, что среди современных предпринимателей немало выходцев из семей, раскулаченных в 1930-е годы: деловые качества поколения дедов проявились в поколении внуков. Их творческий потенциал не исчерпывается предпринимательской деятельностью, он выражается еще в художественном творчестве (некоторые из них пишут стихи, песни, занимаются изобретательством и пр.).

Использование ныне армии в межнациональных конфликтах, гибель или получение инвалидности в боевых действиях в так называемых «горячих точках», а также в результате неуставных отношений в воинских частях, вполне оправданные страхи родителей за жизни сыновей – все это настолько охладило отношение к армейской службе, что многие юноши, считая, что срочная служба принесёт им только вред, ищут способы уклониться от нее. Вместе с тем, небольшой частью сельских мужчин как вариант трудоустройства используется и рекламируемая в последние годы контрактная служба в армии. С 2003 г., когда вышло постановление Правительства РФ о контрактной службе в армии, на службу по контракту, по словам начальника пункта по набору контрактников Республиканского военкомата УР А.Э. Пана, поступили 1868 граждан Удмуртии. Зарплата у них 9000 руб., у проходящих службу в Чечне она составляет 26 тыс. Кроме того, 20 руб. выдается ежедневно на питание, плюс одежда. В общем, как он говорит, не густо, в военкоматах очередей нет, идут в основном деревенские парни. Образование среднее, с высшим – очень редко, хотя в армии работа найдется и им. Контрактник может быть

командиром отделения, учиться в школе прапорщиков, в военном училище. Заключивший контракт второй раз имеет право поступить в университет вне конкурса, для выезда на экзаменационные сессии препон нет (14).

Из Удмуртии контрактников отправляют в разные области, в том числе в Чечню и на пограничную службу в Таджикистан. В Таджикистане наши войска называются миротворческими: их задача предотвращать межплеменные конфликты и бороться с наркотрафиком. Зарплата контрактников там составляет 7000 руб., и едут туда не за деньгами, а для приближения срока выхода на пенсию: один год службы в Таджикистане приравнен к трём годам. Там на заставах по полгода не бывает электричества, вода подается лишь ближе к вечеру, жара доходит до 70 градусов. Наших парней стараются «посадить на иглу», чтобы не мешали наркобизнесу. В мае шесть удмуртских мужчин уехали в Таджикистан. [*В. Тимофеев, уроженец Кизнерского района, после срочной службы лишь год был на гражданке, по контракту поехал в Таджикистан, считает, что в армии жить легче. М. Рыбин из Вавожского района, работавший водителем в Можгинском РОВД за 7000 руб., на ту же зарплату решил поехать в Таджикистан, рассчитывая по возвращении выйти на пенсию*] (14)

Как сообщили в одном из районных военкоматов, поступающих на контрактную службу мало, хотелось бы больше. Идут в основном безработные: «Вернувшись со срочной службы, в поисках работы тыкаются туда-сюда и, не найдя ничего подходящего, обращаются в военкомат с просьбой отправить их на службу». Есть и те, кто оформляется на контрактную службу сразу после завершения срочной в той же части, где она проходила.

Не прочь служить в армии и некоторые девушки: одни из них надеются получить там интересную специальность, другие – окрепнуть физически и духовно, третьи, как можно судить по фактам, – рассчитывают на удачное замужество. В 2007 году четыре девушки были направлены в Екатеринбург учиться на связиста. Заметим кстати, что в 1997 г. при опросе в Ижевске учащейся молодежи 8,4% опрошенных девушек выразили готовность идти на военную службу (15, с. 125–126).

Одной из форм предпринимательства идеологами реформ было признано фермерство, на которое рассчитывали, разваливая крупные коллективные хозяйства. Колхозы и совхозы с 1991 г. стали переименовываться в ТОО, ООО, СПК и АКХ (ассоциации крестьянских хозяйств). Колхозную землю, разделив на паи, распределили между членами хозяйства. Это подвигло некоторых заняться фермерством. В их числе были и некоторые руководители сельхозпредприятий, и специалисты. На начальном этапе им давались кредиты на приобретение сельхозтехники, поэтому более успешными являются фермеры, которые успели полностью воспользоваться предоставленными кредитами. Позже государственная поддержка фермеров ослабла, и последующим стало гораздо труднее налаживать и тем более развивать фермерское хозяйство. Многие впоследствии вообще отказались от этого способа хозяйствования. Некоторые сдают свои участки в аренду успешным фермерам или главам личных подсобных хозяйств, которые используют их как дополнительный покос.

В апреле 1991 г. в Юкаменском районе появился первый фермер, бывший главный агроном совхоза «Пышкетский» А.В. Зянкин. К нему присоединилась жена, главный зоотехник совхоза. Бывший депутат ВС СССР С.Н. Данилов организовал из 5 хозяйств ассоциацию крестьянских хозяйств «Шеп». Позже к ним присоединились еще 5 хозяйств. У них стало 320 га земли 14 единиц техники. Построили мастерскую, гараж, склад для зерна и минеральных удобрений, двухэтажное кирпичное здание магазина.

К 2000 г. в районе было 79 крестьянских (фермерских) хозяйств с 316 членами. С 1995 г. С.Н. Данилов возглавляет АКХ района. До 2006 г. он возглавлял также ассоциацию фермеров Удмуртской Республики. На 1589 га они выращивают зерновые, лён, картофель. Несмотря на слабую производственную базу, постоянно увеличивают производство мяса, молока и зерна. Из общего объема заготовок зерна в районе 8% принадлежит ассоциации крестьянских фермерских хозяйств. Начав с земледелия, фермеры района развивают хозяйство как комплексное: кроме крупного рогатого скота, они разводят лошадей, свиней, овец и коз. Занимаются пчеловодством и рыбоводством. Имеют 7 магазинов. Кроме того, фермер А. Поздеев, построив свинарник-маточник, специализируется на откорме поросят, Малых и Сысоев занимаются производством и переработкой льнопродукции, С. Веретенников – выращиванием гречихи. В распоряжении фермеров 30 единиц самоходной техники, 5 зерноуборочных комбайнов (16, с. 74–75).

В числе первых фермеров был И.В. Булдаков, инженер-механик колхоза «Урал» Завьяловского района. В 1990-е годы он возглавил одно из фермерских хозяйств. Ныне у него 200 га земли, 40 коров и необходимая техника для производства зерна и кормов: 6 тракторов, 2 зерноуборочных комбайна. К нему присоединилось 6 семей, рабочих рук достаточно, так как каждый из них может при необходимости заменить другого. Ряд лет хозяйство занималось выращиванием картофеля, но с возникновением проблемы сбыта решили перейти на молочное производство. И.В. Булдаков планирует открыть мини-цех по переработке молока. Работники хозяйства трудятся и отдыхают вместе, организуя рыбалку, грибную охоту и т.п. (17).

До того как стать фермером А.Р. Князева 20 лет работала зоотехником в колхозе «Звезда» Дебесского района, четыре года преподавала в школе. Муж был водителем молоковоза в том же колхозе. Дело, по ее словам, начиналось с одного поросенка, которого купили в колхозе и вырастили. Свинья опоросилась, поросят продали и купили корову. Продавали молоко. Взяли кредит, купили машину УАЗ, позднее – трактор и цистерну. К ним стали приносить молоко соседи, потом и другие, их численность нарастала, и объем принятого от них молока достиг 54 ц. Расчет со сдатчиками Князевы производят в конце каждого месяца. В 2003 г. у них было около 19 га земли (3 га из них арендованной), 5 коров, 60 кур и пчелы. Выращивали картофель, овощи и травы. В 2003 г. продали 15 т молока, 10 т картофеля. Князевы сотрудничают с фермером С.Н. Андреевым, совместно с которым приобрели картофелекопалку и косилку. Они оказывают спонсорскую помощь школе.

Встретившись с Алевтиной Рафаиловной Князевой в 2007 г., я напомнила ей о газетной публикации трехлетней давности (18) и спросила, что изменилось с той поры. Она уверенно сказала, что хорошо продвинулись вперед: расширили за счет аренды до 71 га землю, купили охладитель молока, построили два коровника с телятником на 36 голов. Ныне у них 19 коров и 18 голов молодняка, 17 свиней, в том числе три свиноматки и один хряк. По кредиту приобрели трактор, на доход от свиней – новый погрузчик КУН. Имеют трех работников. В 2006 г. сдали 156 т молока: 70 т – от своих коров, 86 т – закупленного у населения (на 430 тыс. руб.). Но субсидию за это им не выплатили, хотя колхозу дали, «так как колхоз закупленное от колхозников молоко показывает как колхозное, а мы показываем, как на самом деле, и мы же пострадали от этого. До прошлого года субсидию давали и нам. Отыгрались на нас, – говорит Алевтина Рафаиловна. – Получается, что я работала на тех, от кого покупала молоко». С приобретением второго трактора хотели расширить земельные угодья, просили у колхоза 30 га. Не дали, предложили самые дальние луга, на которых кормят скот фермы другой деревни. Собрание, на котором решался этот вопрос, напомнило ей другое собрание, проходившее в 1929 г. и принявшее решение раскулачить несколько семей, в том числе семью ее деда и отправить их в Сибирь. Об этом со слезами рассказывала ей бабушка. Алевтина Рафаиловна пишет стихи, а об этих двух событиях она написала поэму и опубликовала в районной газете «Байгурезь». На вопрос о планах сказала, что купят «дойку» и будут продолжать работать. Основные работники они с мужем, по возможности, помогает сын (6).

Однако не все фермеры смогли приобрести необходимую сельскохозяйственную технику, без которой фермерство не может развиваться. Поэтому в каждом районе количество зарегистрированных и реальных фермеров не совпадает. Например, в Завьяловском районе числится около 40 фермеров, из них более или менее успешно работающих – лишь третья часть (19, с. 51).

Совершенно новым явлением и способом добывания денег для сельского населения Удмуртии предстал так называемый гостевой туризм. Музейное общество республики разработало программу социально-экономического развития «Культура как ресурс» и выиграло грант фонда Потанина. На эти средства было проведено методическое совещание по разработке проектов с приглашением докладчиков из Москвы и Санкт-Петербурга. Одна из зон и форм развития туризма в республике – путешествие по Сибирскому тракту, пересекающему ее территорию с запада на восток.

В августе 2006 г. в селе Дебёсы, расположенном на Сибирском тракте, прошел семинар по вопросам гостевого туризма. Это означает, что туристы, проходящие по этому тракту, прибыв в с. Дебёсы, будут расселены в семьях, которые готовы участвовать в реализации проекта, предоставляя жилье. Для них это способ заработать деньги. В период подготовки к семинару о готовности принять у себя туристов в Дебёсах заявило 32 семьи. Управление культуры района выясняло их возможности для последующего заключения договоров с владельцами домов (5, с. 56–60).

В с. Тыловай один индивидуальный предприниматель предлагает такой вид отдыха, как конный туризм: любители этих животных верхом на лошадях могут следовать по маршруту, включающему природные объекты, историко-социальные и культурные памятники.

Со временем по мере овладения организационной стороной дела предпринимательство разрастается, охватывая новые сферы и виды деятельности.

Известно, что в прошлом все необходимые трудовые навыки дети получали от родителей и родственников в процессе совместной работы с ними. Ныне роль семьи в этом вопросе чаще сводится к привитию первоначальных навыков труда, необходимых в домашнем хозяйстве, и ориентации на ту или иную профессию. Профессиональная подготовка осуществляется специальными учебными заведениями, а нынешние родители, заботясь о будущем детей, ищут способы заработать, чтобы оплатить их обучение.

Согласно этносоциологическому опросу, проведенному в 2002 г. в Удмуртии (и одновременно в Марий Эл, Башкортостане и Татарстане) по проекту «Электрокардиограмма» (ЭКГ), семьи по материальному достатку разделилась на три категории: «обеспеченные» (покупают все, кроме предметов роскоши), «скорее обеспеченные» (денег хватает на одежду и питание) и «малообеспеченные» (денег хватает только на питание). При этом оценки материального достатка семей работающими взрослыми, студентами и старшеклассниками несколько различаются: по оценкам студентов и школьников материальное положение их семей выглядит лучше, чем по ответам взрослых (1, с. 428, 466, 503–504). Дети по своей неопытности, очевидно, еще не способны адекватно оценить уровень достатка семьи, так как родители при всех трудностях в первую очередь стараются удовлетворить потребности детей, во многом отказывая себе.

Ответы на вопрос об изменении экономического и финансового положения семьи за предшествующий опросу год раскрывают противоречивую динамику: у 4,8% опрошенных в Удмуртии положение существенно улучшилось, у 32,4% – немного улучшилось, у 37,7% осталось без изменений, почти у 16% немного ухудшилось, у 6,4% существенно ухудшилось. По оценкам студенческой аудитории, в сравнении с оценками взрослых, динамика экономического положения их семей в целом выглядит несколько хуже. Студенческая молодежь, живя в городе с многообразием развлечений, требующих затрат, и не имея возможностей ими воспользоваться, по-видимому становится более чувствительной к материальной обеспеченности семьи. Возможно, в этих ответах, опосредованно (через сельских студентов) отразилось также тяжелое положение сельского хозяйства.

Данные этносоциологического опроса относительно «малообеспеченных» и «бедных» вполне соотносятся с официальной статистикой РФ, касающейся населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума. Удельный вес данной категории лиц оказался самым высоким (33,5%) в 1992 г., затем он снизился до 20,7%, а после августовского дефолта 1998 г. вновь стал расти и в 2002 г. составлял более 29% (20, с. 189).

Экономическая и политическая нестабильность 1990-х годов, разрушая социальные связи, породила взаимное недоверие, отчужденность и даже некоторую агрессивность людей. В таких условиях базой физического выживания семьи стало ее хозяйство, для укрепления которого она максимально мобилизовала внутренние резервы. Как следует из вышеизложенного, сельская семья показывает многообразие адаптационных практик. В этом убеждают и последние публикации Г.А. Никитиной по проблемам современного села (21, с. 153–175).

Семья как основа государства, как фактор стабильности общества и преемственности поколений, заслуживает гораздо большего внимания и реальной помощи со стороны государства.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Смирнова С.К.* Феномен Удмуртии. Этнополитическое развитие в контексте постсоветских трансформаций. – М.-Ижевск, 2002.

2. Государственный доклад о состоянии здоровья населения Удмуртской Республики за 2004 год. – Ижевск, 2005.

3. Государственный доклад о состоянии здоровья населения Удмуртской Республики за 2005 год. – Ижевск, 2006.

4. *Ионина А.* Пургалан сяськая «Италмас» (В Пурге цветёт «Италмас») // Удмурт дунне. 2006. 29 сент.

5. *Сергеев П.* Ужбергатӟсьлэн нянез (Хлеб предпринимателя) // Кенеш. 2007. № 3. С. 56–60.

6. ПМА – Полевые материалы автора 2007: Дебесский, Каракулинский, Завьяловский, Балезинский районы.

7. *Загребина К.* Питран берганы кылдэмын (Колесу предназначено крутиться) // Удмурт дунне. 2005. 9 февр.

8. *Орехова Л.* С. Чирков: Дэлет сёто выжыосы (Успех идёт от предков)// Удмурт дунне. 2002. 21 мая.

9. *Кузнецов П.* Азинтоно одӟг удысэз, но рос-прос (Продвигать одно направление, но всерьез) // Удмурт дунне. 2002.16 апр.

10. *Кузьмина Ю.* Лавка кузё (Хозяин лавки) // Удмурт дунне. 2004. 24 дек.

11. *Кузьмина Ю.* Сизьымсетоослэн шӵдонзы мургес (Предчувствие седьмого ребенка глубже) // Удмурт дунне. 2006. 20 окт.

12. ПМА – Полевые материалы автора 2006: Дебесский, Каракулинский, Граховский, Юкаменский районы.

13. ПМА – Полевые материалы автора 2005: Увинский район.

14. *Максимова О.* Ышоз ук Пазялэд бус сьӵкры… (Скроется твоя д. Пазял за туманом) // Удмурт дунне. 2007. 1 июня.

15. *Христолюбова Л. С., Христолюбов А. Л.* Этнополитические представления учащейся молодежи Ижевска (год 1997) // Идентификация идентичности. Т. 2. Этнополитический ракурс. – М., 1998.

16. В стороне Юкаменской / Сост. и один из авторов Н. Бушмелев. – Глазов, 2000. С. 72, 74–75.

17. *Богданова В.* Цош ужало, цош узы-борыяло (Вместе трудятся, вместе отдыхают) // Удмурт дунне. 2007. 20 нояб.

18. *Шкляев Ю.* Такагуртын бызе йӵлшур (В Такагурте текут молочные реки) // Удмурт дунне. 2004. 20 апр.

19. *Четкарёв О.* Байкузёысь бай кузё (Богатый хозяин из д. Байкузино) // Кенеш. 2007. № 2. С. 43–52

20. *Губогло М.Н., Смирнова С. К.* Феномен Удмуртии. Т. 9: Траектории деинфантилизации. Из опыта этнорегиональных исследований. – М.-Ижевск, 2006.

21. *Никитина Г. А.* Удмуртское село в условиях российских трансформаций: pro et contra // Наука Удмуртии. 2006, № 6. С. 49 – 64; 2007, № 1. С. 153 – 175.

Lyudmila Khristolubova

FAMILY HOUSEHOLD IN THE CONDITIONS OF TRANSFORMATIONS ON THE BRINK OF CENTURIES

In the conditions of modern social and economic transformations, the basis of physical survival of a rural family appeared to be its household, for strengthening of what all internal resources of a family were mobilized. The article considers concrete examples and shows the variety of ways of a family survival.

«Финно-угроведение», 2008, № 1

Александр Бобков
Ижевск

ЭТНИЧНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ МОЛОДЕЖИ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

В условиях современной социально-политической трансформации российского общества становится необходимым исследование комплекса вопросов, связанных с приобщенностью российских граждан к демократическим нормам, ценностям и традициям политической жизни. В настоящее время политическая активность и понимание населением законов функционирования демократии призваны играть важную роль в процессе выработки и реализации политического курса, определяющего в конечном итоге уровень социально-экономического развития общества. Вместе с тем, российское общество является многонациональным, состоит из представителей самых разных этнических и конфессиональных групп, которые, несмотря на формальное равенство, находятся в разных «весовых» категориях. В частности, как отмечают в своих работах М.Н.Губогло, В.Е.Владыкин, К.И.Куликов, Г.А. Никитина, С.К.Смирнова, И.К.Калинин на региональном уровне модернизационные процессы по-разному протекают среди представителей этнических групп. Для финно-угорских народов России на современном этапе характерным стало отставание в социально-экономической и политической сферах общественной жизни. Эти негативные тенденции нашли свое отражение даже в общем снижении численности финно-угорских народов в России, что сказывается на формировании положительного образа России в международном сообществе. Поэтому изучение вопросов, связанных с воздействием этнического фактора на политическую социализацию имеют не только теоретико-методологическое, но и важное прикладное значение.

Как известно, политическая социализация играет крайне важную роль в процессе усвоения обществом основ политической культуры. Эти две научные категории в рамках политической антропологии (потестарно-политической этнографии) и политологии являются ключевыми для понимания специфики этнополитического развития того или иного социального организма. Этнический фактор в современных условиях вновь начинает играть одну из ведущих ролей в политической жизни России и всего мира. В этой связи возрастает необходимость учета его в политической жизни, в том числе и в процессе политической социализации.

Все обозначенные выше проблемы в полной мере отражаются в развитии постсоветской Удмуртии. По словам В.Е.Владыкина Удмуртия – «сама многонациональная, поликонфессиональная, мультикультурная Россия в миниатюре» (1, с. 6). В зеркале удмуртской действительности отражаются как общероссийские тенденции, так и локально-региональная специфика, обусловленная воздействием этнического фактора.

Обращение к динамике численности самых крупных этносов, проживающих в Удмуртской Республике – русских, удмуртов и татар, свидетельствует о том, что со времени переписи 1989 г. количество русских в Удмуртии возросло с 58,9% до 60,1%, татар с 6,9% до 7,0%, а численность удмуртов сократилось с 30,9% до 29,5% (2, с. 71–87). Кроме того, для титульного этноса республики характерным является сохранение некоторых традиционных элементов социальной организации. Например, по данным переписи 2002 г. удмурты являются наименее урбанизированным этносом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Доля удмуртов в составе сельского населения достигает 55,7%, а их доля среди городского населения даже сократилась с 19,8% до 18,7%. Для современного удмуртского села актуальными остаются проблемы социально-экономической адаптации к новым рыночным условиям. Это порождает целый спектр негативных социальных явлений, таких как низкий уровень жизни, алкоголизация и суицид, рост деструктивного социального поведения. В то же время в современной Удмуртии именно жители сельских районов играют решающую роль в стабилизации политической системы республики, о чем свидетельствуют на фоне «урбанизированного абсентеизма» повышенная электоральная активность сельского населения (3). Все это убедительно свидетельствует о непреходящей роли этнического фактора в политической жизни Удмуртии.

В то же время для политической жизни Удмуртии остро стоит вопрос о паритетном этническом представительстве в органах государственной власти и управления. В частности, в представительном органе современной Удмуртии – Государственном Совете, первые выборы в который состоялись в 1995 г., количество депутатов-удмуртов постоянно сокращается, и это не смотря на повышенную электоральную активность удмуртов. Так, по данным М.В.Тенсина, среди постоянно участвующих в выборах в Государственный Совет русских – 40,54%, удмуртов – 52,56%, татар – 30,77% (4, с. 149). Если в 1995 г. доля депутатов-удмуртов составляла 16%, то в 1999 г. – 11%, а в 2003 г. – только 6% (в то время как русские в Государственном Совете созыва 2003 г. составляют 74%, а татары – 11%) (3, с. 116, 147, 169). Таким образом, представительство удмуртов в республиканском парламенте даже не пропорционально их численности. Вместе с тем, если обратиться к этническому составу Верховного Совета УАССР 80-х гг. XX в. (созывы 1980 и 1985 г, среди 200 депутатов удмурты составляли 48% и 47% соответственно), однако объясняется это использованием административно-командных методов в его формировании. В ВС УАССР 1990 г. их численность упала до 28%.

Таким образом, этническое представительство в органах власти и управления неадекватно отражает этническую структуру республиканского социума. В этой

связи многие исследователи обращали внимание на необходимость принятия комплекса государственно-правовых мер для изменения ситуации в сфере этнического представительства, в целях более справедливого участия представителей основных этнических групп в принятии ключевых социально-экономических и политических решений. Вместе с тем, ситуация в данной области является более сложной, поскольку удмурты, являясь самым активным электоратом республики, не всегда поддерживают во время выборов представителей своего этноса. Данная ситуация может оказывать прямое воздействие на самочувствие представителей титульной нации, в том числе молодежи, и на процессы политической социализации.

Удмуртская Республика может служить своеобразной моделью, характеризующей влияние этнического фактора на процесс политической социализации. В условиях затянувшегося переходного периода общество стремится опираться, порой даже бессознательно, на традиционные ценности, стереотипы поведения, морально-психологические установки, наработанные многовековым опытом. Поэтому этническая культура с разной степенью интенсивности оказывает свое влияние и на процесс восприятия подрастающими поколениями сложившейся в обществе политической культуры.

Политическая социализация, являясь составной частью общей социализации, начинается еще в детстве. В данном случае решающую роль оказывают те агенты политической социализации, с которыми происходит непосредственное взаимодействие формирующейся личности (семья, школа, «группы равных», «микросоциальное» окружение), здесь можно говорить о прямой политической социализации. В рамках прямой социализации происходит непосредственная передача информации, ценностей или мнений о политической жизни, месте, занимаемом тем или иным этносом. При косвенной социализации, агентами которой будут формализованные институты (СМИ, политические партии, национально-культурные объединения, религиозные институты), формирование политических взглядов и предпочтений происходит непреднамеренно, под воздействием личного опыта.

В рамках теоретических разработок отмечается, что большинство детей приобретают элементарные, но отчетливые политические установки и приобщаются к моделям политического участия еще в относительно раннем возрасте (5, с. 107). Некоторые из таких установок будут с течением времени эволюционировать и меняться, но другие могут оставаться частью политического «я» индивида на протяжении всей его жизни. Демократический опыт России и Удмуртии не сформировал еще устойчивую политическую культуру, в настоящее время она имеет ярко выраженную «советскую» модель политического участия, что связано с ограниченным периодом трансформационно-модернизационных изменений.

Семья призвана оказывать значительное социализирующее воздействие, формируя основы будущих политических ценностей, определяя место индивида в обширном социальном мире, устанавливая его этнические, языковые, классовые и религиозные связи и направляя его профессиональные и экономические устремления. В рамках семьи закладываются такие важные этносоциальные индикаторы,

как национальное самосознание, представления о своей этнической и классовой принадлежности, религиозные и идеологические приверженности и фундаментальное восприятие прав и обязанностей в обществе. Вместе с тем, отмеченные сложности оформления политической культуры общества не позволяют современной семье в полной мере выполнять свои социализаторские функции, поскольку взрослые еще сами в полной мере не адаптировались к современной политической системе. В определенной мере ситуация усугубляется перманентными и значительными изменениями избирательного законодательства и принципов функционирования политической системы.

В рамках школы, а если шире – системы обучения, воздействие этнического фактора может как ослабевать, так и усиливаться. В школе, как правило, прививаются общенациональные ценности и существующие в обществе общеобязательные правила и нормы (унифицирующая политическая социализация). В то же время именно в рамках школы происходит установление неформальных (личных) политических связей, играющих ощутимую роль в жизни каждого человека, которые могут носить как межнациональный, так и ориентированный на представителей своего этноса характер. Кроме того, образование разных этнических групп может весьма существенно отличаться. Примером тому служит разница между городским и сельским образованием и итогами поступления в вузы городских и сельских выпускников. Этностатистический анализ контингента студентов в вузах Удмуртии в 1998 году показал, что обучающаяся удмуртская молодежь в них составляет всего 23,9% (6, с. 376). А если учесть, что основная масса сельского населения Удмуртии – удмурты, то вывод о значительной специфике в политической социализации между представителями русского и удмуртского этноса очевиден. Отметим, что уровень образования влияет на предрасположенность к независимому мышлению, объективному анализу политической информации, более широкому участию в политической жизни.

Проявление этничности также ощутимо может прослеживаться и в «группах равных». К этой социальной категории относятся самые различные объединения (компании друзей, школьные или институтские однокашники, трудовые коллективы), члены которых тесно связаны между собой и имеют примерно равный статус. Для этих объединений характерно стремление придерживаться принятых в группе установок и моделей поведения. От этнического состава данных групп может зависеть и реальное содержание их политических предпочтений и ориентаций. В действительности группа равных социализирует своих членов, побуждая или даже заставляя придерживаться принятых в группе политических установок и моделей поведения. В данных группах люди усваивают политические ценности и установки потому, что хотят сохранить отношения с окружающими, стремятся походить на них, стараются поступать как они. В этой связи весьма показательны данные, которые приводит в своем исследовании И.Л.Поздеев: среди учащихся школ 97% русских, 70% татар и 86% удмуртов предпочитают иметь друзей своей национальности (7, с. 144).

Существующие религиозные ценности способны оказать заметное влияние на политическую жизнь, особенно тогда, когда представители этнических групп являются последователями разных конфессий (в Удмуртии русские и удмурты – в большинстве своем христиане, татары – преимущественно мусульмане). Этноконфессиональные особенности заметно проявляются в политической социализации, поскольку поддержка определенных политических сил напрямую бывает связана с этнической и конфессиональной принадлежностью избирателей.

В области СМИ этничность будет оказывать заметное воздействие на политическую социализацию только в том случае, если они исходят от различных этнических групп и имеют аудиторию, отделенную от остальных языковым барьером («национальные средства массовой информации»). В Удмуртии ситуация в области деятельности национальных СМИ сложилась весьма своеобразно. Для печатных СМИ на языках народов республики (удмуртов и татар) характерен достаточно широкий перечень изданий, но очень небольшой общий тираж. Воздействие электронных СМИ в настоящее время более ощутимо. Однако в этой области существуют очень характерные тенденции. Например, по оперативным данным Министерства национальной политики УР на телеканале «Моя Удмуртия» в 2002 г. доля телевизионного вещания на удмуртском языке составляла – 14,4%, на татарском – 3,4%, а в 2003 г. – на удмуртском – 17,5%, на татарском – уже 19,8%, в 2004 г. на удмуртском – только 11,3%, а на татарском – 21%! Напомню, что в 2003 г. после выборов в ГС УР численность депутатов-удмуртов заметно сократилась, а татар – существенно возросла, что может отчасти объяснить подобное «перераспределение» эфирного времени.

Деятельность многих политических партий также может основываться на этническом факторе. Так происходит, например, в США, где афроамериканцы являются электоратом демократической партии, а значительная часть латиноамериканцев – республиканской. В то же время общенациональные политические партии не в полной мере могут использовать этнический компонент, и он сам практически не проявляется в партийной деятельности, особенно в условиях современной России. В то же время для политической жизни УР в отдельные периоды было характерно использование агитационных материалов на языках народов республики. Дальше этого активность ведущих политических сил пока не распространяется.

Как следует из вышеизложенного, этнический фактор оказывает ощутимое воздействие на процесс политической социализации в рамках воздействия всех ее агентов. Этничность не утрачивает своего актуального воздействия на политическую жизнь, а, напротив, в условиях культурного и идеологического вакуума начинает играть одну из ведущих ролей. Поэтому без учета этнокультурных особенностей того или иного общества нельзя получить объективную картину, характеризующую современную политическую культуру и политическую социализацию.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Владыкин В.Е.* Вместо предисловия. «Куда мы живем?» // Феномен Удмуртии. – М.-Ижевск, 2002.

2. Национальный состав и владение языками, гражданство // Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т.4. Кн.1. – М., 2004.

3. Информационный сборник. Выборы в Удмуртской Республике 1994-2004 гг. // Справочное пособие для организаторов выборов и референдумов / Под общ. ред. В.А. Пономарева. – Ижевск, 2004.

4. *Тенсин М.В.* Феномен «неотрибализма» в контексте современной этнополитической жизни (конец XX – начало XXI вв.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ижевск, 2006.

5. *Алмонд Г.* Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. – М., 2002.

6. *Губогло М.Н.* Феномен Удмуртии. Парадоксы этнополитической трансформации на исходе XX века. – М., 2001.

7. *Поздеев И.Л.* Проблемы этнической социализации (на примере удмуртского этноса): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Ижевск, 2005.

Alexander Bobkov

NATIONAL CHARACTER IN THE CONTEXT OF POLITICAL SOCIALIZATION OF YOUNG PEOPLE IN REGIONAL LEVEL: TO THE STAGING PROBLEM

In the article the author considers the problems and peculiarities of political socialization in poly-ethnic region on the example of Udmurt Republic. The researcher comes to the conclusion that national character in modern world doesn't lose its own actual influence to the political life, and on the contrary, in the condition of cultural and ideological vacuum it begins to play one of the leading roles, including the process of perception growing generation in the society of political culture. And disregarding ethno-cultural peculiarities we can't receive objective scene, which characterizes the modern political situation.

«Финно-угроведение», 2008, № 1

Маргарита Кузнецова
Сомбатхей

СИСТЕМА ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПАДЕЖЕЙ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ*

В данной статье делается попытка проследить развитие системы пространственных падежей марийского языка, определить в ней место обстоятельственного падежа.

I. В современном марийском языке к местным падежам относятся: обстоятельственный (латив) на *-eš*, направительный (иллатив) с окончанием *-škV* и местный (инессив) с окончанием *-štV* (здесь и далее: V = е, о, ӧ, ы, ӹ). Первоначально направительное значение имели дательный и современный сравнительный падежи (1; 2; 3, с. 10; новую трактовку происхождения падежного окончания компаратива см. 4, с. 36).

Из истории марийского языкознания известно, что нормы марийского литературного языка относительно падежной парадигмы вырабатывались и устанавливались в 30-е годы XX века. На первой языковой конференции в 1937 г. в падежную парадигму марийского языка наряду с именительным, родительным, дательным и винительным падежами был включен обстоятельственный падеж (по-марийски *умландарыме*) со всеми тремя способами пространственной ориентации (*кушто?* 'где', *кушеч?* 'откуда' и *кушко? кушан?* 'куда'), включая и послеложные конструкции. В 1938 году падежная система марийского языка была уподоблена парадигме русских падежей, т.е. были включены творительный и предложный падежи с послелогами *деке* 'к', *дене* 'с', *деран* 'у, около', *деч* 'от', *нерген* 'о', *гыч* 'из'. В 1953 году во время второй языковой конференции был принят проект Н. Пенгитова, по которому в систему пространственных падежей вошли инессив (*кушто?* 'где'), иллатив (*кушко?* 'куда') и латив или обстоятельственный падеж с вопросами *кушан? кушак?* Обстоятельственный падеж при переводе на русский язык мог обозначать как направление, так и место (5, с. 217). После этой конференции вопрос о местных падежах в марийском языкознании официально не рассматривался. На современном этапе развития марийского литературного языка можно было бы вопрос о пространственно-местных падежах снова поставить на повестку дня и предложить

---

* Статья является переработкой и обобщением статей автора о пространственных падежах марийского языка (см. 30, 31).

включить в их систему аблатив с падежным окончанием *-leč* и элатив с окончанием *-γəč*, который раньше являлся падежным окончанием (см. подробно 4, с. 40–43).

Марийские пространственные падежи в качестве самостоятельных выделены впервые в грамматике М. Кастрена (6). Он различал местный (Inessiv), направительный (Illativ) и отделительный падежи (Elativ) с окончанием *-kic (-γəč)*. Финский ученый А. Алхониеми, исследователь марийских местных падежей, подчеркивает, что авторы грамматик по-разному трактовали вопрос о пространственных падежах: 1) каждый местный падеж определялся ими как самостоятельный; 2) выделялся один общий пространственный падеж, а окончания конкретных падежей объяснялись как его варианты; 3) описательные грамматики, как, например, первая грамматика марийского языка (1775 г.), не выделяли пространственные падежи в качестве самостоятельных, 4) послелоги рассматривались как отдельные окончания местных падежей (7, с. 12–13). Но, в целом, в грамматиках марийского языка речь шла о четырех пространственных падежах: лативе, иллативе, инессиве и элативе.

Трудности для составителей грамматик в отношении пространственных падежей вызывало: во-первых, сосуществование двух направительных падежей – латива с окончанием *–eš* (краткая форма *-š* встречается в луговом наречии после ударных гласных *-a, -e*), например: марЛ *ялеш/олаш шочынам* 'я родился/-ась в деревне/городе') и иллатива с окончанием *-škV* [краткая форма *-š*] (например: марЛ *ялыш(ке)/олаш(ке) каем*, марГ *солаш(кы)/халаш(кы) кем* 'я иду в деревню/город'), функции которых зависят от управления глаголов; во-вторых, так называемые послеложные падежи, особенно в случае с падежом на вопрос *откуда?* (марЛ: *ял гыч* 'из деревни', *ачай деч* 'от отца', марГ: *пӧрт гӹц* 'из дома', *пӧрт дорц* 'от дома'), где каждый послелог рассматривался как отдельное падежное окончание; в-третьих, наличие застывших падежных форм, так называемых непродуктивных падежей, образующих в марийском языке стройную четырехчленную парадигму пространственных падежей (*где? куда? откуда?*) и включающих в себя как лативные, так и иллативные формы:

	марГ		марЛ	
инес.	*доны* 'у, около'	*кӱшны* 'наверху, вверху'	*дене* 'у, около'	*мӹндырнӧ* 'далеко'
иллат.	*докы*	*кӱшкы*	*деке*	*мӹндыркӧ*
лат.	*доран*	*кӱшан*	*деран*	*мӹндыран*
абл.	*дорц(ын)*	*кӱшӹц(ӹн)*	*деч(ын)*	*мӹндырч(ын)*

II. Из истории развития марийских падежей известно, что в марийском праязыке имелось большее количество местных падежей: четыре лативных, два локативных и один аблативный (8, с. 104–110; 9, с. 45). И. Галкин реконструирует шесть случаев для латива, два для локатива, один для аблатива (2, с. 24). Развитие пространственных падежей приблизительно можно представить следующим образом:

ф.-у.		*прамарийский* (по Галкину)		*совр. марийский*[1]	
1. **латив I**	****ń***	лат.	****n***	латив-датив[4]	***-lan***
2. **латив II**	****k***	лат.	****k***	**иллатив**	***-š(kV)***
3. ф.-в. латив	****s***	иллат.	****š***	**латив**[2]	***-eš***
4. ф.-п.	****l***	аллат.	****la***	*аппроксиматив*	*-(š)kə̑la*
		лат.	****a***		
		лат.	****e***	*терминатив*	*-šken*
1. **локатив I**	****na/nä***	локатив	****ne***		
2. **локатив II**	****t***	локатив	****te***	**инессив**[3]	***-štV***
1. **аблатив**	****ta/tä***	аблатив	****t***	*аблатив*[4]	*-leč*
				элатив	*-šeč*

Из этого напрашиваются следующие выводы:

1) по сравнению с финно-угорским праязыком современная система местных падежей марийского языка претерпела процесс сокращения. Сокращение количества местных падежей, точнее, невключение определенных пространственных падежей в падежную парадигму следует объяснить влиянием учебников по грамматике русского языка, на основе которых строилась и развивалась грамматика не только марийского языка, но и других нерусских языков, количество падежей в них подгонялось к шести падежам русского языка;

2) падежная система марийского языка не проводит четкой границы между внутренне- и внешнеместными падежами, хотя различие в падежных окончаниях существует, см., например, окончания аблатива и элатива или иллатива и латива-датива. Сравнивая окончания современных пространственных падежей с оконча-

---

[1]Из непродуктивных падежных окончаний приведены элатив, аблатив, терминатив, аппроксиматив. Последний падеж Г. Берецки вводит в падежную парадигму марийского языка (10, с. 31).

[2] Э. Итконен придерживается мнения, что лативный суффикс *-eš* развился в определенных семасиологических условиях из краткой формы иллатива, которому предшествует редуцированный гласный, например, иллатив: *кидыш* > латив: *кидеш* (Itkonen 11, с. 110; см. также 4, с. 34); по Алхониеми, лативное окончание *-eš* = *s*-овый латив (7; ср. 2, с. 23).

[3] Марийский инессив имеет в финно-угроведении две трактовки. По традиционной точке зрения, *-st-* < *-sn-* (12, с. 116; 13, с. 258; 4, с. 40), хотя Берецки в своей монографии об основных чертах истории марийского языка пишет, что переход *-sn-* > *-st-* в марийском является своеобразным, в качестве примера приводит только три слова с подобным звукопереходом, а именно: *писте* 'липа', *шиште* 'дятел', *висте* 'полба' (14, с. 45). Вторая точка зрения представлена учеными бывшей советской лингвистической школы, по мнению которых окончание инессива образовано из двух суффиксов: из лативного/иллативного **s* и локативного **t* (см. 15, с. 252; 9, с. 45; 16, с. 26; 2, с. 22; о возможности существования *t*–ового локатива в финно-угорских языках см. 17, с. 121; 18, с. 297-298).

[4] Коаффикс *-l-* восходит к протоуральскому отыменному суффиксу имён **la/lä*, который уже в финно-угорское время выполнял локальную функцию (15, с. 260–262; 13, с. 259). Об аблативе в марийском языке см. дополнительно работы А.Алхониеми (19; 20; 21).

ниями непродуктивных падежей, сохранившихся в наречных и послеложных формах, можно установить следующие соответствия (примеры приводятся для непродуктивных падежей, за исключением **-šeč ↔ leč**):

-štV ↔ -(l)nV: марЛ: *ӱлнӧ* 'внизу', *ӱмбалне* 'наверху', марГ, марСЗ: *покшалны* 'посреди, в середине', *велны* 'в стороне', *шайылны* 'сзади, за',

-škV ↔ -(l)kV: марЛ: *ӱлык(ӧ)* 'вниз', *ӱмба(л)к(е)* 'на поверхность чего-л., наверх', марГ: *покшакы* ~ марСЗ: *покшалкы* 'на середину', *велкы* 'в сторону', *шайылкы* 'назад, за, в отсутствии',

-šeč (= в совр. марийском послелог *-ɣəč*) **↔ *-leč*/-(*l*)*č*(*ən*)**: марЛ: *тушеч* ↔ *тулеч, тышеч* ↔ *тылеч*; марЛ: *ӱлыч(ын)* 'снизу', *ӱмба(л)ч(ын)* 'сверху', марГ: *покшац(ын)* ~ марСЗ: *покшалц(ын)* 'посередине, из середины», *велц(ӹн)* 'со стороны', *шайылц(ын)* 'за, из-за, в отсутствие чего-либо',

-eš ↔ -(l)an: марЛ: *ӱлан* 'вниз', *ӱмбалан* 'наверх', марГ, марСЗ: *покшалан* 'посередине', *велӓн* 'на стороне', *шайылан* 'за'.

В марийском языке в современных пространственных падежах, выполняющих функции как внутри-, так и внешнеместной ориентации, выступают как финно-волжский лативный суффикс **s*, так и финно-пермский коаффикс **l*. Из таблицы видно, что элемент *-s-* присоединялся большей частью к окончаниям местных падежей, выражающих внутрипространственные отношения (иллатив, латив, инессив, элатив), в то время как *l*-овый падежный суффикс сохранился в составе падежных окончаний аблатива, латива-датива, аппроксиматива, и его часто можно встретить в окончаниях застывших наречных и послеложных форм, выражающих в основном внешнепространственные отношения (см. выше);

3) падеж, отвечающий на вопрос *откуда?*, на языковой конференции 1953 г. не был включен в падежную систему марийского литературного языка при распространенности, например, аблатива в диалектах: марЛ: *аватлеч* 'от твоей матери', *ачатлеч* 'от твоего отца', марСЗ: *салтаклец кодым* 'освобожден от армии, букв. остался от солдата', марВ: *мӱлеч, сакырлеч тутло шочшем* 'слаще меда, сахара мой родненький' и т.д. По мнению Е. Коведяевой, суффикс *-леч/-лец* в прошлом мог быть общемарийским, о чем свидетельствуют и сочетания марЛ: *тылеч посна, тулеч посна*, марГ: *тӹлец анзыц, тӹлец пасна, тӹлец вара* (см. подробно 22, с. 96–97);

4) на основании таблицы можно предположить, что иллатив с окончанием *škV*, латив на *-eš* и аппроксиматив образовались несколько позже, уже после сложения падежей с *l*-овым и *s*-овым элементами, потому что данные элементы в лативе и аппроксимативе не выступают в качестве первого основного компонента, а в окончании иллатива элемент *-k* не является обязательным. Относительно аппроксимативa следует подчеркнуть то обстоятельство, что форма *-škə̑la* характерна только для имен существительных, к формам наречий места с *k*-овым и *eš*-овым лативом присоединяется непосредственно окончание *-la*: ***ончыкыла***, ***ӱлыкыла***, ***кӱшкыла***, ***покшекыла***, ***мӧнгешла***, ***вашгарешла*** и т.д. Нельзя оставить без внимания и тот факт, что в отдельных говорах восточного наречия вместо данного суффикса в

наречиях с *k*-овым лативом используется лативный суффикс *-eš*: марЛ *ӱлыкыла* ~ марВ *ӱлӄеш* 'вниз', *кӱксеш* 'вверх': *немнан урем ӱлӄеш тайыл* 'наша улица идет под гору' (22, с. 105). Данное обстоятельство является своего рода подтверждением тому, что первончальный вариант лативного суффикса был *-eš*, его краткая форма *-š* после ударной гласной *-a-* в луговом наречии предстявляет собой продукт более позднего развития.

III. Развитие и образование как внутриместных падежей в марийском языке (латив на *-s* [иллатив на *-skV*], инессив на *-stV*, элатив на *-sta*), так и внешнеместных (*-lkV, -lnV, -lta*) – современные наречные формы были когда-то самостоятельными именами существительными, обозначающими пространственные понятия, и только благодаря пространственным падежным окончаниям они со временем перешли в разряд наречий – я рассматриваю как развитие единой системы путем сложения к *s*-овому и *l*-овому элементам финно-угорских суффиксов латива, локатива, аблатива. В данном случае для марийского инессива второй путь развития – присоединение *t*-ового локатива к *-s-* – логичо считать более вероятным, чем переход ф.-в. *-sn-* на марийской почве в *-st-*. Предпочтение в выборе *t*-ового локатива можно объяснить, во-первых, его первоначальной внутренней ориентацией, во-вторых, наличием *t*-ового локатива в соседних чувашском и татарском языках и, в-третьих, сохранением *n*-ового локативного суффикса за словами с внешнепространственной ориентацией. Относительно элатива с окончанием *-sta*, следы которого сохранились в марийском языке, можно сказать, что он не смог развиться до самостоятельного падежа из-за послелога с аналогичной семантикой. Аблатив на *-lta* в современном марийском языке замещается конструкцией с послелогом марЛ *деч* ~ марГ *дорц*.

В связи с развитием внутриместных пространственных падежей в отдельных финно-угорских языках я хотела бы напомнить бинарную оппозицию Корхонена – маркированность ↔ немаркированность, по которой финно-волжский *s*-овый падеж первоначально не был маркированным, и маркированные инессив и элатив возникли присоединением окончаний локатива *-na* и аблатива *–ta*, падеж с «голым» *-s* получил собственно лативную функцию. Это подтверждается тем, что сложный суффикс иллатива среди внутриместных падежей, по мнению Корхонена, является самым молодым. Он пишет, что сложное окончание иллатива типа *-s* + *-n* встречается только в прибалтийско-финских языках и в саамском (в частицах также в мордовском), в то время как инессив *-s* + *-nз* имеется во всех финно-волжских языках, а элатив с окончанием *-s* + *-tз* кроме марийского в остальных языках (относительно марийского см. выше). По его мнению, марийский иллативный суффикс *-škV* восходит ко времени самостоятельного развития марийского языка (12 с. 116; 3, с. 14). Относительно марийского иллатива следует подчеркнуть, что его окончание *-škV* не оформилось окончательно, иллатив – единственный пространственный падеж, имеющий два варианта окончаний, краткий *š*-овый вариант (марЛ: *школыш* 'в школу', *пашаш* 'на работу', *пӧртыш* 'в дом', марГ: *кудывичӹш* 'во

двор', *сола́ш* 'в деревню' и т.д.) и полный с *-škV* (*школы́шко, пашашке, пӧртышкӧ, кудывичы́шкы, солашкы* и т.д.), из которых более употребительной является краткая форма (о краткой форме латива, или обстоятельственного падежа, можно говорить только в случае слов с ударными конечными *-а, -е* в лугово-восточном литературном варианте, не носит характер общемарийского явления).

IV. Марийский обстоятельственный падеж (латив на *-eš*). Данный падеж в системе марийских пространственных падежей (см. местный, направительный, обстоятельственный) является своеобразным падежом (23, с. 161–275; 24, с. 105–114; 25, с. 292–322). О древности формы *-eš* говорит:

во-первых, то, что в горном наречии независимо от конечной гласной используется одно падежное окончание *-eš*, и оно, как и в северо-западном наречии марийского языка, может присоединяться как к неодушевленным, так и к одушевленным существительным;

во-вторых, в луговом и восточном наречиях выступает также вариант *-eš* кроме слов с конечными ударными *-а, -е* (о форме на *-š* как результате позднего развития см. выше);

в-третьих, *eš*-овый обстоятельственный падеж в прошлом имел широкое распространение, об этом свидетельствуют многие наречные и послеложные формы, как, например, марСЗ: *ӱлеш* 'вниз': *сала ӱлеш кейӹш* 'ушел в нижний конец деревни', *пӧрйенгвлӓшт ӱлеш ӧлицӓ вокте кеӓт* 'мужчины идут вниз по улице', *велеш* 'на стороне, к': *шӹжӹ велеш тӧркем кем* 'к осени поеду домой', *кӱшеш* 'вверх, в верхний конец': *ӧлицӓ кӱшеш кейӹш* 'ушел в верхний конец улицы' (26, с. 117), *изи ервезӹ, ӓвӓжӹм кӹцкӹрен, сала кӱшеш кейӓ* 'маленький мальчик, зовя мать, идет в верхний конец деревни', *кӱсеш* 'взаймы': *оксам кӱсеш пу* 'дай денег взаймы', *ӹшкетеш* 'на одного, одному': *тλ оксат дӧн ӹшкетеш ситӓ питӓйӓш* 'этих денег хватит одному питаться', *йӹреш* 'вокруг, в окрестностях': *ала йӹреш пӧртым шӹнтем* 'в окрестностях города посторю дом', *угеш* 'в долг': *оксам угеш нӓлӹнлам* 'я взял деньги в долг' (27, с. 251, 30, 103, 304, 68, 242), далее: *мӧнгеш* 'обратно', *тореш* 'около, близ, у, напротив, поперек, наперекор', *ваштареш* 'против, вопреки, перед, под, к', *олмеш ~ вӓреш* 'взамен, вместо', *вашеш* 'к, перед, под', *пӱтнеш* 'за, вместо' (2), марГ: *шотеш* 'за, вместо, в счет', *пачеш* 'позади, сзади, следом, вслед', *годеш* 'на, на время', *лӹмеш* 'имени кого-то, в честь кого-то, во имя кого-, чего-л.', *тӓреш* 'вместо, за, взаймы', *тӧреш* 'вровень с кем-л.', *кымдыкеш* 'везде, кругом, на весь округ, по всей площади', *анеш* 'наоборот; позади, за, обратно, назад, дальше', *курымеш* 'вечно, навеки, навечно', *кӹзӹтеш* 'на время, пока', *уэш* 'снова, заново, вновь', *пыйыртеш* 'ненадолго, на момент', *шукеш* 'надолго', *жепеш* 'на время, ко времени', *выртеш* 'на минуту, на момент', *вадеш* 'вечером', *тӱэш: тӱэш кодаш* 'оставаться без внимания, в стороне', *туреш* 'про себя, самостоятельно', *такеш* 'даром, бесплатно, напрасно', *кукшеш: кукшеш кодаш* 'остаться сухим', *иктеш* 'заодно, вместе', *йрӹмеш* 'взаймы, в долг', *кӧргеш* 'внутри', марЛ: *эпере ~ эпереш* 'напрасно' (большинство из перечисленных горномарийских слов имеют параллели в луговом наречии).

Происхождение марийского обстоятельственного падежа, или латива, учеными финно-угроведами трактуется по-разному (см. выше). На мой взгляд, при объяснении его происхождения следует исходить из бинарной оппозиции Корхонена и рассматривать два марийских лативных падежа в оппозиции к друг другу по маркированности ↔ немаркированности. В данном случае можно предположить,

1) что *s*-овый латив вначале был немаркированным, тогда для выражения конкретной внутриместной ориентации *s*-овый элемент присоединился к *e*-овому лативу (см. систему прамарийских лативных падежей по Галкину). Но так как значение последнего уже первоначально было внутриместным, то элемент *-s* примкнул не спереди, как ожидалось, а с конца, аналогично присоединению *s*-ового латива в марийском инфинитиве *-aš*. Лативный *-s* как бы помог древнему лативному суффиксу *-e* «вписаться» в систему внутриместных *s*-овых падежей и сохранить при этом свое внутриместное значение по сравнению с марийским иллативом, оставшимся, пользуясь терминологией Корхонена, «немаркированным лативом» в парадигме пространственных падежей марийского языка. Данное предположение является своего рода поддержкой мнения Галкина, по которому окончание обстоятельственного падежа восходит к лативному окончанию *-e* (2, с. 23). По Галкину, в марийском языке латив на *-e* не развился в самостоятельный падеж, но сохранился в наречиях и послелогах, как, например, марЛ: *веле* 'на, к, при', *вере* 'в каком-то месте', *кокыте ~ кокте* 'надвое, пополам', *тупе* 'обратно', *тупе-тупе ~ тупа-тупа*, *тупе-ваше* 'спиной к спине, спина к спине', *пеле* 'наполовину', *йыгыре* 'рядом', *поче-поче* 'друг за другом, вслед', марГ: *вäре-вäре* 'вразброс, местами, кое-где', *туре* 'около, напротив': *тыды пӧрт туре шагалеш* 'он останавливается около, напротив дома', марСЗ: *вокте* 'возле, около, подле, у': *йенвлä ӧлицä вокте кейäт* 'люди идут по улице', *йаре* 'вперемешку, вместе', *парше-парше* 'друг за другом, вслед', *парше* 'еже-, изо-': *кецы парше каштеш* 'ходит ежедневно', *тенге* 'в эту сторону, поближе, по эту сторону': *ме аты тенге толына* 'мы идем по эту сторону леса' и т.д.);

2) в случае с вышеперечисленными словами на *-e* (*веле, вере, тупе, йыгыре, поче, туре* и т.д.) можно допустить, что они с первоначальной ауслаутной гласной *-e* раньше обозначали также место. После отпадения конечной гласной у них гласная *-e* сохранилась для определения места, и данная функция впоследствии была зафиксирована лативным элементом **s* (эту мысль высказал во время консультации Я. Пустаи, за что я ему благодарна), или иначе, развитие окончания *-eš* как бы связывается с переразложением слова, когда «конечный гласный основы стал мыслиться как составная часть суффикса» (5, с. 203). Позднее с тем, чтобы разграничить *s*-овый «немаркированный» латив от *es*-ового латива, к немаркированному лативу примкнул древний лативный суффикс *-k*, но только факультативно, аналогично присоединению *k*-ового латива к *l*-овому коаффиксу;

3) представляется возможным и другой путь развития окончания марийского обстоятельственного падежа, а именно: *še > eš*, т.е. лативный *-s* и в этом случае (ср. инессив, элатив) выступал как бы в качестве первого основного элемента при

образовании сложного окончания. Здесь параллель можно провести с развитием окончания *-eš* 3 лица ед. числа глаголов первого спряжения из формы активного причастия: *лудеш* 'читает' < *лудшо*, *толеш* 'приходит' < *толшо*, *модеш* 'играет' < *модшо* и т.д. Интересным с этой точки зрения является слово *вλше* 'друг на друга' (28, с. 241), имеющееся в северо-западном и горном наречиях (по Беке: J V K) (см. также *вλше-вλше* 'друг на друге': *кинде вл̈ше-вл̈ше кият* 'буханки хлеба лежат друг на друге', *вл̈шела ~ вӹшелӓ* '1. друг на друга, одно на другое, взаимно, один за другим; 2. название одного из узоров вышивки', например, *вӹшелӓ шагалда* 'вставайте друг за другом', *меленӓм вӹшелӓ идӓ опты* 'не кладите блины друг на друга', *йӹгӹре агыл, а вл̈шелӓ опташ* 'не рядом, а одно на другое складывать'), суффикс *-še-* которого можно было бы рассматривать как первоначальный варинат окончания латива.

Сохранение обстоятельственного падежа в падежной парадигме марийского языка было обусловлено, в первую очередь, управлением глаголов, которые по древней традиции требовали данного падежа. Развитие конкретной локализации, пространственных падежей с вопросами *где? куда? откуда?* в целом связано с управлением глаголов, с их семантической наполненностью, или иначе, управление глаголов материализуется в падежных окончаниях (29, с. 103–107). В марийском языке из двух внутриместных падежей *s*-овый латив (современный иллатив) позднее начал выполнять функции и внешнеместной ориентации, чем, с одной стороны, объясняется и присоединение к нему *k*-ового латива. Факт, что в марийском языке имеется или сохранилось два лативных падежа, не вызывает удивления, т.к для финно-угорских языков всегда было характерно наличие большего количества лативных падежей по сравнению с локативными и аблативными (12; 3).

Относительно развития функций современного иллатива и латива А. Алхониеми подчеркивает, что они возникли во время самостоятельного развития марийского языка. Функции лативных форм по сравнению с функциями иллатива разнообразны, основная функция – передача места появления и его изменения, а также многочисленные модальные функции, в то время как иллатив выражает в первую очередь переход действия с одного места на другое или его направление (7).

СОКРАЩЕНИЯ

абл. – аблатив
иллат. – иллатив
инес. – инессив
лат. – латив
марВ – восточное наречие марийского языка
марГ – горное наречие марийского языка
марЛ – луговое наречие марийского языка
марСЗ – северо-западное наречие марийского языка
ф.-в. – финно-волжский
ф.-п. – финно-пермский
ф.-у. – финно-угорский

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Часть I. – Йошкар-Ола, 1964.

2. *Галкин И.С.* Марий йылмын исторический грамматикыже. Морфологий да синтаксис. – Йошкар-Ола, 1986.

3. *Korhonen M.* Entwicklungstendenzen des finnisch-ugrischen Kasussystems // FUF. 43. – Helsinki, 1979.

4. *Bereczki G.* A cseremisz nyelv történeti alaktana // SLVR. Suppl. I. – Debrecen, 2002

5. *Иванов И.Г.* История марийского литературного языка. – Йошкар-Ола, 1975.

6. *Castrén M.A.* Elementa grammatices Tscheremissae. – Kuopio, 1845.

7. *Alhoniemi A.* Über die Funktionen der Wohin-Kasus im Tscheremissischen // MSFOu. 142. – Helsinki, 1967.

8. *Серебренников Б.А.* О современной и древней системе марийских падежей // Вопросы марийского языкознания 1. – Йошкар-Ола, 1964.

9. Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. – М., 1976.

10. *Bereczki G.* Chrestomathia Ceremissica. – Budapest, 1990.

11. *Itkonen E.* Beobachtungen über die Entwicklung des tscheremissischen Konjugationssystems // MSFOu. 125. – Helsinki, 1962.

12. *Korhonen M.* Merkmalhaftigkeit und Merkmallosigkeit in den finnisch-ugrischen Lokalkasussystemen // CTIFU. Pars I. – Tallinn, 1975.

13. *Rédei K.* Zu der Geschichte des PU-PFU Kasussystems. Die Rolle der Koaffixe in der Herausbildung der Deklination // Acta Universitatis Studia Uralica Upsaliensia 26. Lapponica et Uralica. 100 Jahre finnisch-ugrischer Unterricht an der Universität Uppsala. Vorträge am Jubiläumssymposium 20-23.April 1994. – Uppsala, 1996.

14. *Bereczki G.* Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte I. Studia Uralo-Altaica 35. – Szeged, 1994.

15. Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. – М., 1974.

16. *Галкин И.С., Мустаев Е.Н.* Финно-угроведенийын негызше. Морфологий. Синтаксис. Лексика. – Йошкар-Ола, 1984.

17. *Hajdú P.* Bevezetés az uráli nyelvtudományba. – Budapest, 1966.

18. *Хайду П.* Уральские языки и народы / Перев. с венгерского Е.А. Хелимского. – М., 1985.

19. *Alhoniemi A.* Über die distributive Verwendung der tscheremissischen Postposition -*ɣəč* // CSIFU. Pars I. – Helsinki, 1968.

20. *Alhoniemi A.* Zum Gebrauch der Woher-Kasus in der marischen Komparation // CTIFU. Pars I. – Tallinn, 1975.

21. *Alhoniemi A.* Zur Verwendung der Trennungskasus im Tscheremissischen // FUF. 42. – Helsinki, 1977.

22. *Коведяева Е.И.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. Марийский язык. – М., 1987.

23. *Beke Ö.* Finnugor határozós szerkezetek // NyK. 43. – Budapest, 1914.

24. *Fuchs D.R.* Übereinstimmende Lativkonstruktionen in den finnisch-ugrischen und türkischen Sprachen // MSFOu. 67. – Helsinki, 1933.

25. *Fuchs D.R.* Übereinstimmungen in der syntax der finnisch-ugrischen und türkischen sprachen // FUF. 24. – Helsinki, 1937.

26. *Иванов И.Г., Тужаров Г.М.* Северо-западное наречие марийского языка. Диалекты марийского языка. Выпуск I. – Йошкар-Ола, 1970.

27. *Иванов И.Г., Тужаров Г.М.* Словарь северо-западного наречия марийского языка. Диалекты марийского языка. Выпуск II. – Йошкар-Ола, 1971.

28. *Beke Ö.* Mari nyelvjárási szótár (Tscheremissisches Dialektwörterbuch) I: *a- ß(b)* // Bibliotheca Ceremissica, Tomus 1. – Savariae, 1997.

29. *Pusztay J.* Diskussionsbeiträge zur Grundsprachenforschung (Beispiel: das Protouralische) // VDSUA. 43. – Wiesbaden, 1995.

30. *Kuznecova M.* Das tscheremissische Lokalkasussystem im Vergleich mit dem ungarischen // MANYE. A nyelv mint szellemi és gazdasági töke II. A VIII. Magyar Alkalmazott Nyelveszéti Konferencia elöadásainak gyüjteményes kiadása. 1996. aprilis 16-18. – Szombathely, 1999.

31. *Kuznecova M.* Das tscheremissische Lokalkasussystem // Specimina Sibirica. T. XVI. Zur (Morpho)-Syntax der uralischen Sprachen. Materialien zweier Konferenzen über *Die (Morpho) Syntax der uralischen Sprachen* (Szombathely, Oktober 1997, 1998). – Szombathely, 2001.

Margarita Kuznetsova

SYSTEMS OF SPATIAL CASES IN THE MARI LANGUAGE

In the article the author makes an attempt to track development of system of spatial cases in the Mari language, to define the place of adverbial case in it. The researcher presented short information from the history of definition of case paradigm in whole. Paradigm of locative cases in Mari Grammars set up on the Russian language influence. The Mari language hasn't clear boundary between internal- and external locative cases. Illative with the -škV, lative with the -eš, approximate with -šk*ə̑*la are formed later, after adding cases with l- and s-elements. Forming both internal (-s, -skV, -stV, -sta), and external (-lkV, -lnV, -lta) forms presents development of single system - adding to s- and l-elements of Finno-Ugric suffixes of lative, locative and ablative. The ending of illative -skV doesn't take shape completely, and elative with -sta couldn't develop as a independent case because of presence of postposition with the same semantic. In order to explain the origin of ancient lative with -eš we ought to issue from M. Korhonen's theory of binary opposition of marking and non-marking. Keeping of this case in the case system depend on verb direction. The author offers to include ablative with the ending -leč and elative with -γ*ə̑*č to the system of Mari spatial and locative cases.

«Финно-угроведение», 2008, № 1

Дмитрий Казанцев
Йошкар-Ола

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ СУФФИКСОВ *-ВЛАК* И *-ВЛӒ* В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Суффикс *-влӓ* встречается главным образом в горном наречии. Здесь он является единственным показателем множественного числа и употребляется: 1) для выражения множества однородных предметов: *эдемвлӓ* 'люди'. В этом случае суффикс *-влӓ* по значению и употреблению совпадает с показателями множественного числа *-шамыч* и *-влак*; 2) для выражения групповой множественности: *ӓвӓмвлӓ* 'моя мать и те, кто с ней'. Кроме горного наречия, суффикс *-влӓ* наблюдается в отдельных говорах северо-западного наречия и выражает обычно множественность однородных предметов: *имнивлӓ* «лошади». В этом заключается разница между горным и северо-западным наречиями в употреблении суффикса *-влӓ*. Помимо *-влӓ*, в северо-западном наречии имеются и другие показатели множественного числа: *-шамыч* (*-шаҷ*), *-мыт* (*-мӹт*), *-ла* (*-лӓ*), *полык* (1, с. 100–102). Это, естественно, ограничивает сферу употребления суффикса *-влӓ* в северо-западном наречии по сравнению с горным.

Суффикс *-влак* является одним из показателей множественного числа в марийском литературном языке. Он встречается в говорах восточного наречия и имеет широкий спектр грамматических значений:

1) выражает множество однородных предметов: *ешʼ-влак* 'люди', *книга-влак* 'книги'. В этом значении суффикс *-влак* по употреблению совпадает с суффиксом *-шамыч* литературного языка;

2) выражает групповую множественность: *авам-влак* 'моя мать и те, кто с ней'. В литературном языке и отдельных марийских говорах значение групповой множественности передается при помощи суффикса *-мыт*;

3) используется для совокупного обозначения жителей того или иного населенного пункта или целой территории, расположенной вокруг него. В этом значении *-влак* присоединяется к названию населенного пункта: *бор-влак* 'жители дер. Бор' (2, с. 82). Типологически сходное употребление характерно также для суффикса *-шамыч* в некоторых говорах лугового наречия: *шернур-шамыч* 'жители Сернура (или Сернурского района)'.

В отдельных говорах восточного наречия (к таким можно отнести елабужский и малмыжский) вариантом суффикса *-влак* является *-лак*, ср. елаб. *кийарлак* 'огурцы'

(3, с. 70–71); малм. *комбулак* «гуси» (4, с. 74). В елабужском и малмыжском говорах суффикс *-лак* может присоединяться к вещественным и отвлеченным существительным, которые в литературном языке, как правило, употребляются только в форме единственного числа: елаб. *ойго* 'горе' – *ойголак* (3, с. 71); малм. *вӱт* 'вода' – *вӱтлак, могһремлӓк коршtат* 'тело (мое) ноет' (4, с. 74). Суффикс *-лак* встречается в речи жителей некоторых деревень Мари-Турекского района, объединенных Л.П. Грузовым в сардаяльско-арборский говор. Здесь местоимение 3-го лица множественного числа в отличие от литературного языка, в котором оно представляет собой супплетивную форму (ср.: *тудо* 'он, она, оно' – *нуно* 'они'), образуется от местоимения 3-го лица единственного числа при помощи суффикса *-лак*: *тһдһ* «он, она, оно» – *тһдһлак* 'они' (5, с. 147). Типологически сходные образования характерны и для венгерского языка: *ö* 'он' – *ök* 'они'.

Относительно происхождения суффиксов *-влак* и *-влӓ* существуют разные мнения. Все предшествующие исследователи считали *-влак* и *-влӓ* вариантами одного и того же показателя множественного числа. Этот подход сделал проблему их происхождения почти неразрешимой.

История вопроса

Насколько нам известно, впервые к проблеме происхождения *-влак* и *-влӓ* обратился Э. Беке. Он в своей «Черемисской грамматике» писал, что они восходят к самостоятельному слову, которое, как показывает *-влӓ* в горном наречии, было переднерядным, а конечный *к*, сохраняющийся в восточном наречии, был утрачен (6, с. 171). Почти одновременно с Э. Беке вопрос об истории *-влак* и *-влӓ* исследовал Ю. Вихман. Он, как и Э. Беке, был убежден, что эти суффиксы восходят к самостоятельному слову. Таким словом, по его мнению, могло быть горномарийское *пӱлӓ* 'много, значительно, порядочно', на базе которого в речи горных марийцев развился суффикс *-влӓ*, в восточном наречии к нему присоединился согласный *-к*, представляющий собой усилительную частицу: *βlак* < *βla-ак* (7, с. 17). Идею о генетической связи суффиксов *-влак* и *-влӓ* с самостоятельным словом *пӱлӓ*, которому в финском языке соответствует *paljon* 'много' (ср. также тамиль. *pala* 'много; разный'), позднее высказывал А. Аттин. Но он, в отличие от Ю. Вихмана, конечный *-к* в суффиксе *-влак* считал не усилительной частицей, а элементом множественного числа, который сохранился в венгерском и саамском языках. Фонетическое изменение *пӱлӓ* → *влӓ* А. Аттин объяснял следующим образом: глухой согласный *п* в интервокальном положении и после сонорных превратился в звонкий *в*, а гласный *ӱ*, возникший из **а*, в безударном положении сначала подвергся редукции, а затем произошло его сокращение (8, с. 210).

Т. Уотила отрицал этимологическую связь *-влак* и *-влӓ* с горномарийским *пӱлӓ*, но утверждал, что слово, превратившееся в суффикс множественного числа, не подчинялось гармонии гласных, если исходить из горномарийского *βлӓ*, и было двусложным, в середине которого мог произноситься редуцированный, имеющий тенденцию к выпадению. Об этом свидетельствуют фонетические варианты суф-

фикса множественного числа, встречающиеся в диалектных записях А. Генетца и В. Поркки: *βʼlä* (*βlä*); *βlaк* (*βʼlaк, βlaк, plaк*). Из нескольких вариантов первоначальным Т. Уотила считал *βʼlä*, с которым он сопоставил эрзя-мордовское *vʼelʼe* 'деревня, община, приход; пчелиный рой' и мокша-мордовское *vʼelʼe* 'деревня; пчелиный рой', а также саамское *wallwe* 'волчья стая', *vailve* 'стадо; стая волков'. Для приведенных мордовских и саамских слов Э. Итконен в свое время (Vir., 1944. -P. 363–365), как отмечает Т. Уотила, восстановил древнюю форму в виде **vilvä* 'толпа, гурьба, масса, множество'. Эту праформу Т. Уотила считал исходной для марийского прототипа **βʼlä*. Исследователь уверен в достоверности своей реконструкции. По его мнению, на почве марийского языка инлаутное *v*, имеющееся в *vilvä*, выпало подобно тому, как это, например, произошло в названии зимы (ср. мар. *tel, tele* – фин. *talvi*), а между гласными первого и второго слогов в марийском, мордовских и саамском языках существуют регулярные звукосоответствия. Поэтому Т. Уотила высказывал предположение, что слово **βʼlä*, первоначально самостоятельное, могло иметь значения 'толпа, гурьба; масса, множество', и в результате обобщения оно впоследствии стало употребляться в качестве суффикса множественного числа. Конечный *-к*, имеющийся в восточномарийском *-βlak*, он вслед за Ю. Вихманом склонен рассматривать как часть энклитической частицы *-ак*, которой в горном наречии соответствует *-ок*: *βlaк* < *βla-ак* (9, с. 28–30).

Как видно, Э. Беке, Ю. Вихман, А. Аттин и Т. Уотила считали, что суффиксы *-влак* и *-влä* восходят к самостоятельному слову. С этим общим мнением, очевидно, следует согласиться. Но все они в суффиксах множественного числа, считая их вариантами одного форманта, пытались найти составные части. В этом общем стремлении проявляется, несомненно, «атомизм» младограмматиков. Их учение в финно-угорское языкознание пришло, как известно, в 80-е годы XIX в. По словам Дь. Лако, первыми представителями младограмматического направления были Э. Сетяля в Финляндии, а в Венгрии – З. Шимони, учившиеся в свое время у профессоров Лейпцигского университета (10, с. 20). Младограмматическое влияние достаточно сильным было на первое поколение компаративистов как в Финляндии, так и в Венгрии. В финно-угорском языкознании оно нет-нет да сказывается и в наше время.

Иной путь объяснения истории суффиксов *-влак* и *-влä* избрал Г. Рамстедт. Он отрицал финно-угорское происхождение обоих суффиксов. Г. Рамстедт писал так: «Хотя еще не доказано, однако можно с уверенностью предполагать, что в чувашском языке когда-то в качестве показателя множественного числа употреблялось **böläк* > **wläк*» (11, с. 59). О вероятности существования такого форманта в чувашском языке, согласно Г. Рамстедту, свидетельствуют *-wlak (-wläk)*, а также *-wla (-wlä)*, которые используются в диалектах марийского языка для обозначения множественного числа. Они восходят к древнему весьма любопытному тюркскому слову *böläk* (тур. *bölük* «рота»), монгольскому *böleg, bölüg* 'группа, толпа, орда, отдел, глава (в книге)'.

Вопросом происхождения *-влак* и *-влä* из марийских языковедов первым интерсовался Н.Т. Пенгитов. Очевидно, ему не были известны работы Э. Беке,

Ю. Вихмана и Т. Уотилы по данной проблеме. Поэтому он обратил внимание только на взгляды А. Агтина и Г. Рамстедта. В гипотезе первого Н.Т. Пенгитов согласился лишь в той части, где говорится об озвончении согласного *п* в интервокальном положении и после сонорных и о редукции *ӱ* в слове *пӱлӓ*, в то же время он считал, что согласный *к* в качестве показателя множественного числа не мог присоединяться к слову *пӱлӓ*, в лексическом значении которого уже заложена идея множественности. К тому же это слово в сочетаниях слов всегда является определением. Так что для его грамматикализации в марийском языке не было реальных условий. С доводами Н.Т. Пенгитова нельзя не согласиться. Относительно мнения Г. Рамстедта Н.Т. Пенгитов не высказывал никаких критических замечаний. Он ограничился лишь изложением мнения ученого по обсуждаемой проблеме.

Новым в теории Н.Т. Пенгитова является то, что он отделил *-влак* от суффикса *-влӓ*. При этом первый суффикс исследователем этимологически связывается с топоформантом *-беляк*, который присутствует в официальных названиях ряда марийских деревень и селений: Апшак-Беляк (Г.-М.), Параж-Беляк (Волж.), Апшак-Беляк, Арзе-Беляк, Иван-Беляк, Янаш-Беляк (Звен.), Апшак-Беляк (Медв.), Керебеляк (Морк.), Шуй-Беляк, Ядык-Беляк, Кандаш-Беляк (Н.-Т.), Торай-Беляк, Одо-Беляк, Руж-Беляк, Токтай-Беляк (Куж.). К этой группе селений Н.Т. Пенгитов склонен отнести и Шойбулак в Медведевском районе.

Первую часть большинства приведенных местных названий составляют языческие или христианские собственные имена лиц мужского пола (Иван, Керей, Ядык, Янаш). Топооснову названий некоторых селений образуют нарицательные имена. Ими являются этнонимы (*одо* – марийское название удмуртов, *руш* – русский) или слова, обозначающие профессию (*апшак* < *апшат* 'кузнец'). Вторая часть, выступающая как топоформант, в зависимости от фонетических условий и диалектов, в которых она встречается, в марийском языке имеет различные варианты произношения: *беляк, пеляк, вылак, пылак*, ср., например: Одывылак вм. Одо-Беляк, Рушпылак вм. Руж-Беляк и т.д. Н.Т.Пенгитов считал, что компонент *-беляк* в названиях селений имеет общее с суффиксом множественного числа *-влак* происхождение: Одо-Беляк → удмурты, Руж-Беляк → русские (в названии этой деревни, очевидно, имеются в виду не этнически русские, а скорее всего марийцы, принявшие русскую, православную веру), Ядык-Беляк → Ядыки. По мнению Н.Т. Пенгитова, в названиях марийских населенных пунктов, помимо *-беляк*, в качестве топоформанта употребляется слово *полко* 'группа', которое первоначально обозначало 'род, потомок': Шелаболки (Г.-М.), Митри-полко (Звен.), Чодыра-полко (Сов.). Ошибка языковеда состоит в том, что он объединил топоформанты *-влак* и *-полко* и производил их от неизвестного слова *пγлγкγ*, обозначавшего 'род, племя, потомок' (12, с. 86–88). Эту ошибку исправил И.С. Галкин. По его мнению, слово *полко* 'отряд, группа' в марийском языке является русским заимствованием и по происхождению не связано с топоформантом *-беляк*.

Первоначально И.С. Галкин полагал, что формант *-беляк* восходит к исконному марийскому слову *пулак* 'глухое место, глухой угол', которое до сих пор сохраня-

ется в Моркинском районе и присутствует в названии дер. Шойбулак в Медведевском районе. Его основу составляет не собственное имя, как следовало бы ожидать из объяснения Н.Т. Пенгитова, а нарицательное слово финно-угорского происхождения *шой* 'затененный, безветренный'. Исходя из такого понимания, название Шойбулак И.С. Галкин расшифровывал как 'затененное, безветренное место'. Топоформант *-булак* в результате ряда фонетических изменений, по его мнению, совпал с суффиксом *-влак* в названиях других марийских селений (13, с. 63–64). Позднее, когда И.С.Галкин стал углубленно изучать марийскую топонимику, он убедился в том, что топоформанты *-влак* и *-булак* в географических названиях имеют разное происхождение. В названии дер. Шойбулак им были выделены основа *Шой*, представляющая собой широко распространенный гидроним, и формант *-булак*, который этимологически связывался с татарским *булак* (нужно было *болак*) 'ручей'. Так И.С. Галкин заключил, что *Шойбулак* означает «ручей Шоя или Шой» (14, с. 81; 15, с. 136), а дер. Шоя-Кузнецово в Медведевском районе – 'Кузнецово на р. Шое' (15, с. 137). Но сама деревня расположена за селом Кузнецово, приблизительно в 1,5–2 км от него. В данном случае дер. Шоя-Кузнецово должна этимологизироваться как 'Заднее Кузнецово'. По способу образования от названия дер. Шоя-Кузнецово не отличается и название дер. Шойбулак, в котором выделяются финно-угорский (ср., например, коми-зыр. *сай* 'пространство, место за кем-, чем-либо') и тюркский (ср. тат. *болак* 'ручей') компоненты. На их основе можно предположить, что Шойбулак означает 'Заречье'. Географическое положение деревни именно таково. Она основана за рекой М. Кокшага и ее притоком Ошла.

Относительно топоформанта *-беляк*, рассмотренного Н.Т. Пенгитовым, И.С. Галкин отмечал, что он первоначально употреблялся как самостоятельное слово и обозначал 'родовую группу людей; участок земли, принадлежащий роду' (6, с. 25). Его появление языковед связывал с развитием частной собственности на землю у марийцев. Не трудно догадаться, что в таком объяснении имеет место смешение общественных формаций и соответствующих им типов этнических общностей. Род, безусловно, имел землю, но она находилась в общем пользовании и не могла быть частной собственностью. Но сама мысль, что слово *беляк* означало 'род; участок земли, принадлежащий ему', представляется заманчивой. Она могла быть исходной при исследовании истории суффикса *-влак*. Вместо этого И.С. Галкин отрицал этимологическую связь между топоформантом *-влак* и суффиксом множественного числа *-влак*, на что в свое время указывал Н.Т. Пенгитов. Кроме того, И.С. Галкин в отличие от своего предшественника суффиксы *-влак* и *-влӓ* относил, как было принято в традиционном финно-угроведении (см. выше), к разным вариантам одного показателя. Этот отход объективно приближал нашего исследователя к Г. Рамстедту, и все его рассуждения по существу были подчинены защите весьма шаткой гипотезы ученого, выраженной им достаточно осторожно, к тому же лишь в предварительной форме. Суффиксы *-влак* и *-влӓ* были возведены к древнетюркскому слову *bölӓk* 'группа, отряд, орда' (13, с. 64; 16, с. 31), якобы заимствованному из чувашского языка, в котором оно могло употребляться в качестве

суффикса множественного числа. Изменение фонетического облика предполагаемого чувашского суффикса в марийском языке И.С. Галкин объясняет, исходя из древнетюркского *böläк*, что методологически вряд ли оправдано. Согласно его мнению, фонема *б* чувашского оригинала на почве марийского языка заменилась сходной фонемой *в*, а гласный *ӧ* в безударном положении сначала подвергся редукции и после этого выпал; конечный *к* в восточном наречии сохранился, а в горном наречии произошло его отпадение под обобщающим влиянием суффикса *-ла* (*-лӓ*). В доказательство приводятся слова *кугилӓ* 'березняк' и *шапкилӓ* 'осинник'. При этом считается, что горномарийский суффикс *-влӓ*, характеризующийся переднерядным *ӓ*, в отношении вокализма является более древним, чем соответствующий ему восточномарийский суффикс *-влак* (13, с. 64).

Отсутствие надежных лексических соответствий, общих для чувашского и марийского языков, объяснения И.С. Галкина ставит под сомнение. Правда, древнетюркское *böläk* 'группа, отряд, орда' с точки зрения фонетической (по своему значению оно весьма далекое) можно сопоставить с чувашским словом *пӳлӗх*: '1) полотнище холста, достаточное на длину рубашки; 2) переднее или заднее полотнище рубашки'. Но трудно предположить, чтобы эти значения чувашского слова могли быть основой для грамматикализации. Помимо этого, следует обратить внимание на то, что в рассуждениях И.С. Галкина не учтены факты исторической фонетики чувашского языка. В чувашском языке не было слов, в начале которых мог произноситься звонкий *б*. Он существовал, как показывают намогильные надписи, в булгарском языке до XIV в. (17, с. 133). После указанного времени этот согласный перешел в глухой *п*, который сохранился без изменений в чувашских заимствованиях марийского языка. Примеров на замещение *п* → *в*, о чем пишет И.С. Галкин, в марийском языке нет. Вопреки его мнению, в чувашском языке древнетюркский гласный *ӧ* не сохранился. Он, как и в других поволжских тюркских языках, регулярно переходил в узкий гласный *ӳ*, который в отличие от древнетюркского *ӳ* законсервировался и не подвергался редукции (18, с. 91; 19, с. 298–303; см. также: 20, с. 430). В заимствованиях из чувашского языка конечный согласный *к* сохранился не только в восточном наречии (так думает И.С. Галкин), но и в горном. В работе М. Рясянена (21, с. 126, 187, 196, 205, 209 и др.) мы нашли около 10 слов, в исходе которых *к* (в одних словах оригинала ему соответствует *к*, а в других – *х*) произносится после переднерядных *ӓ* или *ыӳ*.

Таково современное состояние изучения вопроса о происхождении суффиксов множественного числа *-влак* и *-влӓ* в марийском языке. Исследователи, за исключением Н.Т. Пенгитова, едины в том, что *-влак* и *-влӓ* являются вариантами одного суффикса и восходят к двусложному самостоятельному слову, но они расходятся во мнении, каким было это слово по своему происхождению – финно-угорским или тюркским. Остались и другие вопросы, на которые не даны ответы в предшествующих исследованиях:

1) почему столь различны по звуковому составу *-влак* и *-влӓ*, рассматриваемые как варианты одного суффикса?

2) почему *-влак* как показатель множественного числа встречается только в восточном наречии, а *-вла* – только в горном и отчасти в северо-западном наречиях?

3) почему *-влак* как топоформант встречается на луговой стороне, а на горной его нет?

Эти вопросы дают основания предположить, что суффиксы *-влак* и *-вла* имеют разное происхождение. Вот почему историю их образования следует рассматривать отдельно.

История суффикса *-влак*

Историю этого суффикса невозможно освещать без обращения к истории марийского народа.

Длительное время все левобережье Средней Волги от р. Ветлуга до р. Вятка принадлежало пермскому населению. Постепенно в Ветлужско-Вятское междуречье стали продвигаться марийцы, первоначальная родина которых, как признается в последнее время, находилась в правобережье Средней Волги. Время, когда начался этот процесс, не совсем ясно, хотя некоторые археологи склонны считать, что миграция марийцев на восток началась уже в VIII–XI вв. Но установлено, что массовый характер она приобрела после разгрома Болгарского государства монголо-татарами и после распада Золотой Орды. Марийцы на новую территорию двигались на юге по притокам р. Волга, а на севере – по р. Вятка. К XVII в. все Ветлужско-Вятское междуречье, заселенное до этого предками удмуртов, было освоено марийцами (22, с. 44–47), которые делились на отдельные роды. На новом месте каждый род жил в усадьбах-илемах. Они строились вблизи водоемов вокруг главы рода без особого порядка. Беспорядочная застройка жилищ в этнографии известна как кучевая. Она в Марийском крае господствовала до XVIII в. По соседству с марийцами или вперемежку с ними жили удмурты. Их марийцы обозначали заимствованным удмуртским словом *бӧляк*: '1) сосед, соседи; 2) родня, родственник, родственники'. Соседние роды друг для друга действительно стали таковыми. В условиях постоянных взаимных контактов у них выработались общие черты в быте и обычаях, сохранившиеся до конца XVIII в. Вот как об этом писал Г.Ф. Миллер: «У черемис и вотяков есть обыкновение: ежели им на старых местах жить не покажется, то они сламывают иногда целые деревни или хором, строение переносят на новое место» (23, с. 7). В этих словах нет и намека на частную собственность, о чем писал И.С. Галкин в связи с объяснением значения слова *беляк*.

Первоначально словом *беляк* марийцы, должно быть, обозначали только удмуртов. Позднее они стали относить его и к членам своего рода, владевшим определенным участком земли. Их усадьбы постепенно переросли в деревни. Но они первоначально были небольшие. «Черемисские деревни, – писал Г.Ф. Миллер. – очень малы, и по большей части состоят из двух токмо или трех дворов…» (23, с. 6). Первыми жителями таких деревень, безусловно, были члены одного рода. Поэтому названия деревень по традиции составлялись из собственного имени главы рода – основателя нового поселения и слова *беляк*. Такая система наименова-

ния населенных пунктов на луговой стороне нашего края во многом сохранилась и в последующее время, когда местные жители стали переходить к уличной планировке. Этот переход наметился не ранее XVIII в., и под влиянием русского населения.

Отсутствие соответствия для удмуртского *бöляк* в коми-зырянском языке, скорее всего, указывает на его заимствованный характер. К нему фонетически и семантически близко стоит древнетюркское слово *böläk*, значение которого (оно Г. Рамстедтом не приводилось), по всей вероятности, совпадало со значением 'компания' (а не 'рота', как обычно указывается в источниках) турецкого слова *böläk*. На почве удмуртского языка произошла переработка фонетического облика и семантики древнетюркского слова. В марийском языке сохранилось удмуртское значение тюркского слова. Но в нем значительному изменению подвергся звуковой облик заимствованного из удмуртского языка слова. Это объясняется особенностями фонетических систем двух языков. В названиях селений начальный согласный *б* оригинала перешел в глухой *п* (ср. удм. *борд* 'стена' – мар. *пырдыж* 'стена'), сохранившийся после глухих согласных, а после гласных произошло его озвончение. Безударный гласный удмуртского слова в одних марийских диалектах подвергся редукции, а в других – после редукции полностью оказался утраченным. Депалатализация *л'*, очевидно, обусловлена особенностью консонантизма марийского языка, ср., например: Рушплак, Ядыкплак, Кандашплак; Одывлак, Торавлак, Токтавлак и т.д.

В заключение этой части изложения следует сказать, что в официальных названиях ряда марийских деревень, имеющих в своем составе *-беляк*, в качестве топоформанта выступает, вероятно, удмуртское заимствование.

При кучевой системе застройки жилищ началась массовая миграция марийцев на восток – в Прикамье и Приуралье. В основном это были выходцы с луговой стороны (22, с. 91–99). На их основе к середине XVIII в. сформировалась этнографическая группа восточных марийцев. Их соседями в основном были татары и башкиры. Это нашло отражение в языке, культуре и самосознании переселенцев. Словом *влак* они стали объединять не только членов одного рода, как это было на прежней родине, а целую совокупность людей, позднее и предметов. Так произошло расширение его семантического объема. Частое употребление *влак* превратило его в показатель множественного числа. Новообразование оказалось весьма экспансивным и вытеснило из обращения достаточно быстро другие суффиксы множественного числа: *-шамыч, -мыт, -ла*, которые были известны марийцам до их переселения на восток (24, с. 89). К XIX в. восточном наречии, как показывают диалектные записи зарубежных финно-угроведов, повсеместно употреблялся суффикс *-влак*. Его быстрому распространению способствовали следующие факторы:

1) марийско-татарское двуязычие;

2) нивелирующее влияние суффикса множественного числа соседних тюркских языков *-лар* (*-лäр*), обобщенно обозначающего множество как однородную массу без ее дифференциации, характерной для марийского языка;

3) изменение самосознания восточных марийцев под влиянием чужого языка. На это указывал Н.И. Исанбаев (24, с. 89). На новой родине у восточных марийцев изменения произошли не только в самосознании, но и в мышлении. У них «изменилась концепция множественности» (25, с. 25).

Суффикс *-влак* имеет разные фонетические варианты. Изучая записи Ю. Вихмана, А. Генетца и Х. Паасонена, Т. Уотила (9, с. 28) установил, что они зависят от фонетических условий: после гласных и сонорных (за редким исключением *m*, после которого появляется *-blak*) употребляется *-βлак*, а после глухих *к* и *t* – *-plak*. Первоначальным вариантом он считал *-βлак*, который может выступать и после глухих согласных (*kalәkβlak* 'народы', *jomakβlak* 'сказки', *jeŋgatβlak* 'ваши снохи'), а также после сонорных *m* и *ŋ* (*jeŋβlak* 'люди', *iz'amβlak* 'мои братья', *piemβlak* 'мои собаки').

Выпадение начального *в* в суффиксе *-влак*, отмеченное в отдельных говорах восточного наречия, могло быть обусловлено необходимостью устранения скопления согласных и принципом языковой экономии.

История суффикса -влӓ

Все предшествующие исследователи, за исключением Н.Т. Пенгитова, историю этого суффикса рассматривали вместе с историей суффикса *-влак*. Н.Т.Пенгитов отделил их друг от друга, но обратил внимание лишь на историю суффикса *-влак*, оставив без рассмотрения историю *-влӓ*. Т. Уотила исходным для обоих суффиксов множественного числа считал *-влӓ* горного наречия. При объяснении его истории языковед исходил из праформы **vilvä*, восстановленной Э. Итконеном на основе мордовских и саамских соответствий (примеры см. выше). Реконструкция Э. Итконена с точки зрения фонетической, можно сказать, является безупречной. Но значения, приписываемые ей, вызывают серьезные возражения. Здесь явно нарушен семантический принцип, который должен соблюдаться при внешних реконструкциях. Сопоставляемые мордовские и саамские слова, на основе которых восстанавливается семантика праформы, имеют конкретные, специальные значения. Значения «масса, множество» праформы по отношению к конкретным значениям мордовских и саамских соответствий являются достаточно отвлеченными, которые могли развиться только в более позднее время. В ту отдаленную эпоху, в которую предполагается общность мордвы и саамов, для обозначения множества и массы использовались особые грамматические показатели. Они сохраняются и в современных мордовских и саамских языках. Поэтому при исследовании истории суффикса *-влӓ* праформа **vilvä* и саамские примеры оказываются совершенно лишними. Они только усложняют проблему. Ее можно решить, опираясь на данные мордовских языков.

Редуцированный гласный *ə*, который имеется в реконструкции **βəlä* Т. Уотилы, относится к числу поздних образований в горном наречии и восходит к **i*. Поэтому предполагаемое слово должно было звучать как **βilä*. Переход *i* > *ə* в горном наречии, называемый редукцией, по характеру своего проявления напоминает анало-

гичное изменение в низовом наречии чувашского языка. Такое типологическое сходство не может быть случайным. Оно, вероятно, свидетельствует о том, что в момент развития указанного фонетического процесса горные марийцы жили на правом берегу р. Волга несколько южнее, чем сейчас, и могли соприкасаться с мордвой. В мордовских языках гласный *е* во многих словах, в том числе и в приведенных выше, является результатом расширения *i*, ср. также, например: фин. *silmä* – морд. *s'el'm'e* 'глаз'. Поэтому современные эрзянское *v'el'e* и мокшанское *v'elä* (*v'el'ɛ*) можно возвести к общемордовской форме **vilä*.

Таким образом, древние формы горного наречия и мордовских языков в принципе совпадают. Остается не совсем ясным, они представляют общее наследие или в горном наречии **βilä* является мордовским заимствованием. Более правдоподобно второе предположение. Тогда возникает вопрос: с каким значением мордовское слово проникло в горное наречие? Значения 'деревня, селение; приход' в мордовских словах, нужно полагать, появились относительно поздно. Поэтому они должны быть исключены из заимствования. Значение 'пчелиный рой' является весьма специальным. К тому же марийцам, издавна занимавшимся бортничеством, такое понятие, несомненно, было известно. Слово *рой*, бытующее в марийском языке, могло быть заимствовано из русского языка в самое последнее время. По всей вероятности, мордовское слово **vilä* в горном наречии выражало значение 'община' в соответствии с языком-источником. Лишь после агглютинации оно стало обозначать множество предметов как однородную массу без их дифференциации, характерной для лугового наречия. Определенную роль в этом обобщении мог сыграть суффикс множественного числа чувашского языка *-сам* (*-сем*).

Выпадение *ə* < *i* в суффиксе множественного числа можно объяснить двумя причинами:

1) постпозицией суффикса;

2) утратой ударения после редукции.

Т. Уотила к суффиксу *-βlä* присоединял усилительную частицу *-ак*, которую он предполагал в восточномарийском *-βlак*. Это мнение является шагом назад по сравнению с его объяснением о происхождении горномарийского *βʌlä* и в принципе означает возвращение к идее, высказанной до него Ю. Вихманом.

* * *

1. Суффиксы множественного числа, традиционно рассматриваемые как варианты одного форманта, в действительности восходят к разным самостоятельным словам. Источником восточномарийского суффикса *-влак* является удмуртское *бӧляк*, а источником горномарийского *-влӓ* – мордовское слово, первоначальный вид которого выглядел, по всей вероятности, как **vilä*. Их, несмотря на различия в происхождении, объединяет общая семантика "собирательность".

2. Переход самостоятельных слов в суффиксы – это сложный и, несомненно, длительный процесс. Он включает несколько этапов. Эти этапы прошли как удмуртское *бӧляк*, так и мордовское **vilä*, прежде чем превратиться в суффиксы множественного числа в горном и восточном наречиях марийского языка. На формирова-

ние их обобщающего значения определенное сглаживающее влияние могли оказать соседние тюркские языки, носители которых воспринимают множество как однородную массу. В результате этого влияния для горных и восточных марийцев множество перестало быть дискретным. Можно сказать, что у них в какой-то мере изменилось восприятие окружающей действительности. Очевидно, были правы В. Гумбольдт, Э. Сепир, Л. Вейсгербер, когда они писали, что язык в состоянии оказывать воздействие на мышление, поведение и мировоззрение не только отдельного человека, но и целого народа.

3. После агглютинации изменился звуковой облик самостоятельных слов. В обоих суффиксах произошла редукция гласных в безударном положении, одинаково закончившаяся диэрезой. Происходило как раз то, о чем в свое время писал Ф. Бопп – один из основоположников сравнительно-исторического метода: «... присоединенные суффиксы не всегда точно повторяют изменения, которые с течением времени осуществляются в соответствующих изолированных словах...» (см. 26, с. 35).

СОКРАЩЕНИЯ

Волж. – Волжский
Г.-М. – Горномарийский
елаб. – елабужский говор марийского языка
Звен. – Звениговский
Куж. – Куженерский
малм. – малмыжский говор марийского языка
мар. – марийский язык
Медв. – Медведевский
морд. – мордовские языки
Морк. – Моркинский
Н.-Т. – Новоторъяльский
Сов. – Советский
тамиль. – тамильский язык
тур. – турецкий язык
удм. – удмуртский язык
фин. – финский язык
CDIFU – Congressus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum. –Йошкар-Ола, 2005.
CQIFU – Congressus Quartus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars 1. – Budapest, 1975.
FUF – Finnisch-ugrische Forschungen, Helsinki.
JSFOu – Journal de la Société Finno-ougrienne, Helsinki.
MSFOu – Mémoires de la Société Finno-ougrienne, Helsinki.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Иванов И.Г., Тужаров Г.М.* Северо-западное наречие марийского языка. – Йошкар-Ола, 1970.

2. *Коведяева Е.И.* Ареальные исследования по восточным финно-угорским языкам. Марийский язык. – М., 1987.

3. *Исанбаев Н.И.* Говор елабужских мари (по итогам диалектологической экспедиции 1961 г.) // Вопросы диалектологии и истории марийского языка. – Йошкар-Ола, 1964.

4. *Учаев З.В.* Грамматические и лексические особенности малмыжского диалекта марийского языка // Вопросы марийского языка. Вып. III. – Йошкар-Ола, 1973.

5. *Грузов Л.П.* О составе фонем сардаяльско-арборского говора марийского языка // Труды МарНИИ. Вып. XIII. – Йошкар-Ола, 1960.

6. *Beke Ö.* Cseremisz nyelvtan. – Budapest, 1911.

7. *Wichmann Y.* Beiträge zur tscheremissischen Nominalbildungslehre // JSFOu. XXX$_6$. – Helsinki, 1913.

8. *Аптин А.* К вопросу о происхождении суффиксации множественного числа в марийском языке // Доклады АН СССР. 1928. № 10.

9. *Uotila T.E.* Zwei Pluralcharaktere // FUF. XXIX. – Helsinki, 1946.

10. *Lakó Gy.* Mittel und Wege in den finnisch-ugrischen Sprachwissenschaft // CQIFU. Pars I. – Budapest, 1975.

11. *Ramstedt G.I.* Einführung in die altaische Sprachwissenschaft. II. Formenlehre // MSFOu. 104:2. – Helsinki, 1952.

12. *Пенгитов Н.Т.* Формы числа имен и особенности их употребления в марийском языке // Труды МарНИИ. Вып. X. – Йошкар-Ола, 1957.

13. *Галкин И.С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Часть I. – Йошкар-Ола, 1964.

14. *Галкин И.С.* Тайны марийской топонимики. – Йошкар-Ола, 1985.

15. *Галкин И.С.* Кто и почему так назвал. – Йошкар-Ола, 1991.

16. *Галкин И.С.* Марий йылмын исторический грамматикыже. Мофрологий да синтаксис. – Йошкар-Ола, 1986.

17. *Räsänen M.* Wortgeschichtliches zu den Sprachen der Wolga-völker // FUF. XXVI. – Helsinki, 1938.

18. *Räsänen M.* Die tatarischen Lehnwörter im Tscheremissischen // MSFOu. L. – Helsinki, 1923.

19. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка. Т. II. – Чебоксары, 1996.

20. *Radlow W.* Zur Geschichte des türkischen Vokalsystems // Известия императорской Академии наук. 1901. Т. XIV, № 4.

21. *Räsänen M.* Die tschuwassischen Lehnwörter im Tscheremissischen // MSFOu. XLVIII. – Helsinki, 1920.

22. *Сепеев Г.А.* История расселения марийцев. – Йошкар-Ола, 2006.

23. *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. – СПб., 1791.

24. *Исанбаев Н.И.* Опыт классификации марийских диалектов вторичного образования // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. Т. 2. – М., 1990.

25. *Берецки Г.* Взаимосвязь языков Волжско-Камского ареала // CDIFU. Pars I. Oratoriones plenariae. – Йошкар-Ола, 2005.

26. *Бопп Ф.* Сравнительная грамматика санскрита, зенда, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого (Извлечения) // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях. Часть I. – М., 1960.

Dmitriy Kazantsev

ABOUT THE ORIGIN OF THE PLURAL SUFFIXES «VLAK» AND «VLÄ» IN THE MARI LANGUAGE

Plural suffixes, traditionally examining by foreign specialists of Finno-Ugric studies and Mari linguists as a variant of one form, in fact, date from variuos independent words. The source of the eastern-Mari suffix *-влак* is an Udmurt word *бöляк* «1) neighbour, neighbours; 2) relation(s), relative, relatives», which is genetically related to ancient Turk word *boläk* «company», and mountain Mari suffix *-влä-* to Mordvinian **vilä* «community». In spite of different origin these words went through difficult and long process of grammatical, phonetic, semantic change. Neighbouring Turk languages could exert definite influence on forming their general meaning. In Turk languages great number is took for as a homogeneous mass. Reduction of vowels in unstressed position took place after agglutination in suffixes *-влак* and *-влä*. The beginning consonant *v* of the suffix *-влак* in some pronunciations of Eastern-Mari dialect felt away.

«Финно-угроведение», 2008, № 1

ПЕРСОНАЛИИ

Ксенофонт Сануков
Йошкар-Ола

В.М. ВАСИЛЬЕВ
(к 125-летию со дня рождения)

13 января исполнилось 125 лет со дня рождения видного финно-угроведа, марийского просветителя и ученого Валериана Михайловича Васильева

В истории каждого народа много славных имен, составляющих предмет национальной гордости и достойных глубокого уважения и благодарной памяти потомков. В этом отношении образ Валериана Михайловича Васильева для марийцев является звездой первой величины. В судьбе этого человека в определенном смысле заключена судьба родного народа.

В.М. Васильев был крупным ученым-языковедом. Но он выступал в своем научном творчестве как разносторонний ученый-энциклопедист, внесший фундаментальный вклад не только в исследование языка, но и в изучение фольклора, этнографии, в целом духовной культуры марийского народа. Вместе с тем это был выдающийся просветитель марийского народа, внесший неоценимый вклад в его духовное развитие, как зачинатель периодической печати на родном языке, как один из строителей национальной школы и основоположников марийской художественной литературы. Это был и видный общественный деятель. Правда, эта сторона его жизни и деятельности охватывала не всю его биографию, а была хронологически ограничена дореволюционным и революционным временем.

В.М. Васильев прожил трудную, сложную жизнь. Эта сложность определялась, как и положено истинному представителю интеллигенции, в первую очередь проблемой взаимоотношений с властями.

Валериан Михайлович Васильев (в детстве и ранней юности, до принятия крещения – Демьян Гайсинович Вастаев) родился в зажиточной (в терминологии советского времени – «кулацкой») семье в деревне Сусады-Эбалак Янаульского района Башкирии. Становление личности, формирование общественных взглядов и жизненных позиций происходило в ходе учебы в Бирской учительской школе и Казанской духовной семинарии. Важно, что завершение этого процесса совпало с кануном и

развертыванием первой Российской революции, когда четко обозначилось противостояние власти и общества, когда каждому человеку, становящемуся личностью, необходимо было определить свое место в системе общественных отношений. А представителю зарождавшейся национальной, «инородческой» интеллигенции обязательно предстояло определить свое отношение к имперской национальной политике, к жизненным интересам и потребностям своего народа в общей системе Российского государства.

Валериан Васильев, слушатель Казанской духовной академии Павел Глездеенев и сплотившаяся вокруг них группа молодых марийцев, учившихся в Казани, выступили основателями периодического издания на родном языке – «Марла календаря» (1907 год). Первый его номер был по отношению к властям довольно оппозиционным, за что издатели чуть не угодили в тюрьму, а календарь оказался под угрозой закрытия. В этих условиях Васильев пошел на компромисс с властями, отказался от оппозиционного характера журнала-ежегодника на последующие годы, чтобы сохранить единственное на марийском языке издание. Здесь публиковались первые произведения марийских литераторов, в том числе и самого Васильева-Ӱпымарий. Большое место было отведено публикациям произведений устного народного творчества.

И все эти предреволюционные годы, начиная с 1902 года, он занимался научной работой по изучению языка, фольклора, этнографии мари.

В 1917 году В.М. Васильев восторженно встретил демократическую революцию, устранившую самодержавную власть, которой не мог симпатизировать. Как и все либерально и демократически настроенные представители интеллигенции, он верил, что в России установится демократический строй, при котором осуществятся мечты о равноправии и свободном развитии всех народов. Он тогда был одним из признанных лидеров марийского национального движения, организаторов первого Всероссийского съезда народа мари, возглавлял марийскую секцию «Общества мелких народностей Поволжья», основал и редактировал газету «Ӱжара». Редакция после большевистского переворота заняла нейтральную позицию, пыталась сохранить беспартийное направление. В марте 1918 года, под угрозой закрытия властями газеты, В.М. Васильев, как и в 1908 году, пошел на компромисс, ушел с редакторства, чтобы сохранить единственное марийское периодическое издание.

В связи с разгоном в декабре 1918 года Центрального союза мари, ограничением деятельности организаций «Мари Ушем» и закрытием газеты «Ӱжара» перед В.М. Васильевым и другими просветителями встала проблема нравственного выбора: или пойти по пути борьбы с большевистской властью, или, отбросив свои гуманистические идеалы, помогать ей в осуществлении социалистического эксперимента. Он по своей натуре не был борцом. Он вообще отошел от политической деятельности, занялся исключительно «чистой» научной и педагогической работой.

На примере жизни В.М. Васильева можно видеть, что тогда установилось некое негласное «соглашение» между властью и интеллигенцией в культурно-просветительской сфере. С образованием Марийской автономной области сотрудничество

между национал-демократической интеллигенцией и советской властью получило еще одну важную опору. Большевистские лозунги о самоопределении и национальной культуре выглядели альтернативой царской политике и звучали многообещающе для людей, озабоченных духовным подъемом своего народа. В 1920-х годах В.М. Васильев был активным участником языкового строительства, вел большую работу по изучению культуры, быта, языка родного народа, подготовил много учебников, учебно-методических пособий, словарей. Выдающимся итогом его научной работы стал толковый словарь «Марий мутэр» (1928 год).

Но власти внимательно следили за «буржуазной» интеллигенцией, видя ее внутреннюю оппозиционность. С ходом времени вынужденное негласное «соглашение» должно было нарушиться. В 1931 году В.М. Васильев и еще несколько видных беспартийных интеллигентов были репрессированы по обвинению в «буржуазном национализме» и сотрудничестве с финскими «фашистами» и на три года высланы из Марийской автономной области.

После отбытия срока В.М. Васильев работал в Марийском пединституте, сотрудничал с МарНИИ. В марте 1937 года, в разгар повальных арестов, В.М. Васильев скрылся из Йошкар-Олы и появился здесь только в 1939 году, когда схлынула волна массовых арестов. Так он избежал трагической участи практически всех своих коллег по научно-педагогической и литературной работе, хотя его фамилия была в числе членов «Штаба буржуазно-националистической организации».

В последующем В.М. Васильев скромно трудился в МарНИИ, занимался «чистой» наукой, стал первым доктором наук по марийской филологии. Его труды получили широкое признание в СССР и за рубежом. Но в родной республике к нему сохранялось настороженно-недоброжелательное отношение. В 1954 году В.М. Васильев писал в автобиографии: «Сознание исполненного долга в виде научных трудов, которых у меня насчитывается уже около трехсот, доставляет мне неизъяснимую радость. Но эта радость нередко омрачается недоверчивым отношением некоторых руководящих работников Марийской АССР». Только в 1958 году, в связи с 75-летием со дня рождения, он удостоился единственной награды – Почетной грамоты Президиума Верховного Совета Марийской АССР.

В.М. Васильев скончался 2 мая 1961 года. В 1983 году, в связи со 100-летием со дня рождения, его имя было присвоено МарНИИ и одной из йошкар-олинских улиц. Это стало запоздалым признанием его выдающихся заслуг

«Финно-угроведение», 2008, № 1

Петер Помози
Будапешт

ГАБОРУ БЕРЕЦКИ – 80 ЛЕТ*

Нет необходимости представлять марийскому народу Габора Берецки, заслуженного профессора университета имени Лоранда Этвёша г. Будапешта, почетного доктора ряда зарубежных университетов, в том числе Тартуского и Марийского. Благодаря самоотверженной редакторской работе Габора Берецки над наследием Эдена Беке марийцы получили один из крупнейших словарей (наряду со «Словарем марийского языка»). И если бы Ӱпымарий (В.М. Васильев) не собирал и не издавал марийские песни, то стар и мал в деревнях и городах могли бы точно так же распевать их и сегодня по книге Габора Берецки и Ласло Викара (1).

Габор Берецки – исключительно скромный и тихий, но вместе с тем обладающий удивительным чувством юмора, человек. Он заставлял смеяться огромное количество дружеских компаний в самых разных местах, от родного Бекеша до эстонского хутора Каламаа. Среди таких мест нельзя не упомянуть и Поволжье, где он по настоянию своего любимого ученика Яноша Пустаи записал множество очень смешных анекдотов. Я знаком с Габором Берецки почти 25 лет, и за это время не встретил ни одного человека, который отозвался бы о нем плохо.

Ознакомившись с имеющейся литературой о жизни и научном творчестве Габора Берецки, можно подумать, что о нем написано уже все (2). Я не ставлю целью дать подробный научный или библиографический обзор деятельности Габора Берецки. Творчество юбиляра настолько обширно, что не хватило бы и дюжины таких статей, чтобы описать его. Также я не берусь пересказывать и его анекдоты, так как было бы совершенно не то, если бы их рассказывал не наш дядюшка Габор. Мне же остается только высказать свое личное мнение, от которого я никогда не откажусь, тем более когда речь идет о моем первом финно-угорском учителе-наставнике и одном из моих любимейших профессоров. Наверное, Габор Берецки не обидится за слова «один из», так как другой мой любимый профессор – Янош Пустаи, действительно его любимый ученик, и так же, как и его учитель, почетный доктор Марийского государственного университета.

---

* Перевод с венгерского студентки Будапештского университета Татьяны Ефремовой

О харизматическом учителе

Для постороннего человека, мало знакомого с Габором Берецки, его скромность и миролюбие могут показаться скучными, но его ученики первого, второго поколения и уже даже третьего, которых можно назвать правнуками в профессии, хорошо знают, что их учитель по-настоящему харизматическая личность. Я могу доказать это на собственном опыте. К выдающимся преподавателям по языку и литературе, определившим мою судьбу, меня обычно приводило не учебное расписание, а какая-то необъяснимая симпатия. Но профессор Берецки является редким исключением, меня привело к нему расписание. Наверное, это и есть ключ к тайне: легко стать авторитетным преподавателю, к которому студенты идут с предвзятой (преконцепционной) любовью, а если кто-то просто сам по себе становится авторитетом, то это уже многое о нем говорит. Мои любимые языки не прибалтийско-финские, а марийский. Невозможно было не влюбиться в марийский язык и в марийцев на уроках Г.Берецки. При этом крайне важно отметить то, что для Берецки и самый незначительный специальный вопрос не был мертвой микрофилологической проблемой. Финно-угорский мир оживал у него даже на занятиях по сравнительной фонетике! Несмотря на то, что он на занятиях по финно-угроведению всегда старался скрывать знание эстонского языка, считая это естественным и не уместным выставлять напоказ (он обнаруживал свои знания, лишь когда говорил о среднерядном гласном звуке *x* при объяснении этимологии слова *jõgi* «река» и, конечно, о работах Видемана), нельзя было не влюбиться у него и в эстонскую культуру. Свою любовь к марийскому языку он, к счастью, не скрывал. Это было видно, к примеру, во время его рассказа об исследованиях Видемана, в частности о грамматике 1847 года (3), которая, как мне кажется, с многих точек зрения содержит гениальные мысли. На лингвистических семинарах нередко можно было увидеть бесценные номера «Марла календаря», хранящиеся на финно-угорской кафедре Будапештского университета. Уже тогда, в середине 80-х годов, на его занятиях речь заходила о таких культурно-исторических фактах, о которых на марийской земле вновь стали говорить лишь спустя десятилетие. Последнее, что хочется сказать о харизматическом учителе: ради него Янош Пустаи научился чудесно играть на свирели, чего, к сожалению, не могу сказать о себе, но в покупке моей первой свирели решающую роль сыграл Габор Берецки, который так красиво играл венгерские разбойничьи баллады в знаменитой крепости Шиклоша на юге Венгрии во время давней экскурсии финно-угорской кафедры. А как прекрасно он играл марийские народные песни! В истории венгерской народной музыки, согласно исследованиям Золтана Кодая (Кодай был хорошо знаком с изданиями Ӱпымарий), прекрасно ужились марийские, венгерские и чувашские мелодии. Все эти мелодии исполнял на свирели Габор Берецки.

Об ученом

На другом (по морфологии) семинаре Берецки положил на стол сомнительного цвета книгу – монографию Ткаченко о мерянском языке (4). Мы, студенты, затаив

дыхание, слушали мнение учителя о книге, слушали объективную критику и дополнения Берецки к теме. Было очень увлекательно наблюдать, как почти из ничего благодаря четкой, оригинальной и методической аргументации оживал древний финно-угорский язык. Эта строгая методичность и в то же время гибкий и полный идей подход удивили меня еще на лекциях по фонетике, когда Берецки критиковал теорию вокализма Штейница и Итконена (5). Надо сказать, что это была не просто критика, а намного больше – теория Берецки о вокализме праязыка, но все та же скромность помешала ему назвать так эту работу, опубликованную в «Nyelvtudományi Közlemények». Импонировало и то, что в своей теории он оперировал редукцией, проявляющейся в русских заимствованиях марийского языка (6). В результате критики положений Итконена появилось первое по-настоящему однозначное доказательство несостоятельности мнения о существовании относительного (релятивного) волжско-финского праязыка (7).

Берецки много писал о марийском, мордовском, удмуртском, тюркских языках Волжско-Камского региона, а также о марийско-мордовских связях, с другой точки зрения. И это было вполне логично, ведь во время полевых экспедиций он приобрел знания исключительной глубины о языке и культуре народов этого региона. Родина Габора Берецки, местечко Бекеш, привила ему любовь к традиционной крестьянской жизни, к природе. Это очень помогло ему во время полевых экспедиций и при переводе финно-угорской литературы на венгерский язык, о чем мы еще скажем ниже. В течение десятков лет Берецки опубликовал множество работ по ареальной типологии. Среди его исследований по волжским языкам статья, изданная в сборнике Яноша Балажа (8), до сих пор остается основополагающей. Весьма интересно и вместе с тем закономерно, что Берецки нашел ключ к разгадке нескольких необъяснимых явлений и в венгерском языке. Если бы мне необходимо было выделить одну из таких работ, то я назвал бы доклад, прочитанный им на юбилейной конференции Финно-угорского общества (9). В последние годы Берецки много работает над изучением ареальных связей языков Волжско-Камского региона, при этом тесно сотрудничает с тюркологом Кларой Адьягаши. «Историческая морфология марийского языка» (10) – первое большое достижение данного периода, вторым может стать марийский этимологический словарь, 150 листов которого уже подготовлены, и в настоящий момент работа идет над словарными статьями на букву **П**. Габор Берецки уже опубликовал в журналах бесчисленное количество венгерских этимологий с привлечением марийских соответствий и подробно рассмотрел финно-угорские элементы в марийской лексике во втором томе Grundzüge (11).

Здесь вновь необходимо упомянуть девятитомный марийский диалектный словарь (12), подготовленный к печати Маргаритой Кузнецовой и изданный Яношем Пустаи в Сомбатхее. Его редактирование было настоящим рабским трудом, культурной миссией, которой Габор Берецки посвятил много лет. В его научной деятельности именно это и привлекает больше всего: несмотря на бесчисленные оригинальные идеи, он никогда не уклонялся от нелегкой, испытывающей человека, настоящей просветительской работы (13). С оптимизмом можно сказать, что Га-

бор Берецки дал марийцам два очень крупных словаря. С уверенностью можно также предсказать, что большинство его языковедческих работ выдержит испытание временем. Появление многих его исследований было настоящим событием, отчасти и благодаря их вышеупомянутым методическим достоинствам.

Дальнейшие проекции одной культурной миссии

В 1977 году для одного издания, которое, однако, вышло намного позже, Габор Берецки писал: «Я всегда считал, что ознакомление Венгрии с культурой, литературой родственных народов имеет культурно-политическое значение» (14). За этими сухими словами стоит большое количество переводов эстонской литературы, почти нет таких эстонских классиков, которых бы не переводил Габор Берецки. Слово *перевод* в данном случае совсем не подходит. Берецки заново переживал, заново писал произведения, венгерские переводы во всем равноценны их оригиналам. Прежде всего это касается произведений, при работе над которыми Берецки помогала любовь к природе и крестьянской жизни. Если обратиться к марийскому примеру, то именно так было и в случае с драмой «Акпатыр» Сергея Чавайна. Известно также (по причине скромности не от самого Берецки), что был роман, который он перевел на венгерский язык так же превосходно, как Микеланджело создал знаменитого Давида из отброшенной, считавшейся испорченной, глыбы мрамора. Весьма уместно напомнить в связи с этим слова Жужи Раб о том, что перевод эстонского эпоса «Калевипоэг» не буквальный, а художественный перевод. А насколько прекрасны его переводы, изображающие крестьянский быт, я по-настоящему ощутил только тогда, когда смог насладиться чтением оригиналов в своем эстонском хуторе, присовокупив к давним впечатлениям о венгерской деревне эстонский опыт крестьянского труда.

Однако я сомневаюсь, что житель метрополиса способен по достоинству оценить художественную и фольклорную составляющую творчества Берецки. Манящий зов услышит тот, кто воспитывался на любви к природе, к людям, живущим в гармонии с природой, к ремеслам, к жизненным дорогам и ко всему миру. Я думаю, марийцы еще долго смогут гордиться тем, что в лице 80-летнего мастера они нашли такого переводчика «Акпатыра» и собирателя народных песен.

Заключение

Это все, что мне хотелось бы сказать о Габоре Берецки по своим впечатлениям, в его 80-летний юбилей. В качестве заключительного слова хотел бы повторить полюбившийся мне анекдот, который я уже цитировал на его 75-летнем юбилее. В один чудесный солнечный день в Сомбатхее Габор Берецки, прогуливаясь в дружеской компании, вспоминая свои физические возможности в молодости (воспоминания об атлетическом прошлом времен пребывания в итальянском городе Удине у него еще были свежи) (15), произнес: «И все же мои физические способности были всегда намного лучше умственных». От имени всех нас я хотел бы пожелать Габору Берецки, чтобы его отличные физические и не менее выдающиеся

умственные способности еще долго восхищали новыми успехами в его любимом эстонском хуторе, в многосторонней научной деятельности, в том числе и в подготовке марийского словаря.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Vikár László, Bereczki Gábor.* Cheremis folksongs. Akadémiai Kiadó. – Budapest, 1971.

2. Из нее наиболее важные: *Domokos Péter*. Bereczki Gábor 60 éves // Bereczki emlékkönyv. Urálisztikai tanulmányok 2. ELTE. – Budapest, 1998: 15–22; *Rédei Károly.* Bereczki Gábor, a finnugor nyelvek kutatója // Bereczki Gábor. Magyar nyelvész pályaképek és önvallomások 7. ELTE. – Budapest, 1998: 23–26; *Pusztay János*. Keresetlen szavak Bereczki Gáborról – mert a lexikonok szerint hetven éves lett – . idem: 26–31; *Hajdú Mihály*. Kedves Gábor Tanár Úr! idem: 31–36; *Domokos Péter*. Bereczki Gábor 70 éves // Ünnepi könyv Bereczki Gábor 70. születésnapja tiszteletére. Urálisztikai tanulmányok 8. ELTE. – Budapest, 1998: 5; Автор данной статьи выступал с воспоминаниями о Берецки в будапештском Finnugor Világ: *Pomozi Péter*. Üdvözlet a koongai fenyvesekbe Bereczki Gábor 75. születésnapján. Finnugor Világ: 2003/3.

3. *Wiedemann Ferdinand Johann*. Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache nach in der Evangelienübersetzung von 1821 gebrauchten Dialekte. – Reval (Tallinn), 1847.

4. *Ткаченко О.Б.* Мерянский язык. – Киев, 1985.

5. *Bereczki Gábor*. W. Steinitz és E. Itkonen finnugor vokalizmuselmélete és a cseremisz nyelv. *NyK* 70 (1968): 23–34.

6. Среди опубликованного наиболее полно: *Bereczki Gábor*. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte. Studia Uralo-Altaica 35. – Szeged, 1994. 76–84.

7. По крайней мере, трудно принимаемое существование относительного (релятивного) праязыка, который составляли предшественники диалектов современных мордовского и марийского языков.

8. *Bereczki Gábor*. A Volga–Káma-vidék nyelveinek areális kapcsolatai // Areális nyelvészeti tanulmányok. Szerk. Balázs János. Tankönyvkiadó. – Budapest, 1983: 207–236.

9. *Bereczki Gábor*. A török nyelvek hatása a magyarra // Symposium saeculare Societatis Fenno-Ugricae. MSFOu 185: 59–72.

10. *Bereczki Gábor*. A cseremisz nyelv történeti alaktana. SLVR I. – Debrecen, 2002.

11. *Bereczki Gábor*. Grundzüge der tscheremissischen Sprachgeschichte II. Studia Uralo-Altaica 34. – Szeged, 1992.

12. *Beke Ödön*. Mari nyelvjárási szótár I–IX.. Neu redigiert von G. Bereczki, Bearbeitet von M. Kuznetsova. BiblCer 4^1–4^9. BD(T)F. – Szombathely, 1997–2001.

13. Таков, например, и эстонско-венгерский большой словарь, над которым Габор Берецки непрерывно работает несмотря на все издательские трудности, и уже подготовлен материал в 1400 листов, работа идет над буквой **R**.

14. *Bereczki Gábor*. Magyar nyelvész pályaképek és önvallomások 7. ELTE Fonetikai Tanszék, 1998.

15. Габор Берецки много лет являлся профессором Удинского университета в Северной Италии.

«Финно-угроведение», 2008, № 1

Елизар Мустаев
Йошкар-Ола

А.Н. КУКЛИНУ – 60 ЛЕТ

Имя Анатолия Николаевича Куклина, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Марий Эл широко известно не только в марийском, но и во всем финно-угорском языкознании.

Родился он 23 февраля 1948 года в деревне Шӱргыймал Советского района Марийской АССР. После окончания Верх-Ушнурской восьмилетней школы поступает в Оршанское педагогическое училище и, закончив его, получает диплом учителя начальных классов. Затем служит в рядах Советской Армии.

Анатолия Николаевича приметил я еще в Оршанском педучилище. Во время работы директором этого учебного заведения обратил внимание на ученика, который заметно выделялся среди своих сверстников. Выделялся острым умом, серьезным отношением к учебе. Еще тогда, в 60-х годах прошлого столетия, он проявил интерес к языку. И впоследствии стал крупным ученым и замечательным педагогом.

В 1971 году поступил в Марийский педагогический институт им. Н.К.Крупской на историко-филологический факультет на отделение русского языка и литературы, марийского языка и литературы. С первого курса ректорат направляет его на два года в Ужгородский университет для изучения венгерского языка. Через два года возвращается в пединститут, который окончил в 1976 году. Затем работал в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им. В.М.Васильева. В 1978–1981 годах А.Н.Куклин учился в аспирантуре Тартуского университета. Его научным руководителем был академик Пауль Аристэ.

Здесь он прошел хорошую филологическую школу, воспринял лучшие традиции отечественного и зарубежного финно-угроведения. Именно в годы учебы в Тарту решилась дальнейшая его судьба: он посвятил свою жизнь изучению неисследо-

ванных вопросов марийского языкознания и разработке теоретических проблем топоономастики и контрастивной лингвистики.

В 1983 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Фонетика красноуфимского говора марийского языка». Марийские говоры Приуралья (красноуфимский, кунгурский) вплоть до этой работы не были предметом специального лингвистического анализа. Изоляция от основной массы марийского народа и тесные контакты носителей красноуфимского говора в течение длительного времени с иноязычными соседями (татарами, башкирами, русскими) способствовали сохранению в их речи некоторых архаических черт, а также выработке ряда особенностей, прослеживающихся на всех уровнях языковой структуры. Выявление их и изучение синхронного среза фонетической системы красноуфимского говора с диахроническими экскурсами и применение методов экспериментальной фонетики были задачами первостепенного значения для исследователя. В центре его внимания находились такие узловые вопросы, как выявление и описание системы гласных и согласных фонем и их основных аллофонов, а также закономерностей их употребления в различных фонетических условиях; определение общего и отличительного в артикуляторных характеристиках звуков красноуфимского говора и литературного языка; изучение наиболее типичных видоизменений фонем в потоке речи; выяснение фонетических отличий говора, возникших в процессе воздействия татарского и русского языков в условиях уральского языкового ландшафта; установление границы распространения красноуфимского говора. В целом «Фонетика красноуфимского говора марийского языка» А.Н.Куклина – это обобщающий труд, содержащий ценные сведения и новые факты по основным закономерностям межъязыкового диалектного взаимодействия на фонетическом уровне и представляющий определенный интерес для теории лингвогеографических исследований Урало-Поволжского языкового ареала. Материалы монографии могут быть использованы для составления современной лингвистической карты марийского языка методом изоглоссирования тех или иных взаимосвязанных фонетических явлений. Марийская диалектология давно нуждается в необходимости такой карты. Выявленные и обследованные на материалах красноуфимского говора закономерности и особенности фонетической адаптации иноязычных слов марийским языком необходимы для разработки общетеоретических вопросов по проблемам межъязыковых контактов. Основные положения данной работы используются А.Н.Куклиным в преподавании теоретических курсов по диалектологии и истории марийского языка на марийско-русском и марийско-иностранном отделениях Марийского государственного педагогического института имени Н.К.Крупской.

Научная деятельность и теснейшим образом связанная с ней преподавательская работа А.Н.Куклина характеризуется шестью основными направлениями: исследование неизученных диалектов марийского языка; изыскания в области топоономастики; установление родственных связей слов, объяснение их происхождения и исконных значений; изучение орфоэпических особенностей лугово-восточного варианта современного марийского литературного языка; интерпретация процес-

сов взаимовлияния и взаимообогащения языков Урало-Поволжского полиэтнического региона; разработка учебных пособий для общеобразовательных школ Республики Марий Эл.

В 1998 году появляется его монография «Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ)», выполненная при финансовой поддержке Российского Гуманитарного научного фонда. В ней исследователем решаются следующие задачи:

1) определение хронологической последовательности формирования топонимических пластов на основе изучения этнолингвистической картины прошлого Волго-Камья по данным топонимики с использованием лингвистических изоглосс уральских, тюркских и индоевропейских языков, привлечением археологических, антропологических, фольклорных и иных материалов;

2) выявление субстратных тополексем на основе типологического, лингвогеографического и структурно-фонетического анализа географических названий;

3) установление наиболее типичных моделей, семантических типов финно-угорских топонимов и определение ареалов их распространения;

4) изучение взаимодействия языков в сфере топонимии.

Вместе с тем в монографии автор стремился акцентировать свое внимание на некоторых особенностях этимологического анализа субстратных гидролексем. Ценность этого материала, как подчеркивал в свое время специалист в области сравнительно-исторического, типологического языкознания и ареальной лингвистики Г.А.Климов, обуславливается его чрезвычайной устойчивостью, вследствие чего он сплошь и рядом отражает те или иные древнейшие языковые традиции (1, с. 142).

До этой монографии в российской топонимике не было работ, предметом исследования в которых выступала бы топонимия целого региона, а не отдельной республики или области, хотя актуальность подобной темы была осознана в отечественном языкознании еще в начале 80-х годов XX столетия (2, с. 399).

Необходимость специального изучения истории становления и развития топонимной лексики Волго-Камья продиктована исключительной значимостью ономастического материала для решения некоторых конкретных задач описательного, сравнительно-исторического и общего языкознаний, например, для выявления законсервированных в топонимах слов, ныне уже исчезнувших из языка; при изучении истории звуков определенного языка и других.

Одновременно с многоплановым анализом географических названий в монографии затрагиваются спорные вопросы этногенеза и этнической истории народов уральской языковой общности. Изучение этих вопросов позволило автору откорректировать отдельные существующие положения по теории этнологии финно-угорских и самодийских народов.

Для Анатолия Николаевича характерна тенденция к точному наблюдению фактов, осторожность в своих выводах, недоверие к широким гипотезам и стремление к исторической интерпретации с учетом как лингвистических, так и экстралингви-

стических, этнологических, культурных и иных сведений, которые подвергаются обоснованному критическому анализу, освобождаясь от инерции традиций.

Эти его качества наиболее ярко проявляются в этимологических изысканиях, в частности при объяснении истории происхождения и смыслового содержания апеллятивов (нарицательных слов), участвующих в номинации географических объектов, предметов материальной и духовной культуры. И вполне естественно, что этимологические объяснения А.Н.Куклина, на наш взгляд, не вызывают сомнений.

Критически переосмыслена гипотеза многих лингвистов о генетических корнях интерпретируемых ими слов, имеющие прямые отношения к методологической проблематике науки об этимологии. Так, говоря о системе научных приемов объяснения ономастического материала, он справедливо подчеркивает, что словообразовательный анализ субстратных топонимов без определения их языковой принадлежности и реконструкции фонетического облика архетипа является весьма относительным, а в большинстве случаев предвзятым или же неверным. Установить языковую принадлежность субстратной тополексемы возможно лишь на основе воссоздания языковой реальности прошлого Урало-Поволжья. Причем гипотетически восстанавливаемая этническая карта должна подтверждаться археологическими, палеоантропологическими и иными данными, которые не только не противоречили бы друг другу, а находились бы в отношениях взаимной дополняемости. Более того, о степени достоверности реконструированной праформы можно судить лишь в том случае, если ее содержательная сторона более или менее соответствует физико-географическим реалиям Урало-Поволжья (3, с. 12). Вышеотмеченные научные направления тесно связаны между собой и нередко перекрещиваются в его исследовательской практике.

Важное место в научной деятельности А.Н.Куклина занимает исследование закономерностей развития произносительных норм лугово-восточного варианта современного марийского литературного языка. Роль правильного произношения особенно важна в школьной и вузовской практике преподавания языка. При этом центральной фигурой в распространении марийских орфоэпических навыков был и остается школьный учитель. Поэтому студент педагогического вуза сам должен овладеть нормами орфоэпии, отчетливо представлять себе, в каком направлении развивается марийская языковая норма в области произношения и ударения, уметь отличать варианты нормы от ненормативного, неправильного произношения. Исходя из этого, А.Н.Куклин написал книгу «Олык-эрвел марий орфоэпий». – «Орфоэпия лугово-восточных мари» как пособие в помощь учителю родного языка и литературы (4, 144 с.). До ее появления в марийском языкознании не было специальной работы, посвященной исследованию становления и развития произносительных норм марийского языка в многообразии его кодифицированных литературных и диалектных форм. Поэтому студенты гуманитарных факультетов вузов Республики Марий Эл могут пользоваться этой книгой как справочным и учебным пособием.

Книга предваряется кратким очерком «Понятие об орфоэпии» («Орфоэпий нерген умылымаш») (4, с. 3–14), содержащим сведения о задачах предмета орфоэпии, о полном и неполном стилях речи, о характерных особенностях в произношении некоторых звуков и звукосочетаний носителями отдельных марийских диалектов.

Автором уделяется должное внимание объяснению связей орфоэпии с орфографией (4, с. 15–22). Им вполне обоснованно отмечается, что частые изменения орфографических норм создают серьезные затруднения в становлении и упорядочении марийского литературного произношения.

Раздел «Пути развития орфоэпии лугово-восточных мари» («Олык-эрвел марий орфоэпийын кушмо корныжо») (4, с. 30–35) является хорошим историографическим экскурсом, содержащим необходимые для учителей и студентов-филологов сведения о факторах, способствовавших сложению произносительных норм марийского литературного языка.

Центральной и наиболее важной частью книги является артикуляционная характеристика звуков речи. Особенности произношения каждого звука иллюстрируются снимками губ, а для характеристики некоторых звуков приводятся дентопалатограммы, рентгенограммы, схемы и рисунки, которых в книге насчитывается 87.

Привлечение дентопалатограммы и рентгенограммы, сделанных контактным способом с применением новейших технологий, вызвано тем, что, несмотря на более чем полувековую историю марийской экспериментальной фонетики, многие кардинальные проблемы ее вплоть до настоящего времени не нашли удовлетворительного решения. В частности, до сих пор является дискуссионным вопрос о количестве согласных фонем в марийском литературном языке. Поэтому при определении количественного состава гласных и согласных фонем А.Н.Куклин опирается на их дистинктивную функцию.

Одним из наиболее трудных вопросов марийской фонетики является определение природы и характера словесного ударения («Йӱкпералтыш») (4, с. 72–108). На основе экспериментальных и лингвоисторических данных автором предложена четкая и обоснованная трактовка проблемы марийского ударения. Причем поведение ударения анализируется в зависимости от морфемной структуры слова во всех грамматических формах знаменательных частей речи (4, с. 79–80).

Для всестороннего освещения характера словесного ударения автором привлекаются также материалы из живых марийских диалектов, которые сравниваются с данными родственных языков.

Впервые на основе учета фонетических и морфологических данных исследователь определяет основные правила акцентуации марийских слов как непроизводных, так и сложных (всего 13 правил, почти каждое из которых имеет еще свои подпункты) (4, с. 104–108).

Работу завершает заключение, содержащее некоторые рекомендации и советы учителям марийского языка по созданию орфоэпического режима в общеобразовательных школах (4, с. 136–137).

По мнению В.К.Кельмакова, доктора филологических наук, профессора Удмуртского государственного университета, книга А.Н.Куклина «Олык-эрвел марий орфоэпий», предназначенная в первую очередь для учителей школ Республики Марий Эл и в качестве справочного и учебного пособия для студентов гуманитарного и филологического факультетов вузов республики, представляет огромный интерес также и для специалистов в области уральского языкознания; она может послужить в качестве образца при написании аналогичных исследований по другим языкам Поволжско-Приуральского региона (5, с. 299).

Среди работ, относящихся к исследованию процессов взаимовлияния и взаимообогащения языков Урало-Поволжского полиэтнического региона, следует отметить такие работы, как «Семантический сдвиг в условиях двуязычия (на примере мордовских и марийского языков)» (Саранск, 1991), «Марийские топонимы в русской языковой среде» (Йошкар-Ола, 1993), «Проблемы билингвистической теории» (Йошкар-Ола, 1993), «Этнотопонимы как источник изучения историко-культурных взаимоотношений народов Урало-Поволжья (на материале этноойконимов Республики Марий Эл)» (Йошкар-Ола, 1995), «Религия и церковь в культурно-историческом развитии народов Среднего Поволжья (на материале урбанонимии г. Царевококшайска и ойконимии Республики Марий Эл» (Киров, 1996), «Историко-культурные взаимосвязи финно-угров и самодийцев» (Йошкар-Ола, 1998), «Языковые процессы в Республике Марий Эл (теоретический аспект би- и монолингвизма)» (Йошкар-Ола, 2000), «Перспективы сопоставительного изучения языков Евразии (уральские, алтайские и индоевропейские)» (Тарту, 2000), «Антропонимия и дейксис (выражение объекта, обозначающего лицо, в марийском и русском языках)» (Ижевск, 2001), «Квантификация одного из ядерных элементов предложения (на материале языков народов Урало-Поволжья)» (Ижевск, 2001), «К проблеме таксономии и кодификации термина би- и монолингвизм» (Ижевск, 2002), «Настоящее и будущее сопоставительного изучения языков Евразии (уральские, алтайские и индоевропейские)» (Уфа, 2002), «Взаимодействие языков Урало-Поволжского этнолингвистического региона в Евразийском контексте» (Ижевск, 2004), «Языковые взаимосвязи народов Урало-Поволжья в контексте евразийского межкультурного пространства» (Йошкар-Ола, 2004), «Взаимодействие языков Урало-Поволжья в сфере топонимии» (Екатеринбург, 2005) и другие.

Новизна этих исследований определяется стремлением автора как можно глубже и детальнее разработать проблемы типологии языков, а также проблемы психолингвистической основы би- и монолингвизма. В некоторых из них А.Н.Куклин рассматривает конкретные случаи разных языковых семей, которые наиболее ярко проявляются в речи носителей двуязычия и имеют разнообразные структурно-типологические и функционально-речевые преломления.

А.Н.Куклин является автором нескольких книг для школ. В 1993 году в соавторстве с А.А.Пекпаевым было издано учебное пособие по природоведению на марийском языке «Шочмо кундем» («Родной край»). Оно предназначено для уча-

щихся 3–4 классов общеобразовательных школ. Эта же книга в 1995 году была издана на горном варианте марийского литературного языка.

Второе издание (Йошкар-Ола, 2003, 2006) этих учебников А.Н.Куклин подготовил без соавтора, который преждевременно ушел из жизни. Они представляют собой исправленный и значительно дополненный вариант. В них проявились лучшие стороны научно-педагогической деятельности А.Н.Куклина: верность передовым традициям педагогической науки и методики обучения, глубокое внимание к специфике объекта исследования и прекрасное знание природы родного края.

Анатолий Николаевич является членом диссертационных советов по защите докторских диссертаций при Мордовском и Удмуртском государственных университетах. Регулярно выступает в качестве оппонента на защите диссертаций. За последние годы им оппонировано 7 докторских и 16 кандидатских диссертаций. Его выступления всегда привлекают к себе внимание глубокой обоснованностью суждения. Он автор многочисленных рецензий на диссертации, книги и другие научные труды. Все они отличаются принципиальностью оценок, точностью и скрупулезностью анализа.

По инициативе А.Н.Куклина при кафедре марийского языка и литературы Марийского пединститута открыта аспирантура. Под руководством юбиляра регулярно издаются научные сборники по финно-угроведению и марийскому языкознанию, он сам выступает в качестве научного или ответственного редактора.

Анатолий Николаевич постоянно выступает на научных конгрессах и конференциях (международных, всероссийских, региональных и др.). Он участник пяти международных конгрессов финно-угроведов (Сыктывкар, 1985; Дебрецен, 1990; Ювяскюля, 1995; Тарту, 2000; Йошкар-Ола, 2005).

Ему свойственно заинтересованное, пристрастное отношение ко всему, что делается в финно-угроведении и марийском языкознании, ему присуще пристальное внимание ко всем аспектам финно-угроведения и понимание задач дальнейшего движения науки в области изучения марийского языка и его диалектов.

Вот уже четверть века профессор Анатолий Николаевич трудится в Марийском государственном педагогическом институте им. Н.К.Крупской. Он заведует кафедрой марийского языка и литературы, читает студентам множество курсов по теоретическим и специальным дисциплинам, ведет практические занятия. Примечательной особенностью его занятий являются постоянные библиографические экскурсы, подробно освещающие литературу по общим и частным вопросам языкознания, учит будущих учителей самостоятельно добывать знания.

Необычайно целеустремленный и последовательный в своих научных изысканиях, ученый широкого диапазона, исключительного трудолюбия, А.Н.Куклин полон новых творческих замыслов. Внимательный и требовательный к своим коллегам, А.Н.Куклин относится с большим пониманием не только к близким его научному творчеству направлениям, но и к иным научным устремлениям.

Мы, его коллеги, большая армия студентов, общественность поздравляем Анатолия Николаевича с юбилеем, желаем здоровья, больших успехов в научно-педагогической деятельности и долгих лет жизни!

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Климов Г. А.* Основы лингвистической компаративистики. – М., 1990.

2. Перспективы развития славянской ономастики / АН СССР, Ин-т языкознания. – М., 1980.

3. *Куклин А. Н.* Топонимия Волго-Камского региона (историко-этимологический анализ). – Йошкар-Ола, 1998.

4. *Куклин А. Н.* Орфоэпия лугово-восточных мари. – Йошкар-Ола, 2003.

5. *Кельмаков В. К.* Исследование о марийской орфоэпии // Формирование и развитие литературных языков народов Поволжья. Материалы V Международного симпозиума. – Ижевск, 2004.

«Финно-угроведение», 2008, № 1

Марина Ипакова
Йошкар-Ола

ПРОФЕССОРУ АЛХО АЛХОНИЕМИ – 75 ЛЕТ

14 мая 2008 г. исполнилось 75 лет со дня рождения известного финно-угроведа, крупного специалиста по марийскому и мордовским языкам, финского лингвиста, доктора философии, профессора Алхо Алхониеми. Алхо Алхониеми – яркий представитель финского народа. Он внес большой вклад в развитие марийского языкознания, благодаря ему исследование марийского языка заметно шагнуло вперед.

Алхо Эса Веса Алхониеми родился 14 мая 1933 года в Суомуссалми в семье учителей. В 1952 году он окончил школу в Каннусе, на следующий год поступил в университет г. Турку изучать финский язык, литературу и историю. Следует отметить, что еще в студенческие годы интерес к марийскому языку у А. Алхониеми пробудил специалист по финскому и родственным ему языкам адъюнкт-профессор Пааво Сиро. В 1935–1936 гг. в Венгрии он изучал марийский язык у известного специалиста по марийскому языку Эдена Беке. В середине 50-х гг. Пааво Сиро в течение одного учебного года преподавал марийский язык в Туркуском университете. В это же время он работал над диалектными материалами марийского языка Т. Евсеева, которые были отправлены в Финно-угорское общество. Пааво Сиро хотел подготовить и издать марийский диалектный словарь. Для этой цели в помощники он взял А. Алхониеми. Но через некоторое время Пааво Сиро оставил эту работу, и старые марийские материалы перешли в руки А. Алхониеми.

В 1957 году А. Алхониеми успешно окончил университет и написал работу на тему «Суоми в шведской поэзии 1808–1860 гг.» (в 1808 году Швеция уступила Финляндию России, и это нашло отражение в шведской поэзии. Будущий профессор решил посвятить свою научную работу данной проблеме). По окончании университета он написал работу «Синтаксис латива и иллатива в марийском языке».

В 1960 году юбиляр защитил лицензиатскую работу по марийскому языку на тему «Употребление латива и иллатива» и стал лицензиатом философии. Затем в своей докторской работе, которая называется «Über die Funktionen der Wohin-Kasus

im Tscheremissischen» (1), он обобщил употребление продуктивных и непродуктивных направительных падежей в марийском языке. При написании докторской диссертации профессор использовал ценнейший диалектный материал марийского языка, собранный финскими и венгерскими исследователями в конце XIX – начале XX вв., а также тексты на луговом и горном литературных языках.

В 1957 году юбиляр стал ассистентом кафедры финского языка Туркуского университета. В 1960–1963 гг., будучи стипендиатом Финно-угорского общества, работал над рукописными марийскими диалектными материалами. В это же время А. Алхониеми был преподавателем финского языка Åbo Академии. В 1963–1966 гг. он работал лектором финского языка университета г. Турку, а в 1966–1969 гг. – адъюнкт-профессором университета г. Тампере. В 1969–1971 гг. А. Алхониеми был адъюнкт-профессором Туркуского университета, а с 1971 г. по 1996 г. (до выхода на заслуженный отдых) он занимал должность профессора финно-угристики университета г. Турку. Благодаря ему кафедра финно-угорских языков превратилась в ведущий центр изучения марийского языка в Финляндии. В настоящее время кафедра плодотворно сотрудничает с кафедрами марийского и финно-угорских языков Марийского государственного университета.

Уже в 50-е годы А. Алхониеми обрабатывал фольклорные и диалектные материалы марийского языка, собранные Ю. Вихманном в начале XX в. На основе материалов Ю. Вихманна А. Алхониеми написал статью «Über das tscheremissische ßal, ßäl» (2, с.75–87), где он объяснил этимологию и употребление этих слов. Это была первая его работа по марийскому языку.

А. Алхониеми отдельные свои статьи посвятил морфосинтаксису марийского языка, в частности изучению системы падежей в нем. К этим работам относятся такие исследования, как: «Über die distributive Verwendung der tscheremissischen Postposition *γətš*» (3, с. 7–16); «Tulosijojen käytöstä omistamisen tai hankinnan kohteen ilmaisemiseen tšeremissin kielessä» (4, с. 13–21); «Zur Ausdrucksweise des Mittels durch die Wohin-Kasus im Tscheremissischen» (5, с. 11–22); «Über die Form des zu Verbalnomina tretenden Objekts im Tscheremissischen» (6, с. 1–136); «Über einige nichtadverbale Verwendungsweisen der Wohin-Kasus im Tscheremissischen» (7, с. 15–20); «Zur Verwendung der Trennungskasus im Tscheremissischen» (8, с. 5–131); «Zur Form der die Zeitdauer ausdrückenden Adverbiale im Tscheremissischen» (9, с. 1–11); «Über die Kasuskongruenz von Adjektiv und Partizip in den tscheremissischen Dialekten» (10, с. 281–289); «Nominen taivutuksesta ensimmäisissä marin kieliopeissa» (11, с. 26–32); «Особенности употребления инессива в марийском языке» (12, с. 46–52); «Über die alten und neuen Lokalsuffixe im Tscheremissischen» (13, с. 95–115).

А. Алхониеми уделял внимание и фонетике марийского языка. В этом плане можно отметить его знаменитую работу «Zur Phonotaktik und Morphonologie des Westtscheremissischen» (14, с. 183–194). Основу этого исследования составляют материалы горного наречия марийского языка.

Для юбиляра характерно скрупулезное изучение марийского языка. Довольно богатый материал вошел в его книгу «Marin kielioppi» (15). Профессор в одном из разде-

лов книги о фонотактике впервые наиболее полно обобщил возможности сочетаемости фонем и их местоположения в слове. В главе о морфологии он указывает, что в лугово-восточной норме марийского литературного языка имеется 9 падежей, а в горномарийской – 10. Далее автор рассматривает не значения падежей, а их синтаксические функции. Марийские причастия он делит на активные и пассивные. По его мнению, причастие будущего времени может употребляться также в качестве инфинитива. В разделе о словообразовании достаточно подробно рассмотрены все способы марийского словообразования, определены также значения суффиксов (16, с. 214–216).

В дополнение к марийской грамматике «Marin kielioppi» (15) А. Алхониеми выпустил «Marin kielen lukemisto» (17). Эти же книги были изданы на немецком языке в Германии под названием «Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Mit Texten und Glossar» (18). Перевод осуществлен известным ученым Х.-Х. Бартенсом. Структура марийского языка четко представлена также в его статье «Das Tscheremissische» (19, с. 84–105).

Научный диапазон юбиляра широк, исследователь не замыкается на изучении одного направления в марийском языкознании. Как было отмечено, в научной деятельности А. Алхониеми одно из ведущих мест занимает подготовка рукописных марийских материалов к публикации. Еще в 1960-е годы профессор, будучи стипендиатом Финно-угорского общества, положил начало подготовке диалектного словаря марийского языка. Эта работа впоследствии остановилась и почти на 20 лет была забыта. Благодаря профессору А. Алхониеми в начале 1980-х гг. она возобновилась. Словарь диалектов марийского языка увидит вскоре свет.

В 1970-е годы А. Алхониеми начал готовить к публикации старые марийские диалектные тексты. Одной из первых изданных работ в этой области является полевой материал, собранный известным финским ученым Ю. Вихманном в разных районах проживания марийского народа («Tscheremissische Sätze») (20).

В первый приезд в Марий Эл у А. Алхониеми был с собой рукописный материал Т. Евсеева. Известно, Т. Евсеев был мастером в сборе этнографического и фольклорного материалов. Этому делу молодого Тимофея научил в начале XX в. Юрье Вихманн. В течение двадцати лет Т. Евсеев отправлял собранный материал в адрес Финно-угорского общества. А. Алхониеми и И.С. Галкин в течение двух недель тщательно проверяли материалы, привезенные из Финляндии. После возвращения из Марий Эл А. Алхониеми с коллегой С. Сааринен подготовили тексты сказок, преданий, легенд, народных сказаний Т. Евсеева к печати. В 1983 году данные тексты вышли под названием «Timofej Jevsevjevs Folklore-Sammlungen aus dem Tscheremissischen. I» (21). Затем эту работу продолжила С. Сааринен.

Профессор А. Алхониеми большое внимание уделял и уделяет мордовским языкам. В 1970-е годы в рамках финансирования Академией наук Финляндии профессор возглавил проект по морфологии мордовских языков. В рамках проекта был проанализирован большой текстовый материал, каждое слово было снабжено морфологическим кодом.Проект известен весьма широко, его результатами пользуются и студенты, и молодые исследователи в своих научных изысканиях. На материале данного компьютерного корпуса было написано много магистерских работ и исследований.

Проф. А. Алхониеми много работает также над проблемами синтаксиса мордовских языков. В этом плане можно выделить такие исследования, как: «*Ez*-vartaloisten postpositioiden asemasta mordvan syntaktisessa järjestelmässä» (22, с. 31–44); «Eräitä näkökohtia mordvan nominaalisen predikaatin käytöstä» (23, с. 47–58); «Der Konstruktionstyp Demonstrativpronomen + indefinite Lokalkasusform im Erzamordwinischen» (24, с. 284–291); «Die mit dem Objektgebrauch verbundenen Probleme im Mordwinischen» (25, с. 92–98); «Zur Kasuskennzeichnung des Objekts im Mordwinischen» (26, с. 18–30); «Mordvan "paljon" ja "vähän"-sanojen syntaksista» (27, с. 1–20); «Mordvan sijasynkretismistä» (28, с. 34–45); «Ersän ja mokšan sisäisistä eroista: "kysyä"-verbin käytön aspektuaalista tarkastelua» (29, с. 26–32); «Об объекте т.н. номинативного инфинитива в мордовском языке» (30, с. 21–30); «Zur Verwendung der Objektkonjugation im Mordwinischen» (31, с. 145–152); «Über die Unterschiede bei der Verwendung der Subjekt- und Objektkonjugation im Ersa- und Mokscha-Mordwinischen» (32, с. 68–71).

Многие исследования А. Алхониеми посвящены сравнительному анализу финского и волжско-финских языков. К подобным работам можно отнести следующие статьи: «Отложительный падеж мордовских языков и партитив финского языка с точки зрения квантитативности» (33, с. 95–102); «Suomen ja mordvan vanhat erosijat omilla teillään» (34, с. 21–30). Особо можно выделить статью «Suomen ja tšeremissin kielen suuntasijajärjestelmien funktionaalisesta rakenteesta» (35, с. 66–77). В своей работе «Postpositiorakenteiden synkroniaa ja diakroniaa» (36, с. 27–44) автор сравнивает древние послелоги финского, марийского и мордовских языков. Все его научные труды убедительно доказаны и аргументированы.

Перу профессора принадлежат более 100 работ по различным проблемам финно-угорского языкознания. Общие вопросы финно-угроведения он рассматривал в следующих статьях: «Synkronisen tutkimuksen merkityksestä fennougristiikalle» (46, с. 5–15), «Suomen fenno-ugristiikan tulevaisuudesta» (47, с. 444–447), «Fennougristiikan monet kasvot» (48, с. 7–15).

Лингвиста привлекают и проблемы современного финского литературного языка и диалектологии. Эта тематика отражена в таких работах, как: «Rauman seudun murteen sisäheitosta» (37, с. 38–39); «Tilan essiivin jäsentämisestä suomen kielen lauseopeissa» (38, с. 31–52); «Suomen kirjakielen luonteenomaiset piirteet» (39, с. 83–102); «Sivistyssanasto» (40, с. 407–486); «Eräistä suomen kielen paikallissijojen keskeisistä käyttötavoista» (41, с. 5–24); «Suomen kielen terminatiiveista» (42, с. 188–206); «Suomen kielen *l* ja *s*-sijojen oppositiosta» (43, с. 89–105); «Ajankeston ja ajankohdan adverbaaleista suomen kielessä» (44, с. 1–8); «Suomen kielen paikallissijojen käytöstä» (45, с. 209–228).

Проф. А. Алхониеми известен как высококвалифицированный преподаватель. Кроме лекционных, он вел практические занятия, при этом активно использовал также материалы марийского, мордовских и других финно-угорских языков. Кроме марийского и мордовских языков, он преподавал коми язык.

А. Алхониеми был одним из главных организаторов V Международного конгресса финно-угроведов, который состоялся в 1980 году в г. Турку (Финляндия). В 1980 году он избран кандидатом в члены Международного комитета конгресса финно-угроведов, а с 1985 года является его действительным членом.

С 1981 года был в составе финско-советского научно-технического комитета в области языкознания. Работая в этом комитете, А. Алхониеми искал возможности для финских исследователей посещать земли восточных финно-угорских народов. Он уже в 1961 г., являясь стипендиатом Московского университета, пытался попасть к марийцам. Специально для этого он углубленно изучал русский язык, однако путешествие к марийцам не удалось. А в 1981 году ему первому из западных финно-угроведов после Второй мировой войны посчастливилось побывать на марийской земле. В 1983 году он посетил Марийский край второй раз.

А. Алхониеми всегда подчеркивал важность живого общения с носителями языка. Так в университеты Хельсинки и Турку впервые были приглашены лекторы из Мордовии, Удмуртии и Республики Марий Эл. В 1990 году, когда Россия открыла свою границу, А. Алхониеми с группой студентов Туркуского университета поехал в Мордовию. В 1992 году с такой же группой он побывал в Республике Марий Эл.

В 1993 году при университете г. Турку А. Алхониеми открыл Центр по исследованию волжско-финских языков, который существует и в настоящее время. Центр занимается также подготовкой двуязычных и обратных словарей, например, уже изданы марийско-финский, финско-марийский, мокша-финский, эрзя-финский, финско-эрзянский, чувашско-финский двуязычные словари, обратные словари марийского и мордовских языков. Скоро выйдет в свет удмуртско-финский словарь. В проекте совместно работают марийские, мордовские, удмуртские и чувашские исследователи.

В 1993 году благодаря профессору А. Алхониеми в Марийский государственный университет была впервые приглашена из Финляндии в качестве ассистентки для преподавания финского языка Райса Маянен. После нее финский язык в МарГУ преподавали Анна-Майя Луоми, Тимо Виитанен, Анника Пасанен, Эсса-Юсси Салминен. В настоящее время их работу продолжает Хилкка Ахола.

А. Алхониеми занимал многие должности, некоторые из них можно перечислить: секретарь Общества финского языка (1958–1962 гг., 1969–1970 гг.), руководитель этого общества (1971–1980 гг.), член редколлегии журнала «Sananjalka» (с 1975 г.), член правления Центра по исследованию государственных языков (1976–1982 гг.), член правления Общества финской литературы (1981–1984 гг.), первый заместитель председателя Финно-угорского общества (1981–1999 гг.), член государственного гуманитарного комитета и председатель отдела языкознания этого комитета (1986–1988 гг.), главный редактор журнала «Finnisch-ugrische Forschungen» (1991–1998 гг.). В 1990–1991 гг. А. Алхониеми являлся членом рабочей группы по изучению Восточной Европы при Министерстве образования Финляндии.

Профессор А. Алхониеми – Почетный доктор университета г. Упсала (1994 г.), Почетный доктор Марийского государственного университета (1994 г.), Почетный доктор Мордовского государственного университета (1998 г.), Почетный член Общества М.А. Кастрена, Почетный член Урало-Алтайского общества (2000 г.), Почетный член Финно-угорского общества (2000 г.).

Феномен профессора прост: внимательность, обязательность, доброта, отзывчивость. Финно-угроведы Республики Марий Эл желают ему крепкого здоровья, успехов и долгих лет жизни.

Таза, эсен да кужу ӱмыран лийза, пагалыме профессор Алхо Алхониеми.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. *Alhoniemi A.* Über die Funktionen der Wohin-Kasus im Tscheremissischen // MSFOu 142. – Helsinki, 1967.

2. *Alhoniemi A.* Über das tscheremissische ßal, ßäl // FUF 35. – Helsinki, 1964.

3. *Alhoniemi A.* Über die distributive Verwendung der tscheremissischen Postposition *γətš* // Congressus secundus internationalis Fenno-Ugristarum: Helsingiae habitus 23.–28.8.1965. Pars I. – Helsinki, 1968.

4. *Alhoniemi A.* Tulosijojen käytöstä omistamisen tai hankinnan kohteen ilmaisemiseen tšeremissin kielessä // Acta Universitatis Tampererensis. Ser. A., Vol. 26. – Tampere, 1969.

5. *Alhoniemi A.* Zur Ausdrucksweise des Mittels durch die Wohin-Kasus im Tscheremissischen // Symposion über Syntax der uralischen Sprachen. Abhandlungen der Akademie der Wissenschaften in Göttingen 76. – Göttingen, 1970.

6. *Alhoniemi A.* Über die Form des zu Verbalnomina tretenden Objekts im Tscheremissischen // FUF 38. – Helsinki, 1970.

7. *Alhoniemi A.* Über einige nichtadverbale Verwendungsweisen der Wohin-Kasus im Tscheremissischen // MSFOu 150. – Helsinki, 1973.

8. *Alhoniemi A.* Zur Verwendung der Trennungskasus im Tscheremissischen // FUF 42. – Helsinki, 1977.

9. *Alhoniemi A.* Zur Form der die Zeitdauer ausdrückenden Adverbiale im Tscheremissischen // FUF 40. – Helsinki, 1973.

10. *Alhoniemi A.* Über die Kasuskongruenz von Adjektiv und Partizip in den tscheremissischen Dialekten // Nyk 85. – Budapest, 1983.

11. *Alhoniemi A.* Nominen taivutuksesta ensimmäisissä marin kieliopeissa // MSFOu 228. – Helsinki, 1998.

12. *Alhoniemi A.* Особенности употребления инессива в марийском языке // Финно-угроведение, 1996, № 2.

13. *Alhoniemi A.* Über die alten und neuen Lokalsuffixe im Tscheremissischen // FUF 56. – Helsinki, 2001.

14. *Alhoniemi A.* Zur Phonotaktik und Morphonologie des Westtscheremissischen // Studien zur phonologischen Beschreibung uralischer Sprachen, hrsg. von Péter Hajdú und Lászly Honti. Bibliotheca Uralica 7. – Budapest, 1984.

15. *Alhoniemi A.* Marin kielioppi. Apuneuvoja suomalais-ugrilaisten kielten opintoja varten 10. Suomalais-ugrilainen seura. – Helsinki, 1985.

16. *Галкин И.С.* 60-летию Алхо Алхониеми // Linguistica Uralica, 1993, № 3.

17. *Alhoniemi A.* Marin kielen lukemisto. Apuneuvoja suomalais-ugrilaisten kielten opintoja varten XI. Suomalais-ugrilainen seura. – Helsinki, 1986.

18. *Alhoniemi A.* Grammatik des Tscheremissischen (Mari). Mit Texten und Glossar. Übersetzung Hans-Harmann Bartens. 1993.

19. *Alhoniemi A.* Das Tscheremissische // The Uralic Languages. Denis Sinor (ed.), Handbuch der Orientalistik, Achte Abteilung I. 1988.

20. Tscheremissische Sätze. Ges. von Yrjö Wichmann, hrsg. von Alho Alhoniemi und Sirkka Saarinen // MSFOu 163. – Helsinki, 1978.

21. Timofej Jevsevjevs Folklore-Sammlungen aus dem Tscheremissischen. I: Märchen, Sagen und Volkserzählungen. Hrsg. von Alho Alhoniemi und Sirkka Saarinen // MSFOu 184. – Helsinki, 1983.

22. *Alhoniemi A. Ez-* vartaloisten postpositioiden asemasta mordvan syntaktisessa järjestelmässä // MSFOu 181. – Helsinki, 1982.

23. *Alhoniemi A.* Eräitä näkökohtia mordvan nominaalisen predikaatin käytöstä // Lauseenjäsennyksen perusteet. Suomen kielitieteellisen yhdistyksen julkaisuja 9. – Turku, 1982.

24. *Alhoniemi A.* Der Konstruktionstyp Demonstrativpronomen + indefinite Lokalkasusform im Erzamordwinischen // Linguistica Uralica, 1990, № 4.

25. *Alhoniemi A.* Die mit dem Objektgebrauch verbundenen Probleme im Mordwinischen // Congressus septimus internationalis Fenno-ugristarum 3C. – Debrecen, 1990.

26. *Alhoniemi A.* Zur Kasuskennzeichnung des Objekts im Mordwinischen // Suomen kielitieteellisen yhdistyksen vuosikirja 1991. – Helsinki, 1991.

27. *Alhoniemi A.* Mordvan "paljon" ja "vähän"-sanojen syntaksista // Variaatioita. Tampereen yliopiston suomen kielen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja. Opera Fennistica & Lingvistica 4. – Tampere, 1992.

28. *Alhoniemi A.* Mordvan sijasynkretismistä // Sananjalka 34. – Turku, 1992.

29. *Alhoniemi A.* Ersän ja mokšan sisäisistä eroista: "kysyä"-verbin käytön aspektuaalista tarkastelua // MSFOu 215. – Helsinki, 1993.

30. *Alhoniemi A.* Об объекте т.н. номинативного инфинитива в мордовском языке // Volgalaiskielet muutoksessa. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 45. 1994.

31. *Alhoniemi A.* Zur Verwendung der Objektkonjugation im Mordwinischen // Studia Uralica Upsaliensia 26. 1996.

32. *Alhoniemi A.* Über die Unterschiede bei der Verwendung der Subjekt- und Objektkonjugation im Ersa- und Mokscha-Mordwinischen // Congressus Octavus Internationalis Fenno-Ugristarum: Jyväskylä 10.-15.8. 1995. Pars III. 1996.

33. *Alhoniemi A.* Отложительный падеж мордовских языков и партитив финского языка с точки зрения квантитативности // Сущность, развитие и функции языка / Отв. ред. Г.В. Степанов. Академия наук СССР. – М., 1987.

34. *Alhoniemi A.* Suomen ja mordvan vanhat erosijat omilla teillään // Sananjalka 31. – Turku, 1989.

35. *Alhoniemi A.* Suomen ja tšeremissin kielen suuntasijajärjestelmien funktionaalisesta rakenteesta // Sananjalka 10. – Turku, 1968.

36. *Alhoniemi A.* Postpositiorakenteiden synkroniaa ja diakroniaa // Sananjalka 30. – Turku, 1988.

37. *Alhoniemi A.* Rauman seudun murteen sisäheitosta // Sananjalka 9. – Turku, 1967.

38. *Alhoniemi A.* Tilan essiivin jäsentämisestä suomen kielen lauseopeissa // Acta Universitatis Tamperensis. Ser. A, Vol. 18. – Tampere, 1967.

39. *Alhoniemi A.* Suomen kirjakielen luonteenomaiset piirteet // Suomen kielen käsikirja, toim. Osmo Ikola. – Helsinki, 1968.

40. *Alhoniemi A.* Sivistyssanasto // Suomen kielen käsikirja, toim. Osmo Ikola. – Helsinki, 1968.

41. *Alhoniemi A.* Eräistä suomen kielen paikallissijojen keskeisistä käyttötavoista // Sananjalka 17. – Turku, 1975.

42. *Alhoniemi A.* Suomen kielen terminatiiveista // Rakenteita. Juhlakirja Osmo Ikolan 60-vuotispäiväksi 6.2.1978. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 6. – Turku, 1978.

43. *Alhoniemi A.* Suomen kielen *l* ja *s*-sijojen oppositiosta // Sanomia. Juhlakirja Eeva Kangasmaa-Minnin 60-vuotispäiväksi 14.4.1979, toimituskunta: Jussi Kallio. Turun yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 9. – Turku, 1979.

44. *Alhoniemi A.* Ajankeston ja ajankohdan adverbaaleista suomen kielessä // Explanationes et Tractationes Fenno-Ugricae in Honorem Hans Fromm. – München, 1979.

45. *Alhoniemi A.* Suomen kielen paikallissijojen käytöstä // Nykysuomen rakenne ja kehitys I, toim. Auli Hakulinen, Pentti Leino. Tietolipas 93. – Helsinki, 1983.

46. *Alhoniemi A.* Synkronisen tutkimuksen merkityksestä fennougristiikalle // Sananjalka 14. – Turku, 1972.

47. *Alhoniemi A.* Suomen fennougristiikan tulevaisuudesta // Virittäjä. – Helsinki, 1996.

48. *Alhoniemi A.* Fennougristiikan monet kasvot // Sananjalka 39. – Turku, 1997.

«Финно-угроведение», 2008, № 1

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Рец.: ТУРУБАНОВ А.Н. Топливный комплекс Республики Коми в XX веке. Сыктывкар, 2007. 191с.

Настоящая монография посвящена изучению формирования и развития топливного комплекса Республики Коми за весьма широкие хронологические рамки – сто лет.

Автор справедливо отмечает, что изучение истории формирования и функционирования многоотраслевого топливного хозяйства Республики Коми в XX веке является актуальным и имеет не только научное, но и практическое значение. Автор поставил перед собой задачу проанализировать социально-экономическую политику государства в области освоения топливно-энергетических богатств Республики Коми, изучить историю создания производственно-технической базы топливной промышленности, рассмотреть вопросы комплектования трудовых коллективов топливодобывающих и топливоперерабатывающих предприятий, проследить изменения материального уровня работников топливного комплекса, их бытовых условий в специфических условиях Севера России.

Структурно работа состоит из введения и двух частей, включающих в себя пять глав.

Во введении рассматриваются степень изученности темы и источниковая база исследования. Справедливо указывается, что ученые Республики Коми проделали значительную работу по изучению проблем индустриального развития региона и, в частности, топливных отраслей хозяйства края. Наибольшее внимание было посвящено периоду Великой Отечественной войны, что нашло отражение в ряде диссертационных исследований. Вместе с тем многие важнейшие проблемы функционирования отраслей топливного хозяйства Коми еще фронтально не изучены. Такие сюжеты, как вопросы развития материально-технической базы отрасли, уровень материального благосостояния тружеников топливного комплекса, количественные и качественные изменения в составе работающих были поставлены в литературе, но все-таки слабо исследованы. Важной задачей являлось исследование вклада подневольных людей (заключенные, спецпереселенцы) в развитие топливной промышленности, что также не нашло достойного отражения в исторической литературе.

При написании монографии автор использовал солидную источниковую базу. Наиболее важный материал по теме исследования был извлечен из архивов Сык-

тывкара, Воркуты, Инты и Ухты, а также архивов Москвы и других городов нашей страны. Широко привлекались документы и материалы КПСС и Советского правительства, областного исполнительного комитета, Президиума Верховного Совета и Совета Министров Коми АССР, Совета народного хозяйства Коми республики и его отраслевых управлений, материалы периодической печати. Своеобразными источниками большой важности явились также данные разного рода социологических исследований, которые проводились в Республике Коми.

Первая часть монографии посвящена истории топливного хозяйства Коми в первое тридцатилетие XX века. Справедливо отмечая, что в развитии производительных сил Коми топливный комплекс является ведущей отраслью народного хозяйства, автор указывает, что в рассматриваемый период топливно-энергетические ресурсы были изучены очень неравномерно. Основную часть этих ресурсов составляла топливная древесина, а месторождения нефти и угля практически не были исследованы. Широкомасштабные обследования природных богатств Коми начались только в 20-е годы прошлого столетия. Восстановление и дальнейшее развитие народного хозяйства страны потребовало коренным образом изменить топливную политику государства. Главной задачей в топливном хозяйстве страны стала минерализация топливного баланса путем форсирования добычи угля и нефти. Именно к началу 30-х годов XX века на территории Коми возникла опорная база для промышленного освоения энергетических ресурсов края. С этого периода темпы индустриального развития Коми возросли, и в основном определился профиль края как ресурсодобывающего региона страны.

Основное место в книге занимает вторая часть монографии «Топливный комплекс Республики Коми в условиях промышленного освоения энергетических ресурсов региона». Первая глава посвящена 30-м годам XX века, когда начались первые промышленные разработки минерального топлива в крае. В рассматриваемый период здесь начались не только крупномасштабные геологические работы, но строительство первых производственных объектов по эксплуатации нефтяных и угольных месторождений региона. В эти годы решался не менее важный вопрос – создание кадров строителей и эксплуатационников предприятий топливных отраслей промышленности Коми. В решении этих задач важное место отводилось принудительной колонизации спецпереселенцев и заключенных. Они стали основной рабочей силой в развитии топливной промышленности. В 1934 г. доля вольнонаемных рабочих и служащих в системе Ухто-Печерского лагеря достигла всего 3% от общего числа работников, а удельный вес заключенных превысил 88%, остальные трудпоселенцы. В 1938 г. в составе персонала работников Воркуто-Печерского лагеря доля вольнонаемного промышленно-производственного персонала не превышала 3%, в 1940 г. – 3,7% (с.41). Однако уделялось внимание и подготовке кадров в учебных заведениях. Был открыт первый горный техникум. Получала специальность молодежь и на различных профтехкурсах и школах бригадного ученичества. Именно в 30-е годы в Коми возник новый кадровый и производственно-технический потенциал для развития в промышленных масштабах топливных отраслей народного хозяйства края.

Вторая глава посвящена развитию топливной базы Коми АССР в годы Великой Отечественной войны. За 1941–1945 гг. производственно-техническая база предприятий топливного комплекса окрепла. Как отмечает автор, это было связано, в первую очередь, с выполнением тех задач, которые стояли перед отраслью, как важнейшей составляющей оборонного потенциала страны.

Другая, не менее важная проблема, которая с трудом решалась в годы войны – это проблема индустриальных кадров. А.Н. Турубанов считает, что формы комплектования рабочих коллективов являлись как ненасильственными, так и внеэкономическими, т.е. принудительными. Трудности военных лет отразились не только в комплектовании рабочих коллективов. Важнейшей проблемой оставалось на протяжении всех лет войны создание минимальных условий труда и быта работников. Трудность усугублялась и специфическими условиями Севера. Новое промышленное строительство производилось практически на пустом месте – в условиях тундры, лесотундры и тайги. И все же топливный комплекс Коми АССР за годы войны крепко встал «на ноги». Комплекс стал многоотраслевым производством, а республика – важным регионом в Европейской части страны по обеспечению потребностей многих областей и республик в топливно-энергетических ресурсах.

Третья глава «Топливный комплекс Республики Коми в послевоенные годы» охватывает значительный временной период – с1946 года по конец XX века. Автор предлагает разделить инвестиционный процесс в отраслях топливного комплекса Коми на три части: 1946–1965 гг., 1966–1990 гг. и 1991–2000 гг., что обусловлено особенностями их развития на различных этапах функционирования нашего общества (с.67). Первый период заканчивается серединой 60-х годов, когда было преодолено наследие гулаговской экономики на территории края. Второй период характеризуется в первую очередь перераспределением государственных капиталовложений из угольной отрасли в нефтегазовую, в которую было направлено 44% всех капвложений в промышленность края против 16,7% в угольную. За 1946–1965 гг. соответственно 20,7% и 40%. В 90-е годы крупных государственных ресурсов топливные отрасли хозяйства Коми уже не получали. Доля государственного бюджета в 1998 г. составила 1,2%,а в 2000 г. – 0,8% всех инвестиций в основной капитал топливных отраслей хозяйства республики (с.71). Источниками инвестиций в основной капитал стали средства предприятий.

Большое внимание в данном разделе уделяется решению кадровых проблем в отраслях топливного комплекса Коми. В этот период, особенно в первое военное десятилетие, началось постепенное освобождение и выезд из Коми не только заключенных, но и спецпоселенцев. На предприятия топливных отраслей стали поступать молодые люди как после окончания общеобразовательной школы, так и из системы профтехобразования. Однако в 1995–2000 гг. в рыночных условиях функционирования предприятий топливной промышленности Республики Коми возрос коэффициент убытия промышленных кадров.

Произошли определенные изменения и в численности работников коренной национальности. Их численность значительно увеличилась

Третий параграф третьей главы посвящен изменениям уровня жизни рабочих и служащих предприятий и организаций топливного комплекса в 1946–2000 гг. Здесь рассматриваются различные вопросы, характеризующие жизнь работников топливной промышленности – заработная плата, изменения в потреблении основных продуктов питания, жилищное строительство, обеспеченность дошкольными учреждениями и др. Отмечая успехи в улучшении уровня жизни, автор в то же время указывает, что в первые годы реформы конца XX века реальные доходы населения Коми сократились в 2,5 раза, ниже черты бедности оказалось более трети живущих в республике. Не обходит стороной автор и такой сложный вопрос как забастовочное движение работников топливного комплекса конца 80-х годов XX века, в первую очередь шахтеров Воркуты и Инты. А.Н. Турубанов указывает, что особенности забастовочного движения заключались в том, что они отличались политизированным характером бастующих рабочих и большим удельным весом работников, принимавших активное участие в стачечных акциях.

Подводя итоги вышесказанному, автор подчеркивает, что развитие топливного комплекса в Республике Коми носило в основном добывающий характер. Он отмечает, что «союзные министерства и ведомства, располагая финансовыми и материальными ресурсами, меньше всего были заинтересованы в комплексном использовании производительных сил национальной республики» (с.171).

В то же время правительством Республики Коми подготовлена новая стратегия экономического и социального развития Республики Коми на 2006–2010 гг. и на период до 2015 года. Как всегда в этих программных разработках большое внимание уделяется развитию предприятий топливного комплекса региона.

Следует отметить, что создание такого труда как монография «Топливный комплекс Республики Коми в XX веке» уже давно являлось насущной задачей для историков Коми. И представленное исследование, написанное на достаточно высоком уровне, во многом восполняет этот пробел. Оно внесет важный вклад в изучение всей истории Республики Коми.

Владимир Сухин
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2008, № 1

Рец.: ЯДАРОВА И.А. Развитие жанра очерка в марийской литературе (1900–1930-е годы). Йошкар-Ола, 2008. 142 с.

Монография И.Я.Ядаровой является серьезным, завершенным научным исследованием. Вполне закономерно, что именно жанр очерка, переживающий в своем развитии очередной подъем, обусловленный масштабными переменами во всех сферах жизни общества, стал объектом научного исследования. До настоящего времени в марийском литературоведении не было научных работ, специально посвященных изучению проблем зарождения и развития очерка, его специфики и жанровой поэтики. В настоящее время все острее назревает необходимость создания целостной картины развития марийской литературы и очерка, в частности, как одного из полноправных ее жанров. Наряду с очерковыми произведениями известных марийских писателей С.Чавайна, М.Шкетана, Н.Игнатьева И.А.Ядаровой представлены и введены в научный оборот ранее неизвестные очерки 20–30-х годов минувшего века таких самобытных марийских авторов, как П.Веселов-Сталь, Г.Ефруш, П.Пайдуш, И.Осмин и др. Кроме того, автором впервые составлен свод очерковых произведений, опубликованных в указанный период, на обоих марийских языках (луговом и горном).

Структура монографии определена четко сформулированной целью исследования (создание целостной картины развития марийского очерка в 1900–1930-е годы) и ее задачами.

Первая глава исследования «Проблема жанра очерка в критике и литературоведении» посвящена вопросам истории и теории жанра. На материале русской литературы XIX–XX вв. прослеживается история развития очерка, его «родословная», а также генетические связи данной жанровой формы с «хож(д)ениями», дневниками, мемуарами, агиографиями и т.д.

Тщательно проанализировав материалы полемических выступлений писателей-практиков и литературоведов, автор доказательно выделяет основные признаки очеркового жанра: не исключающая вымысла документальность, публицистичность при четко определенной авторской позиции, синтез научно-познавательных и художественных начал – ставшие исходной теоретической платформой для рассмотрении марийских очерков первой трети XX в.

Материал данной главы свидетельствует о серьезной и основательной теоретической подготовке автора. Методологической основой исследования послужили труды по теории и истории мировой и русской литературы М.Бахтина, Р.Уэллека и Ф.Уоррена, В.Хализева, А.Волкова и др. Широко привлекаются исследования по

проблемам очерка российских ученых Е.Журбиной, В.Алексеева, М.Черепахова, М.Щеглова и др. Значительно расширяет рамки исследования обращение к трудам чувашских, мордовских, татарских и коми литературоведов по данной теме. В свете научных разработок исследователя литературы Н.Глушкова автором составлена типология марийского очерка, основные жанровые модификации которого сложились в 1920–1930-е годы.

В главе «Зарождение марийского очерка» для выявления истоков марийской очерковой литературы И.А.Ядарова обращается к анализу этнографических очерков с марийским содержанием второй половины XIX в. Подчеркнув генетическое родство с устно-поэтическим народным творчеством, автор рассматривает их с точки зрения тематики, степени и способа использования фольклорных материалов, авторства, богатства языка и художественных приемов и приходит к справедливому заключению, что именно этнографические очерки второй половины XIX в. являются предисторией марийского очерка, что в них определились основополагающие черты жанра очерка, получившего свое дальнейшее развитие в первой трети прошлого века.

Далее автором монографии скрупулезно прослежен процесс вычленения очерка из числа смешанных прозаических форм, бытовавших в зарождающейся марийской литературе, а также постепенное обретение очерком четких жанровых очертаний. На основе анализа очерковых произведений, опубликованных на страницах «Марийских календарей», И.А.Ядарова выделяет ряд так называемых «определителей» жанра – простота сюжета, ярко выраженный национальный колорит, обусловленный заимствованными у фольклора художественно-изобразительными средствами, а также лирический стиль повествования. Большой интерес, на наш взгляд, представляет анализ ранних произведений основоположника марийской литературы С.Г.Чавайна, выполненный в ракурсе участия писателя в процессе формирования очеркового жанра.

В главе «Развитие марийского очерка в 20–30-е годы» автор основное внимание уделяет выявлению типологии марийского очерка и анализу взаимодействия очерка с другими жанрами (статьей, рассказом, повестью). На убедительно прописанном историческом фоне «России, революцией потрясенной», И.А.Ядарова раскрывает идейный пафос очерковых произведений первых лет Советской власти, изменение основных тематических доминант, а также характерные особенности сюжетостроения, идейно-художественной структуры и значения роли авторского начала и т.д. Автор убедительно доказывает, что именно в 20–30-е годы в марийской литературе сформировались почти все разновидности очерка. Преобладающими с точки зрения проблемно-тематических параметров были портретные, проблемные и путевые очерки. Исследуя взаимодействие очерка с другими прозаическими жанрами, И.А.Ядарова совершенно справедливо отмечает тяготение жанра очерка к «гибридизации» и ведет разговор о возникновении в марийской литературе 20–30-х годов таких гибридных очерковых форм, как очерк-статья, очерк-рассказ, очерковая повесть.

Исследование И.А.Ядаровой выполнено на высоком научном уровне. В нем обнаруживается прекрасное владение материалом, тонкий литературный вкус. Анализ отдельного очеркового произведения дается в строго определенном контексте, ему свойственны четкость и строгая подчиненность основной цели. Данное исследование несомненно имеет большое историко-литературное, теоретико-литературное и практическое значение.

Инна Алексеевна Ядарова (1970–2004) ушла из жизни безвременно, после тяжелой болезни. Монография вышла в свет уже после ее смерти. В ноябре 2002 года в Чувашском государственном университете им.И.Н. Ульянова она защитила кандидатскую диссертацию на тему «Развитие жанра очерка в марийской литературе (1900–1930-е годы)». Это был светлый и мужественный человек, ученый, подававший большие надежды на поприще марийского литературоведения.

Наталия Кульбаева
Йошкар-Ола

ХРОНИКА

ИНФОРМАЦИОННОЕ СООБЩЕНИЕ

11–13 октября 2007 года в Марийском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории им.В.М.Васильева при Правительстве Республики Марий Эл при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (г.Москва) состоялась межрегиональная научно-практическая конференция «Положение молодежи в финно-угорских регионах Российской Федерации», посвященная Году молодежи в Приволжском федеральном округе.

В работе конференции приняли участие ученые, государственные служащие, деятели общественных организаций, преподаватели, аспиранты, студенты из финно-угорских регионов (Республика Коми, Республика Карелия, Удмуртская Республика, Республика Марий Эл, Ханты-Мансийский автономный округ), регионов Приволжского федерального округа (Республика Башкортостан, Республика Татарстан, Чувашская Республика, Кировская область) и г.Москва. С докладами выступили 40 человек

В адрес конференции был направлен приветственный адрес полномочного представителя Президента Российской Федерации А.В.Коновалова. С приветственным словом к участникам конференции обратился заместитель Главы Правительства Республики Марий Эл Л.А.Гаранин. С докладами выступили заместитель министра культуры, печати и по делам национальностей РМЭ Г.С.Ширяева, профессор И.Л.Корнаковский (г.Москва), заведующая отделом социологии МарНИИЯЛИ О.В.Орлова, директор научно-методического центра профессионального образования Республики Марий Эл Э.З. Идиатуллина, начальник Управления по делам молодежи Министерства образования Республики Марий Эл П.Н.Журавлев.

В рамках конференции состоялось заседание Круглого стола «Государственная молодежная политика: итоги, современное состояние, перспективы», в работе которого приняли участие работники государственных структур по делам молодежи г. Йошкар-Олы, Куженерского, Мари-Турекского, Медведевского, Советского, Новоторъяльского, Параньгинского, Юринского, Моркинского районов Республики Марий Эл, студенты высших учебных заведений г.Йошкар-Олы и деятели общественных организаций из городов Петрозаводска, Ижевска, Уфы и помощник депутата Думы Ханты-Мансийского автономного округа. Были обсуждены вопросы

реализации государственной молодежной политики на муниципальном уровне, взаимодействия молодежных общественных объединений с органами государственной власти.

Работа конференции велась по двум секциям. На заседании секции «Социализация молодежи» выступили ученые и преподаватели школ, высших учебных заведений из п. Медведево, городов Йошкар-Олы, Казани, Сыктывкара, Чебоксары. Были обсуждены проблемы приобщения молодежи к научно-исследовательской деятельности, профессиональной ориентации, развития добровольческих инициатив, формирования духовно-нравственных ориентиров и историко-социологические аспекты развития молодежных организаций в нашей стране. На заседании секции «Социальный статус и самоидентификация молодежи» выступили ученые из городов Йошкар-Олы, Сыктывкара, Ижевска, Кирова. Были рассмотрены вопросы этнической самоидентификации, статуса в социальном пространстве, социально-психологической адаптации.

При подведении итогов работы конференции все участники подчеркнули высокий научный уровень докладов и дискуссий по проблемам молодежи. В заключение была принята резолюция, в которой подчеркнута важность и необходимость проведения подобных конференций и намечены планы дальнейшего сотрудничества по проведению совместных межрегиональных исследований для успешной реализации государственной молодежной политики в регионах с компактным проживанием финно-угорских народов.

РЕЗОЛЮЦИЯ

Межрегиональной научно-практической конференции «Положение молодежи в финно-угорских регионах Российской Федерации»

г. Йошкар-Ола 11–13 октября 2007 года

На заседании Совета при полномочном представителе Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе в декабре 2006 года в г. Уфе 2007 год объявлен Годом молодежи в Приволжском федеральном округе.

Научно-практическая конференция «Положение молодежи в финно-угорских регионах Российской Федерации», которая состоялась в Год молодежи, проводилась по гранту Российского гуманитарного научного фонда.

Актуальность выбранной темы конференции определяется тем, что успех происходящих в Российской Федерации социально-экономических реформ в значительной мере определяется поддержкой их молодым поколением, мировоззрение которого формируется в период современных преобразований, затрагивающих все стороны общественной, политической, социальной жизни.

На современном этапе развития России расширяются возможности участия молодежи – носителя патриотизма, традиций, обычаев народов нашего государства, в формировании и становлении будущего нашей страны.

Финно-угорские народы Российской Федерации, являются в стране третьей по численности языковой группой (вслед за славянской и тюркской). В последние десятилетия в финно-угорских регионах регулярно проводятся международные конгрессы, созданы и создаются различные ассоциации для взаимодействия в различных культурных, социальных, общественно-политических направлениях (Молодежная ассоциация финно-угорских народов, Ассоциация финно-угорских театров, Конгресс финно-угорских писателей и т.д.). В связи с этим, большое значение приобретают развитие сотрудничества молодых ученых, экспертов, государственных служащих и других заинтересованных кругов общественности по изучению и сохранению уникальной, самобытной финно-угорской культуры и вовлечение в этот процесс молодого поколения россиян.

Основная цель конференции – рассмотрение современных научных подходов в изучении гражданской позиции молодежи, ее социального статуса, экономической перспективы и особенностей реализации государственной молодежной политики в регионах с компактным проживанием финно-угорских народов.

В работе конференции приняли участие ученые, служащие государственных структур по работе с молодежью, общественные деятели, студенты и аспиранты из г.Москвы, Республики Коми, Республики Карелия, Удмуртской Республики, Республики Башкортостан, Республики Татарстан, Чувашской Республики, Республики Марий Эл, Ханты-Мансийского автономного округа и Кировской области.

На заседаниях секций и круглого стола участники конференции обсудили следующие вопросы: место и роль молодежи в современной России, воспитание патриотизма и гражданской позиции, проблемы профессионального становления, статуса, адаптации, сохранения национальных традиций и обычаев и многие другие. Участники отметили высокий научный уровень конференции.

Участники конференции, заслушав и обсудив доклады и сообщения, приняли следующие рекомендации:

1. Развернуть в регионах, где компактно проживают финно-угорские народы, последовательные и всесторонние исследования проблем молодежи, придав им строгий научный характер и системность.

2. Поскольку финно-угорское население проживает, в основном, в сельской местности; особое внимание уделять проблемам развития села; созданию привлекательных рабочих мест для закрепления на селе молодежи, прежде всего, молодых женщин, а также проблеме адаптации сельской студенческой молодежи к городскому образу жизни.

3. Считать необходимым проведение подобных конференций регулярно раз в 2-3 года, что поможет анализу ситуации и научной корректировке решений в области государственной молодежной политики в регионах с компактным проживанием финно-угорских народов Российской Федерации.

4. Для изучения потребностей молодежи, проживающей в этих регионах, необходимо создать сеть научного мониторинга, исследования проводить по единой методике, с последующим опубликованием материалов в межрегиональном сборнике.

5. В Республике Марий Эл накоплен богатый эмпирический материал по изучению проблем молодежи. Начиная с 1981 года, отдел социологии МарНИИЯЛИ проводит регулярные социологические опросы молодежи республики. Данные опросов опубликованы в тематических сборниках и изложены в республиканских и региональных материалах конференций. Учитывая, что Республика Марий Эл имеет многолетний значительный опыт в проведении крупных научных исследований возложить координационную и организационную роль на МарНИИЯЛИ им. В.М.Васильева при Правительстве Республики Марий Эл.

6. Поручить МарНИИЯЛИ им.В.М.Васильева подготовить, с учетом мнения участников конференции, предложения о создании системы централизованного мониторинга и анализа проблем молодежи в регионах с компактным проживанием финно-угорских народов Российской Федерации.

Ольга Орлова
Йошкар-Ола

«Финно-угроведение», 2008, № 1

МУЗЕЙНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЕВСЕЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Первая музейная научно-практическая конференция «**Евсеевские чтения**» проводилась 29 ноября 2007 г. в Республике Марий Эл впервые на базе Национального музея имени Тимофея Евсеева – ведущего методического информационного центра республики. В 2007 году исполнилось 120 лет со дня рождения одного из основателей музея, известного исследователя традиционной культуры народа мари Т.Е. Евсеева, чье имя носит музей. С именем Тимофея Евсеева связано становление музейного дела в Республике Марий Эл и комплектование первых музейных коллекций. Конференция проводилась в рамках проекта «Открытый музей: многокультурность в музее». Цель этого проекта – превратить Национальный музей в платформу для межкультурных коммуникаций. Организаторами конференции являлись Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл и Национальный музей РМЭ им. Т. Евсеева. На открытии конференции с приветственным словом выступил глава Правительства РМЭ, министр культуры, печати и по делам национальностей М.З. Васютин.

Музейная научно-практическая конференция «**Евсеевские чтения**» проводилась с **целью** активизации межкультурной коммуникации в музейном сообществе и внедрения музейных технологий в работу образовательных и культурных учреждений РМЭ. Организаторы конференции ставили перед собой следующие задачи:

– создать специализированные образовательные пространства в музее;

– привлечь музейное сообщество к проблеме многокультурности в музеях;

– привлечь внимание к культурному наследию народов региона в изменившейся социокультурной ситуации.

В конференции приняли участие сотрудники музеев г. Йошкар-Олы и Республики Марий Эл, исторических и культурологических кафедр вузов, Государственного архива, МарНИИЯЛИ, отдела краеведения Национальной библиотеки им. С.Г. Чавайна. Почетными гостями конференции являлись представители Правительства РМЭ и Министерства культуры, печати и по делам национальностей РМЭ, представители национальных общественных объединений, землячеств, члены творческих союзов.

На пленарном заседании выступили: А.И. Хват – директор музея – с докладом «Музеи в системе культуры. Сущность и предназначение», Т.Л. Марьинская – зам. директора музея по развитию – с докладом «Культурное наследие в музеях РМЭ», Н.Н. Гаврилов – референт международного отдела МарГУ – с докладом

«Марийский народ в финно-угорском мире», и Н.А. Лукиных – зам. директора Гос. архива РМЭ – с презентацией электронной выставки «Тимофей Евсеев и марийское краеведение».

В рамках конференции проводились секционные заседания по следующим направлениям:

1) Инновационная деятельность музеев. Многокультурность в музеях и музейная педагогика.

2) Музеи и наследие. Фондовые коллекции и экспедиционная работа.

3) Музеи и наследие. Музейная экспозиция. Вещь в музейном пространстве.

На секционных заседаниях был заслушан 41 доклад. Во время работы первой секции сотрудники музеев поделились опытом музейно-педагогической деятельности, рассмотрели перспективы ее развития, а также особенности взаимодействия музеев с образовательными учреждениями, в том числе и в деле сохранения и популяризации традиционной культуры. Вторая секция была посвящена уникальным фондовым коллекциям и материалам экспедиций. На третьей секции рассматривались музейные проекты и экспозиционно-выставочная деятельность музеев. Были подняты проблемы сохранения объектов культурного наследия.

По итогам работы конференции планируется издать сборник «Музейный вестник №2», в который будут включены доклады участников конференции. В дальнейшем «Евсеевские чтения» предполагается проводить ежегодно, а материалы конференции публиковать в музейных вестниках.

Екатерина Курочкина
Йошкар-Ола

ФИННО-УГОРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ 2007 ГОДА

23–26 января г. Ханты-Мансийск	Семинар «Родные языки в системе образования», организованный Консультативным комитетом финно-угорских народов.
25–27 января г. Саранск	Вторая Всероссийская выставка-ярмарка народных художественных промыслов и ремесел финно-угорских народов. Приняли участие около 100 предприятий и организаций из 15 регионов России, от Мордовии в выставке-ярмарке приняли участие 45 отдельных мастеров.
29 января г. Хельсинки	В Российском центре науки и культуры состоялось открытие Года русского языка в Финляндии. В торжественной церемонии приняли участие дипломаты, представители российских и финских органов власти, ученые, студенты, изучающие язык и культуру России. В течение всего года в Финляндии проводились целые комплексы различных мероприятий, которые были направлены на содействие изучению и применению русского языка в этой стране в качестве одного из средств укрепления российско-финляндских отношений. Прошел фестиваль русского и финского языков для школьников и студентов двух стран, семинары, художественные выставки, театральные спектакли и концерты российских деятелей искусства.
15–17 февраля г. Кудымкар Пермский край	Заседание координаторов Консультативного комитета финно-угорских народов.
16 февраля г. Петрозаводск	Конкурс красоты «Звезда Севера» среди девушек, представителей финно-угорских народов.
19–26 марта г. Ижевск	Первая сессия проекта по обучению неправительственных организаций финно-угорских народов. В 2006 году стартовал совместный финляндско-российский про-

	ект по обучению неправительственных организаций финно-угорских народов. Первая группа (40 человек) – с 18 по 22 марта, вторая группа (40 человек) – с 22 по 26 марта 2007 года. Руководитель проекта – исполнительный директор местной организации Общества «Финляндия – Россия» из западной Финляндии Сейя Лаало-Ристиля. Секретарь проекта – Алексей Конюхов, зам. Председателя Ассоциации финно-угорских народов Российской Федерации.
17 марта г. Челябинск	День финно-угорского центра «Летят журавли». В этот день прошли выставки национальных блюд, костюмов, работ художников, выступления творческих коллективов. В настоящее время представители 13 народов финно-угорской группы населяют Южный Урал.
30 марта г. Йошкар-Ола	Учредительная конференция Международной ассоциации финно-угорских университетов с участием Марийского, Петрозаводского Сыктывкарского, Удмуртского, Будапештского гуманитарного университетов и Сомбатхейского педагогического института.
30 марта г. Санкт-Петербург	Презентация Финно-угорского культурного центра Российской Федерации. В декабре 2006 г. презентация Центра состоялась в Москве.
Март г. Сыктывкар	Турнир по настольному теннису.
3 апреля г. Тверь	Заседание Международного консультативного комитета финно-угорских народов. На заседании были представлены три государства – Россия, Венгрия и Финляндия. Основной доклад сделал заместитель председателя Российской ассоциации финно-угорских народов Александр Конюхов. Основные моменты доклада касались социально-экономических, юридических и социолингвистических проблем в жизни финно-угорских народов России. Принято решение, что V Всемирный конгресс финно-угорских народов состоится 26–30 июня 2008 года в Ханты-Мансийске по теме «Мы и изменяющийся мир» Принят регламент Всемирного конгресса.
12 апреля г. Саранск	Вышел первый номер российского еженедельника «Финно-угорская газета» издание исполкома Общероссийского общественного движения «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» и некоммерческой ассоциации «Поволжский Центр культур финно-угорских народов».

25–27 апреля г. Саранск	Международный симпозиум «Финно-угорская топонимика в ареальном аспекте».
27 апреля г. Сыктывкар	Утверждено Положение о филиале Государственного Российского Дома народного творчества «Финно-угорский культурный центр Российской Федерации».
28–29 апреля г. Йошкар-Ола	Турнир финно-угорских регионов по дзюдо. Участвовали команды из Коми, Коми-Пермяцкого округа, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии.
Апрель г. Москва	Заседание Совета координаторов финно-угорских культурных центров России. В Российском доме народного творчества собрались руководители национально-культурных объединений из Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов, Республик Карелия, Коми, Удмуртия, Мордовия. Инициатором проведения выступило федеральное агентство по культуре и кинематографии Российской Федерации.
16–18 мая г. Сомбатхей Венгрия	Научно-практическая конференция «Терминология финно-угорских языков» проходила в педагогическом институте имени Берджени с участием ученых из Мордовии, Марий Эл, Удмуртии, Ханты-Мансийска, Татарстана, Эстонии.
4–6 мая г. Петрозаводск	Молодежный финно-угорский фольклорный фестиваль «Большая медведица». Организаторами фестиваля выступили Министерство культуры и по связям с общественностью Республики Карелия. республиканский Центр национальных культур. В рамках фестиваля состоялись – выставка «Традиционные ремесла финно-угров Баренцева региона», мастер-классы по традиционным играм, музыке, песням и танцам финно-угорских народов Баренцева региона и гала-концерт. Фестиваль проводился при поддержке Норвежского Баренцева секретариата в рамках региональной молодежной программы.
9 мая г. Петрозаводск	Международный фестиваль хореографии финно-угорских народов.
14–18 мая г. Йошкар-Ола	Семинар музейных работников «Символы финно-угорских народов и их популяризация музейными средствами». Участвовали 43 представителя из 16 музейных учреждений Мордовии, Удмуртии, Коми, Марий Эл, г. Сургута, Финляндии, Венгрии, музея-заповедника «Тарханы», в том числе ученые из МарНИИЯЛИ, Марийского государственного университета.

15–18 мая г. Йошкар-Ола	Межрегиональный форум «Финно-угорский этнокультурный проект». Организаторами форума выступили Министерство культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, Марийский республиканский общественный фонд содействия развитию культур финно-угорских народов, Общероссийское общественное движение «Ассоциация финно-угорских народов России». Было представлено 120 различных проектов представителей Финляндии, Республик Карелия, Коми, Мордовия, Татарстан, Марий Эл, Удмуртия, Ханты-Мансийского автономного округа, Вологодской области, Ямало-Ненецкого автономного округа, Пермского края. Всего участников насчитывалось 237 человек.
20–24 мая г.Саранск	XXIII Международная научная конференция финно-угорских студентов (IFUSCO). В программе форума – пленарные выступления, работа секций, экскурсии, посещение музеев, выставок, эрзянско-мокшанской деревни, встречи с общественностью. В рамках конференции работали 10 секций: 1. Проблемы финно-угорского языкознания. 2. Фольклор и литературоведение. 3. Журналистика и общественное мнение. 4. Финно-угорский мир: история, археология, этнография. 5. Этнокультура и социум финно-угорских народов. 6. Народные и профессиональные традиции в современной культуре. 7. Экономика и управление: проблемы и перспективы. 8. Экология, здравоохранение и физическая культура. 9. Финно-угорские народы: правовые традиции и современное право. 10. Финно-угорские народы: этнополитические процессы. Основными организаторами конференции выступили: Правительство Республики Мордовия, Мордовский государственный университет имени Н.П.Огарева, Общероссийское общественное движение «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации», Молодежная ассоциация финно-угорских народов. Приняло участие 480 человек из регионов России, Венгрии, Финляндии, Эстонии, Польши, Франции, США.
25 мая г. Саранск	Расширенное заседание Правления МАФУН, на котором участники обсудили вопросы подготовки к очередному конгрессу МАФУН.
Июль г. Саранск	Заседание Совета координаторов финно-угорских культурных центров России.

17–24 июня г. Сыктывкар	Шестой Международный финно-угорский фестиваль детских и молодежных театров.
3–4 июля г. Хельсинки	Основана некоммерческая организация «Финско-российский гражданский форум», которая провела первое заседание «Права человека и демократия в России».
4 июля г. Йошкар-Ола	Рабочий визит по приглашению Президента Марий Эл Чрезвычайного и Полномочного Посла Венгерской Республики в Российской Федерации господина Арпада Секей.
2–20 июля г. Йошкар-Ола	Летняя школа марийского языка и культуры и курсы финского языка и культуры в Марийском государственном университете. Курсы финского в Йошкар-Оле проходили 25 студентов из Марий Эл, Коми, Карелии и Ханты-Мансийского АО. На курсах финского языка в качестве лекторов выступают преподаватели и студенты финских вузов. Финансирование курсов финского языка и культуры взяла на себя финская сторона.
13–21 июля Республика Марий Эл	В рамках Года молодежи в Приволжском федеральном округе при поддержке аппарата Полномочного представителя Президента Российской Федерации в Приволжском федеральном округе состоялась XVI смена Международного лагеря детей финно-угорских народов. Организаторами стали Министерство образования Республики Марий Эл совместно с Союзом детских и подростковых организаций Марий Эл «Эрвий» – «Юная сила». В работе лагеря приняли участие делегации Республик Башкортостан, Мордовия, Татарстан, Кировской области, Пермского края, Ханты-Мансийского автономного округа. Лагерные смены детей финно-угорских народов проходят с августа 1991 года. Ежегодно в лагерь съезжается от 6 до 11 делегаций финно-угорских народов России и зарубежья. Количество участников смены 150–250 человек. Постоянными гостями стали венгры, эстонцы, карелы, вепсы, эрзя, мокша, коми, коми-пермяки, удмурты, ханты, манси, представители марийских диаспор различных регионов России. Цель летней лагерной смены – духовное развитие подрастающего поколения на основе изучения и возрождения традиций финно-угорских народов.
19–21 июля г. Саранск	Международный фестиваль культур финно-угорских народов «Шумбрат, Финно-Угрия!». В мероприятиях фестиваля приняли участие Президент Российской Федерации В.Путин, Президент Финляндской Республики Т. Халонен, премьер-министр Венгер-

ской Республики Ф.Дюран. Всего участников было 1500, 74 фольклорных коллектива, 315 мастеров народных промыслов.
Программа фестиваля включала в себя: конкурс резчиков по дереву, художественную выставку, фольклорный фестиваль, выставки-конкурсы национального костюма, изделий мастеров декоративно-прикладного искусства, промыслов, ремесел, национальной литературы, дегустация национальной кухни, фестиваль эстрадной музыки, конкурс телевизионных программ и фильмов, творческий фестиваль студенческой молодежи.

8–11 августа г. Йошкар-Ола	Турнир по хоккею финно-угорских народов.
17–18 августа г. Сыктывкар	Круглый стол, посвященный Первому Всемирному конгрессу финно-угорских народов, был организован Консультативным комитетом финно-угорских народов с участием 50 представителей России, Финляндии, Венгрии.
23–25 августа г.Сыктывкар	VIII Конгресс молодежной ассоциации финно-угорских народов. В МАФУН насчитывается 41 ассоциированный член. Заслушан отчет работы правления и проектных групп. Утвержден план работы на 2007–2009 годы. Избран новый состав правления и Президентом стал Алексей Рассыхаев (Республика Коми).
26 августа г.Ижевск	Международный спортивный фестиваль финно-угорских народов по боксу.
22 августа– 5 сентября г. Сыктывкар	Выставка финно-угорских фотожурналистов «Марийская деревня глазами финно-угорских фотожурналистов». Организаторы выставки – межрегиональная общественная организация Российская ассоциация финно-угорских журналистов, Республиканский центр марийской культуры. Впервые выставка демонстрировалась с 11 по 15 июля 2005 года в селе Шоруньжа Моркинского района Республики Марий Эл в рамках творческого семинара фотокорреспондентов финно-угорских СМИ. Семинар и фотовыставка были направлены на пропаганду финно-угорских языков и культур, содействие развитию печатных изданий и электронных средств массовой информации, а также на развитие сотрудничества и рост профессиональной творческой деятельности финно-угорских журналистов. В 2006 году фотовыставка была показана в Ханты-Мансийске, Салехарде, Сыктывкаре и Финляндии, а в 2007 году – в Йошкар-Оле в рамках Межрегионального форума «Финно-угорский этнокультурный проект».

27–29 сентября г. Тверь	VIII Российско-Финляндский культурный форум «Информатизация: интернет культура».
28 сентября г.Ханты-Мансийск	В рамках Дней родственных народов проведен семинар «Вечная мерзлота тает – что ожидает коренные народности».
1 октября г. Раяла Швеция	Саранская арт-фолк группа «Морденс» одержала победу на международном фестивале «Laulun Laulut–2007». «Морденс» показала собственный вариант песенного национального свадебного обряда в современной инструментальной обработке. В фестивале приняли участие музыканты из Швеции, Финляндии, Латвии, Литвы, Эстонии, Польши и Германии. Россию, кроме мордовских победителей, представлял фольклорный карельский ансамбль «Олемба» из Петрозаводска, который занял второе место. Победителям вручили премию и официальное приглашение на следующий общеевропейский песенный фестиваль-конкурс, который пройдет осенью 2008 года в Нидерландах.
9–12 октября г. Ханты-Мансийск	Межрегиональная научно-практическая конференция «Ткачество и вышивка финно-угорских народов».
11–13 октября г. Йошкар-Ола	II фестиваль бардовской песни финно-угорских народов «Юлавий».
11–13 октября г. Йошкар-Ола	Научно-практический семинар «Положение молодежи в финно-угорских регионах Российской Федерации», в рамках которого состоялся круглый стол «Государственная молодежная политика: итоги, современное состояние, перспективы» и секционные заседания «Социализация молодежи», «Социальный статус и самоидентификация молодежи». В работе семинара участвовали представители Башкортостана, Татарстана, городов Сыктывкара, Пензы, Чебоксар, Нижнего Новгорода, Ижевска, Кирова, Москвы, Петрозаводска, Ханты-Мансийска, Йошкар-Олы. Организаторы : МарНИИЯЛИ, Российский гуманитарный научный фонд при поддержке Правительства Респбулики Марий Эл, Аппарата Полномочного Представителя Российской Федерации в Приволжском федеральном округе по Республике Марий Эл.
10–13 октября г. Саранск	XIV Международный фестиваль телевизионных программ и телефильмов «Финно-угорский мир». Всего на фестиваль была прислана 41 работа на тему национальных традиций, культуры, истории, злободневных проблем от телекомпаний финно-угорских

регионов России, Коми, Венгрии, Оренбургской, Пензенской и Тюменской областей, а также Ямало-Ненецкого автономного и Коми-Пермяцкого округов. Гран-при получил фильм ГТРК «Коми гор» «Владимир Тимин».

Третья суббота октября во всех регионах

Дни родственных народов.
В соответствии с решением состоявшегося в 1931 году IV финно-угорского культурного форума Дни родственных народов отмечаются каждый год в конце третьей недели октября.
В 1940 году традиция празднования Дней родственных народов прервалась. В 2000 году проведение Дней родственных народов в конце третьей недели октября утвердил IV Всемирный конгресс финно-угорских народов в Хельсинки.

17–18 октября г. Ханты-Мансийск

Заседание Консультативного комитета финно-угорских народов, на котором рассмотрены вопросы подготовки и проведения V Всемирного конгресса финно-угорских народов (программа конгресса, квоты делегаций и наблюдателей, темы основных докладов и вопросы секционных заседаний), план работы и бюджет на 2008 год. Комитет является координирующим органом Всемирного конгресса финно-угорских народов, защищает права, интересы и действует в соответствии с принципами и задачами сотрудничества финно-угорских народов мира в области права, экономики, экологии, социальных вопросов, информации, образования, науки и культуры.
В заседании приняли участие представители Венгрии, Эстонии, Финляндии, Удмуртской республики, Карелии, Мордовии, Республики Марий Эл, Пермского края, Санкт-Петербурга, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов.
На первом конгрессе присутствовали 278 делегатов, а на пятом предполагается участие порядка тысячи представителей финно-угорских народов мира.

17–20 октября г. Хельсинки

Семинар «Культурное наследие финно-угорских народов» для музейных работников Финляндии, Удмуртии, Мордовии, Марий Эл.

17–21 октября г. Петрозаводск

II ежегодный международный турнир по боксу класса «А».

19 октября г. Таллинн

Научно-практическая конференция, посвященная 80-летию некоммерческого объединения «Учреждение Фенно-Угрия».
Президент Эстонии Тоомас Хендрик Ильвес встретился с финно-угорскими писателями.

20 октября г. Москва	Венгерский культурный центр провел вечер, посвященный дню родственных народов при организационной поддержке Объединения финно-угорских народов г. Москвы.
27 октября– 2 ноября г. Тверь	Вторая сессия Проекта по обучению неправительственных организаций финно-угорских народов, посвященная деятельности национальных организаций. Инициатор проекта – общество «Финляндия – Россия», основной партнер – Ассоциация финно-угорских народов России. Именно на них лежит основная финансовая и организационная ответственность за проведение сессий. В подготовке и проведении сессий активное участие принимают региональные власти тех субъектов РФ, где проводятся сессии. Это уже четвертая сессия масштабного международного финляндско-российского проекта для национальных общественных организаций, рассчитанного на три года. Предыдущие сессии прошли в Сыктывкаре, Саранске и Ижевске. За три года обучение пройдут около 200 активистов из республик Коми, Мордовия, Карелия, Удмуртия, Марий Эл, Башкортостан, Ханты-Мансийского, Ненецкого, Ямало-Ненецкого и Коми-Пермяцкого автономных округов, Тверской, Мурманской, Пензенской, Самарской и Ленинградской областей, города Санкт-Петербурга и других регионов.
25–26 октября г. Ульяновск	Фестиваль культур финно-угорских народов. Расширенное заседание исполкома Ассоциации финно-угорских народов России с участием Совета межрегионального общественного движения мордовского народа. В рамках форума состоялись круглые столы в областной администрации, в Финно-угорском культурно-образовательном центре Заволжского района Ульяновской области на тему «Пути сохранения и развития финно-угорской культуры Ульяновской области». Прошло выездное расширенное заседание-семинар Межрегионального совета общественного движения мордовского народа «АФУН РФ» на тему «Родной язык, этнокультура в учреждениях образования в местах компактного проживания мордовского народа» на базе Старобесовской образовательной школы муниципального образования Новомалыклинского района Ульяновской области, посвященное Дню родственных финно-угорских народов.
29–30 октября г. Санкт-Петербург	Состоялась конференция «Поликультурный Северо-Запад: финно-угорский компонент» по выработке предложений по сохранению и развитию культурно-исторического наследия финно-угор-

ских народов. В конференции приняли участие представители общественных молодежных финно-угорских организаций России, Финляндии, Венгрии и Эстонии, этнографы, представители администрации Санкт-Петербурга.
В рамках конференции состоялись «круглые столы» по темам: «Проблемы и перспективы финно-угристики и преподавания финно-угорских языков», «История и культура финно-угорских народов РФ». Были представлены издательские, исследовательские и выставочные проекты на тему «Современный этап национального движения финно-угорских народов РФ».

1 ноября
г. Москва

Конференция «Финно-угорский мир в XXI веке», организованная эстонским некоммерческим объединением «Учреждение Фенно-Угриа», посвященная 80-летию со дня создания.
Эстонская Программа родственных народов совместно с Ассоциацией финно-угорских литератур впервые присудила Литературные премии по четырем номинациям: художественная литература, переводная литература, детская литература и литературоведение. Премию в категории художественной литературы получил удмуртский писатель **Сергей Матвеев** за роман «Стихи, украденные у рыбы».
В категории переводной литературы премию заслужила удмуртская писательница **Надежда Пчеловодова** за перевод произведения Б.Алвер «Звёздный час». Премию детской литературы получила марийская писательница **Светлана Григорьева** за сборник рассказов «Йомшо чывиге» (Потерявшийся цыпленок). В категории литературоведение премировали коми литературоведа **Татьяну Кузнецову** за сборник статей «Пути развития литературы: писатель и время».

6–8 ноября
г. Сыктывкар

Третий Всероссийский финно-угорский фестиваль прессы. Принимали участие около 90 представителей Финляндии, Эстонии, регионов России – Республик Коми, Марий Эл, Мордовия, Удмуртия, Карелия, Пермского края, Башкортостана, Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов. Работали 5 секций: «общественно-политические издания», «детские СМИ», «публицистика», «фотожурналистика», «национальное радиовещание». Рассмотрены вопросы активизации роли финно-угорских средств массовой информации в укреплении дружбы родственных народов, развитии межнационального общения и межрегионального сотрудничества, развитии финно-угорского информационного пространства, реализации потенциала национальных изданий. Подведены итоги III Всероссийского конкурса финно-угорских пе-

чатных СМИ, в котором участвовали 37 изданий из 9 регионов. В работе конференции принял участие Глава Республики Коми В.Торлопов. Организаторы фестиваля – Агентство Республики Коми по печати и массовым коммуникациям, финно-угорский культурный центр Российской Федерации, Министерство культуры и национальной политике Республик Коми. В дни работы фестиваля состоялось заседание Российской ассоциации финно-угорских журналистов.

14–17 ноября
Нижегородская область

Дни Финляндии в России. Организатором с финской стороны является Общество «Финляндия-Россия», имеющее 200 первичных организаций по всей Финляндии. Цель – содействие развитию сотрудничества и установлению контактов между гражданами Финляндии и России в различных областях.

13–18 ноября
г. Салехард
Ямало-Ненецкий автономный округ

Традиционные встречи родственных финно-угорских народов. Проведение ток-шоу «Мы – финно-угры», уроков музыкального фольклора; выставка художника А. Юхлымовой «Ханты письмена».

21 ноября
г. Йошкар-Ола

Заседание координаторов финно-угорского культурного центра. Обсуждены вопросы создания сайта в сети Интернет (finno-ugoria.ru) и российского финно-угорского журнала.

22 ноября
г. Стерлитамак
Башкортостан

Круглый стол «Культуры и национальное развитие финно-угорских народов Башкортостана». Руководители национально-культурных центров финно-угорских народов Башкортостана собрались в Стерлитамакском педагогическом колледже. Участие в этом форуме приняли первый заместитель министра культуры и национальной политики РБ **Ольга Ижбульдина**, председатель Мордовской национально-культурной автономии РБ **Николай Герасимов**, председатель Марийской национально-культурной автономии РБ **Павел Бикмурзин**, председатель национально-культурного центра удмуртов Башкортостана **Ринат Галямшин**, главы администраций сельских поселений с компактным проживанием финно-угорского населения и активные члены финно-угорских общественных организаций Уфы, Янаула, Татышлинского, Федоровского, Краснокамского, Калтасинского, Мишкинского, Аургазинского, Стерлитамакского и Ермекеевского районов.
Принят план работы Ассамблеи финно-угорских народов РБ на 2008 год, рассмотрены вопросы дальнейшего взаимосближения финно-угорских народов Башкортостана, а также презентация

нового общероссийского издания «Финно-угорская газета». Ассамблея финно-угорских народов Республики Башкортостан была создана в 2005 году.

23–24 ноября
г. Сыктывкар — Заседание Правления МАФУН по вопросам внесения изменений в Устав, об участии в V Всемирном конгрессе финно-угорских народов.

27–28 ноября
г. Саранск — Межрегиональный фестиваль финно-угорской книги «Тиринь-Тядянь вал» (Родное слово).

28–29 ноября
г. Кудымкар — III Международная научно-практическая конференция «Коми-пермяки и финно-угорский мир: будущее края – ответственность молодёжи». Организаторы Министерство культуры и молодежной политики Пермского края, филиал ГОУ ВПО «Удмуртский государственный университет» совместно с Коми-Пермяцким отделом общественных наук ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН.

6 декабря — 90 лет назад Финский парламент принял декларацию о независимости, а 31 декабря Советское правительство признало независимость Финляндской Республики.

декабрь
г. Сыктывкар — Информационный центр «Финноугория» федерального финно-угорского культурного центра открыл сайт www.finnougoria.ru., направленный на сохранение и популяризацию культур, языков и традиций финно-угорских народов. Одной из его задач является информационное сопровождение региональных проектов и программ, поддерживающих межкультурное общение.

В течение года — Продолжены передачи на марийском языке на Юлейсрадио. С осени звучат краткие обзоры на коми и эрзянском языках. Русская служба ЮЛЕ в сотрудничестве с Обществом М.А. Кастрена и университетом Турку готовит передачи на родственных финскому языках с осени 1999 года.
В русскоязычной части программы передаются сюжеты, посвященные жизни финно-угорских народов, а в обзорах на родственных финскому языках говорят о событиях в Финляндии.

Игорь Садовин
Йошкар-Ола

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бобков Александр Анатольевич – сотрудник Управления по связям с общественностью Ижевского ГТУ

Большова Надежда Александровна – заместитель директора Национального музея Республики Марий Эл им. Т.Е. Евсеева

Ипакова Марина Тимерьяновна – младший научный сотрудник отдела языка МарНИИЯЛИ

Казакова Надежда Кимовна – учитель декоративно-прикладного искусства специализированной школы-интерната для одаренных детей г. Козьмодемьянска

Казанцев Дмитрий Егорович – доктор филологических наук, профессор МарГУ

Кирси Мякеля – студентка кафедры социальной и культурной антропологии Хельсинкского университета

Кузнецова Маргарита Нифонтовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры уральской филологии Западно-венгерского университета

Кульбаева Наталия Ивановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела литературы и фольклора МарНИИЯЛИ

Курочкина Екатерина Владимировна – ученый секретарь Национального музея РМЭ им. Т.Е. Евсеева

Миннияхметова Татьяна Миннияхметовна – доктор философских наук, научный сотрудник Института европейской этнологии и фольклора

Молотова Тамара Лаврентьевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Мустаев Елизар Николаевич – кандидат филологических наук, профессор МарГУ

Орлова Ольга Викторовна – кандидат исторических наук, заведующая отделом социологии МарНИИЯЛИ

Помози Петер – доцент кафедры финно-угорских языков Будапештского университета им. Лоранда Этвёша

Руотсала Хелена – доктор философских наук, профессор Туркуского университета

Садиков Ранус Рафикович – кандидат исторических наук, докторант Центра этнологических исследований УНЦ РАН

Садовин Игорь Геннадьевич – координатор общества М.А.Кастрена по Республике Марий Эл

Сануков Ксенофонт Никанорович – доктор исторических наук, профессор кафедры региональной истории МарГУ

Сепеев Геннадий Андреевич – кандидат исторических наук, главный научный сотрудник отдела этнологии МарНИИЯЛИ

Сухин Владимир Иванович – кандидат исторических наук, ученый секретарь МарНИИЯЛИ

Христолюбова Людмила Степановна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела исторических исследований Удмуртского НИИ ИЯЛ УрО РАН

CONTENTS

ARTICLES

Molotova T.L. Ildiko Lehtinen is a researcher of Finno-Ugric people culture 3
Minniyahmetova T.M. Traveling notes about I. Lehtinen's expeditions to the Eastern Maris 11
Sepeyev G.A. Memorial anniversary meetings 16
Ruotsala H. Modernization and gender space (area) of Mari village 22
Kurs O. Signs of «forest» Finns in central Scandinavia 31
Sadikov R.S., Mäkelä K.Y. Wihmann's manuscript about religious believes and rites of Kama Udmurts as an important historical source 42
Bolshova N.A., Kurochkina E. V. Ethno-defined images in Mari ritual embroibery (on ethnographic collection of National Museum of Mari El Republic) 57
Kazakova N.K. Studing of mountain Mari's traditional costumes on the lessons of decorative and applied art 64

REPORTS

Khristolubova L.S. Family household in the conditions of transformations on the brink of centuries 67
Bobkov A.A. National character in the context of political socialization of young people in regional level: to the staging problem 81
Kuznetsova M.N. Systems of spatial cases in the Mari language 87
Kazantsev D.E. About the origin of the plural suffixes "vlak" and "vlā" in the Mari language 97

PERSONS

Sanukov K.N. V.M. Vasilyev (to the 125th anniversary) 110
Pomozi P. Gabor Beretski is 80 113
Mustayev E.N. A.N. Kuklin is 60 118
Ipakova M.T. Professor Alho Alhoniemi is 75 126

SURVEYS AND REVIEWS

Sukhin V.I. Rev.: A.N. Turubanov. Fuel complex of Komi Republic in the XX century. Syktyvkar, 2007. 191 pp. 133
Kulbayeva N.I. Rev.: Yadarova I.A. Development of essay in Mari literature. Yoshkar-Ola, 2008. 142 pp. 137

CHRONICLE

Orlova O.V. Informational report 140
Kurochkina E.V. Museum scientific practical conference. The Yevseyev's reading 144
Sadovin I. Finno-Ugric calendar to the 2007 year 146
Information about the authors 158

«Финно-угроведение», 2008, № 1

Научный журнал
Основан в феврале 1994 года

Свидетельство о регистрации ПИ № 77–5360
Выдано Министерством Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций

Издатель и учредитель:
МарНИИЯЛИ
424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44

Адрес редакции: 424036, г. Йошкар-Ола,
ул. Красноармейская, 44
Телефон: 64-19-28, 45-39-94
т. факс (8362) 45-14-73
E-mail: marnii@mari-el.ru

Редактор *Н. И. Сараева*
Компьютерная верстка *З. Г. Воронцовой*
Обложка художника *Ю. П. Клюкина*
Английский текст *Э. И. Пекшеевой*

Подписано в печать 16.06.2008. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 12,9. Тираж 300 экз. Заказ № 1115
Цена свободная

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Марийский полиграфическо-издательский комбинат»
424002, г. Йошкар-Ола, ул. Комсомольская, 112